

«Пытаться не любить тебя»

Амабиле Джусти

Серия «Пытаться не любить тебя» #1 (дилогия)

Переводчик – Надежда С.

Редактор – Дарья М.

Редактор и оформитель – Анна Б.

Обложка – Мария Гридиня

Перевод выполнен для группы https://vk.com/beautiful_translation

Аннотация:

Пенелопе двадцать два года, она романтичная и мужественная девушка с розовой прядью в волосах и ногтями, которые украшают причудливые рисунки. Сирота, живёт со своей большой бабушкой в бедном пригороде одного из американских городов; она отказалась от обучения в колледже, чтобы находиться с ней рядом. Ночью Пенни смешивает коктейли в клубе, а днём работает в библиотеке. Живёт с надеждой встретить свою вечную любовь, ту, что начинается с заглавной буквы «Л».

Однажды, подобно циклону, в жизнь Пенни врывается Маркус, её новый сосед. Он – полная противоположность героя, о котором мечтает девушка: ему двадцать пять лет, он груб, покрыт татуировками, с ледяным взглядом серых глаз. Определённо, он выглядит угрожающе. Маркус находится на испытательном сроке и работает в клубе вышибалой. Между ними сразу начинает проявляться враждебность. Но лучшие узнавая друг друга, они обнаруживают, что оба имеют болезненное, насильственное прошлое и воспоминания, которые нужно стереть, а также тайны, которые необходимо спрятать. История любви и возрождения, сладкая и чувственная, трагичная и успокаивающая. Встреча двух, абсолютно разных душ, возродит к жизни любовь, которая исцелит боль и ненависть к прошлому.

Данная книга – полностью выдуманное произведение. Имена, персонажи, места и события являются результатом воображения автора или использовались вымышленным способом. Любое сходство с фактами, местами и реальными персонами, ныне живущими или умершими, является чисто случайным.

*К разбитому сердцу
Не подпускай никого
Без наивысшей чести
Взаимного страдания.*

Эмили Дикинсон, *Слога из шёлка*

Глава 1

Резиновые сапоги утопали в лужах; и не было никакой возможности избежать хотя бы одну из них. В довершение всего, каждый проезжающий мимо автомобиль, вспенивал волны океанского масштаба, распыляя брызги прямо в глаза. Из-под шерстяной шляпки-клош (прим.пер.: дамская шляпка в форме колокольчика) розового цвета, сверху украшенной помпоном, её бедные волосы свисали подобно мёртвым медузам.

Какая дерьямовая ночь! И если подумать, то маршрут от бара был коротким, всего два квартала, но это были два квартала кошмара. Каждую ночь эти два квартала будто крали годы её жизни, и достигая дома, она чувствовала себя тем, кто сумел пересечь минное поле, не потеряв даже ноготь. Дуракам, чудесным образом везёт. Дождь сегодня вечером был бонусом, подсунутым судьбой балластом, в дополнение ко всем издевательствам.

Она остановилась на определённом расстоянии с надеждой, что его там нет. Он появлялся не всегда, но приходил настойчиво, с нерегулярной очерёдностью: в один день да, ещё один нет, и опять нет, а потом – сюрприз. Вот вам чистое коварство этой игры. Чтобы избежать возможности получить в свой адрес обвинения в полицию, он знал – что можно делать, а что нет. Давно известный факт – если ты не смертельно ранен, то не имеешь права заявить в полицию, и не можешь положить конец преследованию твоим бывшим парнем. И если ты умрешь, то у тебя всё равно нет шансов. Так что в любом случае ты в заднице.

Она остановилась вблизи фонарного столба, работающего с перерывами: свет включился, свет выключился, шипение подобное кремниевой зажигалке, а потом темнота из ужастика. По крайней мере, казалось, его нет перед дверью. Оставалось выяснить, были ли он внутри.

Она втянула воздух вместе с каплями дождя и закусила губы, сказав себе, что не сможет ещё долго оставаться на улице.

«Если я не умру от удара ножа, то умру от пневмонии».

Ускорила шаг, вжимая плечи. Пока Пенелопа добиралась до входа, она поднимала во все стороны брызги, создавая их больше, чем, если бы танцевала чечётку, одетая в жёлтое, подобно Дебби Рейнольдс в «Поющих под дождем».

Какое уродливое здание! Один из многих, преходящих в упадок, несчастных многоквартирных домов, со стенами, покрытыми словно холст, посредственными граффити. Холл мрачный, с бумажными обоями непонятного цвета, которые во многих местах начинали отклеиваться. Идеальное место чтобы устроить ловушку для своей бывшей, которая не захотела с тобой переспать, и любым способом заставить её заплатить за это, потому что ты – не совсем нормальный.

С сердцем, подступившим к горлу, переступила порог дома. Темнота стояла кромешная. Выключатель света повернулся вхолостую и лампочка, которая свисала с оголённой проволоки, не включилась. Темнота, по концентрации похожая на чёрный туман, лишала дыхания.

Пенелопа, которую дорогие ей люди называли Пенни, имела серьёзные проблемы с темнотой: в ней она теряла чувство реальности, становилась парализованной и впадала в жуткую панику. Она с трудом заставила себя дышать и мысленно сосчитала до десяти. Затем, восстановив кровоток в руках и ногах, она пришла в чувства, вновь обретая возможность двигаться. Но это была временная отсрочка, достаточно долгая, чтобы на мгновение обмануть мозг. Если она не найдет немедленно источник света, то закричит.

Достала из сумки сотовый телефон, включила его, и от пролившегося света осветилось серое пространство – вокруг никого, как в пустыне. Немного успокоившись она поднялась по лестнице.

Пенелопа жила на предпоследнем этаже и надеялась, что Грант не удосужится подняться так высоко по лестнице, чтобы устроить засаду в каком-нибудь укромном уголке.

Месяц тому назад, она провела с ним семь дней в глупых отношениях. Они встретились в баре, где работала Пенни. Он вошёл, такой же яркий как солнце, элегантно неряшливый и с очаровательной улыбкой. Она едва произнесла несколько слов, пока готовила для него мохито и в итоге он ждал её после работы снаружи. Грант всё проделал с хитрой деликатностью, преподнося себя как завоевателя, но без настойчивости. Перед входом у «Well Purple», они начали разговаривать с необычайной лёгкостью и ничто в ту звёздную ночь, даже самая маленькая подсказка, не заставила её подозревать, что такая красота и элегантность могут являться блефом. Но на третьем свидании проницательность Пенни была вынуждена расставить всё по своим местам. Этот внешне идеальный парень, мечта всех матерей для своих дочерей, был просто испорченным, закомплексованным, жестоким маленьким дерзом, которому нравилось унижать женщин. Поэтому она бросила его без лишних разговоров. Он не простили её, напротив, с тех пор начал повсюду преследовать. До настоящего момента он ограничивался запугиванием, глядя на неё со свирепой улыбкой и угрожающими шуточками, но всегда без свидетелей. На публике он вёл себя как настоящий джентльмен, тот самый, околовавший её джентльмен, с манерами присущими герою, вышедшему из одного из самых значительных эпизодов «Аббатства Даунтон». Но когда он чувствовал уверенность, что никто кроме Пенни не сможет его услышать, он сбрасывал маску и шёпотом обзвывал её шлюхой. Он домогался её словами недвусмысленного значения, обещая ей болезненные извращения.

Пенни не хотела пугать свою бабушку, поэтому ничего ей не рассказывала. Проведя исследование в интернете, она обнаружила, что без реальной агрессии и доказательств в виде синяков, визита в отделение неотложной помощи и нескольких надёжных свидетелей, правоохранительные органы навряд ли в это поверят. Грант был сыном адвоката, он недавно окончил юридический факультет, был богат и всегда одет как модель «Аберкромби». Он был также красив как модель «Аберкромби». Кто бы мог подумать, что он представляет опасность?

Пенни продолжала подниматься по лестнице. Внезапно сотовый телефон издал типичную трель, оповещающую о заряде батареи на грани краха.

«*Не сейчас, не сейчас, не сейчас!*» – умоляла она. Но сволочь, в доказательство о безразличии к её доводам, внезапно отключился.

Посредине лестничного пролёта, Пенни погрузилась в ещё более плотную темноту.

Поскольку не оставалось иного выбора, как продолжить подниматься, она молилась не вляпаться в какое-нибудь дерзмо, разбросанное по ступеням и с ещё большей надеждой, что паника не вернётся. Но главным образом, надеясь, что из темноты не выскочит Грант.

Задержав дыхание, в спешке, на какую только была способна, она преодолевала лестницу.

«*Ещё три этажа, ещё три этажа. Держись. Ты можешь это сделать. Темнота – это просто темнота, не стена, не колодец, не центр Земли.*»

Внезапно, позади, она услышала отчетливый шум. Кто-то, тяжело шагая, быстро поднимался. Невозможно, чтобы это был один из пожилых людей, проживающих в доме. Она была единственным молодым арендатором в рядах армии пенсионеров старше

шестидесяти лет, совершенно очевидно не имеющих возможности двигаться так ловко и энергично. Успокоить сердцебиение, чтобы избежать разрыва сердца, превратилось в «миссия невыполнима». Казалось, по её груди мчалось стадо быков. На мгновение она замерла, прислонившись к стене, чувствуя, что близка к обмороку. Затем приказала смелости вернуться в строй.

«Чёрта с два, если я позволю тебе устроить для меня эту вечеринку, грязная свинья!»

Вновь ускоряя темп, увидела, как внизу сгустилось молочное свечение. У мудака был фонарик. Пенни побежала, с хаотичным безумством раненого оленя и достигла своего этажа. Тяжело дыша, стала искать в сумке ключи. Проклятые ключи, они начали прятаться, как если бы являлись сообщниками отвратительных намерений Гранта. Перерыв вверх дном всю сумку и почувствовав целое море барахла – карманную книгу, разбросанные на дне шарики-драже M&M's, бумажные салфетки, бутылочку с лаком для ногтей, гигиеническую помаду со вкусом какао, и весь художественный бардак, который представляла её сумка неудачливой Мэри Поппинс, она не нашла необходимые ей ключи. Затем, наконец-то, она почувствовала их под ладонью – холодные и враждебные. Вытащила их наружу и с дрожащими пальцами отправилась охотиться за замком.

Грант приближался всё ближе, свет его фонаря практически освещал её. В этот момент ключи упали на пол. Они зазвенели, как разбросанные монеты.

«Грёбаная неуклюжая кретинка!» – крикнула про себя. – *«Ты выглядишь как глупая идиотка из фильма ужасов. Та, которая проскальзывает в подземные гаражи, несётся по пустынным улицам и дикому лесу, чтобы избежать своего преследователя. Ты практически заслуживаешь того, что с тобой случится!»*

Встала на колени и почувствовала, как появились слёзы, неуправляемые доказательства присутствующего страха. Пенни нашла ключи точно в тот момент, когда луч света взметнулся и ослепил её.

Оставаясь стоять на коленях и скользя назад, рукой прикрыла лицо. Фонарик точно указывал на неё, подобно светящемуся глазу злобного циклопа. Позади виднелся нечёткий контур мужчины. Грант, конечно, это Грант.

Вытянула руку в его направлении, когда мужчина потянулся в попытке одолеть её.

— Я оторву твои яйца, если ты прикоснёшься ко мне! — воскликнула Пенни, с трудом скрывая панику под словами притворной бравады. У неё в желудке было пусто, но она чувствовала подступающую тошноту, как будто еда последних десяти лет поднималась по пищеводу, чтобы сейчас отравить её рот.

Пока она металась в нерешительности – *«что мне делать? попытаться ударить его? убежать? закричать? умолять?»* – рука схватила её и подняла на ноги, не сотрясая и не причиняя боли как она ожидала.

Пенни на какое-то время осталась в замешательстве. Мужчина опустил луч от фонарика, переставая её слепить, и тут она поняла, что это не Грант. Однако увиденное, тем не менее, заставило её почувствовать себя подобно рыбе, упавшей из кастрюли с водой на горящие угли.

Она увидела своего рода гиганта. Мужчину лет двадцати пяти, высокого как секвойя, и такого же крепкого. Ну, вероятнее всего, её воображение преувеличивало в сравнениях, но она не сомневалась в том, что он был ростом под два метра. И должен весить не менее ста килограмм. Не потому, что был толстым, а потому, что обладал роскошным набором мышц, очевидными даже сквозь одежду. Он мог бы сломать её одним своим предплечьем. Тем же самым, которым помогал ей встать и на котором, из-под задравшегося рукава, выделялись графические паутины татуировок в оттенках серого и

чёрного. У него было основательное запястье, подобное древнейшему дереву, пронизанное венами, которые отчётливо выступали, несмотря на окружающую полутьму.

После того как представила на его месте Гранта – красивого, сумасшедшего и жестокого Гранта – парень, действительно, казался очень на него похожим. Одетый в чёрное, он производил впечатление тяжеловеса, с выбритыми как у солдата волосами и светлыми глазами, может быть, синего или серого цвета. Она смотрела на него как, в некотором роде, на дух небесный.

— Ты меня испугал, — прошептала Пенни, продолжая спрашивать себя, может ли в итоге чувствовать себя спасённой, или, возможно, натолкнулась на необходимость преодоления новых неприятностей, абсолютно более сложных, нежели держащий в страхе Грант. Как она смогла бы сбить с ног такого парня?

Он остановился, рассматривая её глазами, похожими на осколки стекла. Пенни почувствовала дискомфорт, исследуемая этим ледяным взглядом. Тем не менее, она не опустила веки и на несколько странных мгновений, оба застыли в тусклом свете, наблюдая друг за другом. Вокруг была тишина, нарушающая лишь затруднённым дыханием Пенни.

— Что ты здесь делаешь? — наконец спросила у него. Безусловно, это был один из глупейших вопросов, который можно было адресовать неизвестному и хмурому Геркулесу, как будто намеревавшемуся навредить ей так же, как Грант, но ничего лучшего не пришло ей в голову.

Мужчина на что-то указал, словно показывал ей на небо.

— Ты ангел? — продолжала она, понимая насколько это предположение сумасшедшее.

«Ангел, с такой внешностью? Он больше похож на демона, отвечающего за охрану дверей ада».

— Я живу наверху, — ответил мужчина. Голос целиком гармонировал со всем его могучим образом. Хриплый и глубокий, такой же впечатляющий, как и его тело.

Пенни недоверчиво посмотрела на него. Она совершенно точно знала, что наверху никто не живёт. Там располагалась своего рода мансарда, в запущенном состоянии и более похожая на голубиный дом, чем на квартиру, населённая крысами и старой, поеденной молью мебелью.

Он, интерпретируя её явное замешательство, уточнил данное заявление голосом, потерявшим всякий намёк на интонацию.

— Я новый арендатор.

«Арендатор» — пожалуй, данное слово совершенно ему не подходило. Оно заставляло задуматься о прилежных арендаторах, которые приносили в дом фикусы и диваны, обитые шёлком в полоску, те кто перекрашивали стены в кремово-жёлтые цвета и покупали наборы кастрюль, для варки на пару. Этот чувак, вместо всего этого, наводил на мысли о старых подвалах, где люди пьют и дерутся, о полных крови рингах, плевках и поте, а так же простынях влажных от необузданного секса.

Краснея до кончиков ушей, Пенни осознала, что не лучший вариант оставаться в компании того, кто, возможно, действительно был новым арендатором или, может быть, являлся опасно сумасшедшим.

Тогда она решила спросить его более спокойно.

— Если ты живёшь наверху, почему не поднимаешься? Почему ты стоишь здесь?

— Я жду, когда ты войдешь в квартиру, — ответил он.

— И какого чёрта? — спросила его с подозрительностью.

— Из-за выражения лица, которое у тебя было.

— Что за выражение?

На мгновение он замолчал, а затем похлопал по карманам пиджака, как будто что-то искал. Пенни подумала, что он собирался вытащить нож, которым хотел убить её на площадке. Но он вытащил только пачку «Честерфилда» и металлическую зажигалку. Мужчина приложил сигарету к губам и высек огонь. Его лицо озарилось красноватым светом, выхватив из темноты чётко очерченные глаза, прямой нос и невероятно полный рот, задетый сбоку небольшим шрамом.

Сделав затяжку, он сказал:

— Когда я вижу женщину с таким выражением на лице, даже если она ничего не спрашивает у меня и мы не знакомы, я обычно останавливаюсь, чтобы убедиться — не ищет ли она приключений.

— Никто не думает искать приключений! Вероятнее всего их ищешь ты!

Он выгнул бровь, и его бесстрастное выражение прервал кивок раздражения и подобие лающего смеха.

— Не ищу я приключений, я не того типа, какой ты имеешь в виду. И в любом случае, я бы не сделал этого с цыпичкой, подобной тебе. У тебя нет ничего, с чем можно веселиться.

Пенелопа сжала зубы, сильно его возненавидев. Она знала, что не очень привлекательна. Она прожила более двадцати лет с простой внешностью, если не сказать бесцветной, которая заставляла её с подросткового возраста страдать и тайно плакать. Отсутствие у неё привлекательности послужило основной причиной, по которой она бросилась в руки Гранта. Ей не казалось реальным, что такой интересный мужчина заметил её среди толпы. Но чтобы этот незнакомец позволял себе оскорблять её — казалось невыносимой провокацией.

— Ты можешь отрезать свои яйца с моего благословения, — бросила она ему.

Ему не пришлось повторять дважды, он направил луч света к следующему лестничному пролету и ушёл без лишних слов. Пенни не могла не проследить за ним взглядом, пока он не растворился в темноте. Затем быстро вставила ключ в замок и вошла в квартиру. Она закрыла за собой дверь с большой осторожностью, а так же зацепила защёлку, которую бабушка оставила открытой, чтобы она без труда могла войти.

Только тогда она позволила себе нормально вздохнуть. Квартира, в которой она жила с бабушкой Барбарой (их друзья всегда называли её Барби) была маленькой, простенькой, с несколькими окнами. Две комнаты, ванная и гостиная, которая также служила кухней, всё в уменьшенных размерах. Бабушка всегда повторяла:

— Я Барби, и это дом Барби, вот поэтому и маленький!

Даже мечты Пенни сжались до кукольных размеров. Она хотела поступить в колледж, но не смогла получить стипендию. Лучше так, иначе она была бы вынуждена сражаться в небольших умственных и сентиментальных битвах, чтобы решить свою судьбу. Небольших — потому что, в конце концов, был бы дан один и тот же ответ:

«Я останусь с бабушкой».

Таким образом, всякая возможность конфликта была сведена к нулю. Тем не менее, Барби настаивала на том, чтобы она переехала в университетский городок и искала работу, чтобы не отставать от учебы, но Пенни с уверенностью знала, что её дорогая бабушка, которая всегда чувствовала себя молодой, несмотря на свои семьдесят лет, страдала бы тысячью способами. Таким образом она осталась и не пожалела об этом. Она любила Барби больше, чем кого-либо другого на Земле.

Пенни включила на кухне свет. Тут же и разделись, бросив мокрую одежду на пол — длинное до лодыжек серое пальто, футбольку, настолько сильно обтягивающую её тело, что она могла бы составить конкуренцию рентгеновскому снимку, самую короткую

плissированную юбку, в стиле «немного распутная Сейлор Мун» (Прим.пер.: название японской франшизы, созданной Наоко Такэути и рассказывающей о команде девочек, одетых в костюмы, по стилю похожие на школьную форму в Японии), прозрачные колготки с красной подвязкой, нарисованной на левом бедре и резиновые сапоги, в которые она переоделась, прежде чем выйти из клуба, где была вынуждена носить двенадцати дюймовые каблуки, опасные, подобно головокружительным небоскребам. Под всем этим «камуфляжем» скрывалось тело двадцативосьмилетней девушки, тонкой и бледной, ни прекрасной и ни уродливой. Караглазая, с носом похожим на тысячи других носов и обычными губами – единственной своей частью, которую не ненавидела. Прямые волосы цвета жёлтой меди, подстриженные в короткий боб соседкой, которая когда-то работала женским парикмахером. Результат был далёк от совершенства: асимметричный, с эффектом «горшка». Единственный локон, окрашенный светло-розовым, почти лиловым, падал на лоб, поскольку был длиннее остальных и доставал до носа. Она носила только одну серьгу, с левой стороны, в виде серебряного креста, достигающего плеча. Сняла его и положила на стол.

Пенни сразу же пошла в душ, чтобы избавиться от запахов бара, еды, дыма и ароматов приготовленных ею коктейлей.

Только тогда освежившаяся и без странных аксессуаров, за исключением яркого локона, она появилась у двери комнаты, где спала Барби. Бабушка ничего не заметила, не слышала странного обмена словами с парнем, который произошёл на площадке. Она спала под одеялом как мягкая игрушка, и была такая же маленькая и тонкая, как и Пенни. Вторая Пенелопа, но более старая и более нежная, более мечтательная и более эксцентричная, с фантастически длинными волосами, когда-то светлыми, а теперь серебристыми. Со времён её молодости, все называли её «карманной Барби» из-за её красоты и этих впечатляющих локонов. Пенни поцеловала бабушку в лоб, стараясь не разбудить. Затем добралась до своей комнаты.

«Комната» было вежливое определение для дыры, в которой она спала. Пенни отдала бабушке большее пространство и подарила подобие тумбочки. Внутри комнаты едва помещалась кровать, а места для шкафа не было вообще, ей приходилось довольствоваться открытой вешалкой, куда она вешала свои немногочисленные вещи. Однако у неё было окно, выходящее на противопожарную лестницу и переулок. Панорама, от которой восторженно не закричишь, но в любом случае эта щель, из которой свет просачивался утром, и свежий воздух вечером. Иногда доносилось романтичное мяуканье кошек, не мешающее ей, а напротив, действовавшее как саундтрек для сна. После глупой и пьяной болтовни услышанной в баре, такой сварливой и бесполезной, простые голоса животных очищали, подобно материнской колыбельной.

Пенни надела свою обычную пижаму и легла спать.

В тишине, перед тем как заснуть, она не могла не подумать об этом парне с татуировками. Он действительно жил в мансарде? Он мог ходить там с поднятой головой или всегда должен пригибаться?

Она представила себе этого гиганта, который ползал на четвереньках, чтобы избежать ударов по лбу и засмеялась. Кто знает, что там делал подобный мужчина. Он совершенно точно не вписывался в это место, как сильно кричащая и поющая толпа на стадионе, не могла выступать на концерте классической музыки. Это было таинственно и красиво, подобно тому, как считается красивым тигр или дракон испускающий огонь, или смертельная пропасть, за которой открывается захватывающий дух вид.

Она заснула, думая о ясных ледяных глазах, предполагая, что эти глаза могут наблюдать, даже не моргая, как убивают кого-то руки.

Глава 2

Маркус

Франческа должна выйти из тюрьмы ровно через два месяца. Едва она освободится, мы сразу же уедем из этого дерьмового места. В течение последних четырёх лет мы не виделись: я был закрыт в одной тюрьме, а она в другой. Чёрт возьми, как мне её не хватало.

Тем временем я нашёл работу и дом, который походит скорее всего на грязный клоповник, а не на жильё; пожалуй, даже в тюрьме было лучше. Но кому какое дело, это всё равно временно, через два месяца соберём всё и свалим.

После моего освобождения у меня были женщины, зачем отказываться, ведь трахаться – это всего лишь трахаться. Она – это она. Франческа обладает чем-то, присущим только ей и чего не найти ни у какой другой. У неё безжалостные глаза и ужасные манеры, она – словно точная копия меня, только с киской между ног.

Мы убили чувака не специально. Всё случилось во время потасовки, когда ты жёстко бьёшь, и другие бьют жестоко, и нет возможности измерить применяемую силу. Если замечаешь, что какой-то козёл собирается изуродовать твою женщину складным ножом, как сдержать желание одним ударом сломать ему позвоночник?

Да, мы его убили, но это явилось частью потасовки. Они – говнюк и его друг, попавший потом в больницу, потому что мне не хватило времени с ним закончить – действительно спровоцировали нас на драку. Поэтому нас и не приговорили к пожизненному заключению. Её осудили на четыре года, мне дали шесть, из которых два скосили за хорошее поведение. Я и хорошее поведение? Никогда и ни в чём не являлся примером. Но в тюрьме я старался вести себя хорошо, избегал ссор. К тому же легко оставаться в стороне, если принять во внимание так же мой двухметровый рост и лицо человека способного задушить.

Не то чтобы я действительно являлся убийцей. Я занимаюсь своими делами, если остальные не лезут ко мне и занимаются своими. Но те, кто пытается пристать к моей женщине, когда она выходит из туалета в баре, распускают руки и приставляют лезвие к её лицу, угрожая прирезать, если она не раздвинет ноги, такие не заслуживают жить. До моего появления, Франческа уже начала избивать этого недоумка. Придурок не имел ни малейшего понятия к кому он пристал. Его нос превратился в кровавую кашу к моменту, когда, ломая кости, я начал его бить.

Сейчас я устроился работать вышибалой в одну из местных дискотек. Меня взяли, несмотря на моё прошлое, о котором хорошо проинформированы. Напротив, выглядит так, будто иметь в штате вышибалу из бывших заключённых очень круто. Это место для папиных сыночков, и они первые, кто нуждаются быть поставленными на место, когда выходят за рамки. Эти детишки с тугими кошельками заливают в себя одно лишнее пиво и теряют контроль, становясь безумными. Ведут себя как козлы по отношению к женщинам. Вот скажите вы мне все, в своей жизни я встречался с распутными женщинами, но обидеть женщину – да никогда. Никогда не принуждал их силой и не выношу тех, кто распускает руки, несмотря на то, что цыпочки говорят «нет». Не все они, подобно Франческе, могут постоять за себя. И тогда вмешиваюсь я. Мне обычно достаточно просто посмотреть на этих идиотов, и они готовы обделаться в свои фирменные штаны.

Естественно, работа смертельно выматывает, я никогда не возвращаюсь домой раньше четырёх, и денег для покупки машины ещё не заработал. Даже имей я их, всё равно не мог бы водить машину, поскольку меня лишили прав. Поэтому я вынужден

передвигаться на своих двоих, независимо от погоды. Но мне нравится ходить пешком, после четырёх лет проведённых в ограниченном пространстве, двигаться для меня – всё равно, что заново родиться. Дышу полной грудью, даже если полный уныния район и представляет собой выгребную яму, мне кажется, что вдыхаю запах цветов и пляжа.

Сегодня днём я переехал в свою новую квартиру. Если можно назвать это место «квартирой». Лачуга на последнем этаже в деревомом доме, но если приложу усилия и приведу её в порядок, может получиться вполне прилично. Я умею обращаться с инструментами и ремонтировать вещи. Для начала – на потолке расположено маленько окно, сквозь которое я наблюдаю за звездами, прежде чем засыпаю. Не потому что романтично – само слово «романтично» вызывает тошноту – а по причине обычных физических потребностей. После разглядывания в течение сорока восьми месяцев цементного потолка, всегда одно и то же – менялись лишь пятна от влажности и расположение паутин – я нуждаюсь, по возможности, увидеть больше разнообразных вещей. Должен признаться, что выбрал это место именно из-за наличия окна в потолке.

У меня есть всё необходимое – одна комната, ванная и плита. Потолки довольно низкие, и в некоторых местах я вынужден наклоняться, чтобы не удариться лбом или не разворотить потолок. В углу повешу мешок для тренировок. Мне нравиться бить руками и ногами, делать свои мышцы похожими на разрывающуюся лакричную тянуучку. Пока что, отжимаюсь до изнеможения: сто, триста, пятьсот. Затем выхожу на пробежку и пробегаю мили по земле под милями небесными. Возвращаюсь домой и привожу себя в порядок: принимаю душ, одеваюсь в рабочую форму, всё чёрного цвета – рубашка, брюки, двубортный кожаный пиджак, и отправляюсь на работу.

Каждый вечер собирается целая толпа, а в конце недели столпотворение неописуемо. Иногда приходиться вышвыривать кого-то вон. Иногда какая-нибудь цыпочка предлагает потрахаться, но это на работе запрещено. Тогда жду перерыв, и обычно мы уединяемся в их прекрасных машинах. Внешности некоторых из них я даже не помню. В темноте бара все кажутся сексуальными, а затем на свежем воздухе, после многих часов дыма и пота, многие становятся банальными. Но это неважно, для одного быстрого перепихона, сгодится любая. Однако если они пьяные в хлам, тогда спасибо – нет, даже будь она королевой красоты. Не хочу трахать зомби.

Франческа меня поняла бы, она никогда не бесилась из-за моих похождений с другими.

— Спокойно малыш, развлекается только твой член, а не ты, — говорила она.

Потом, на рассвете, возвращаюсь домой.

К счастью, форма в баре включает в себя фонарик, иначе в этом сраном доме, с перегоревшими лампочками, я вынужден был бы блуждать на ощупь. Пробежав несколько лестничных пролётов, слышу задыхающееся дыхание и тихие стоны страха.

Ускоряюсь и натыкаюсь на девушку. Никогда раньше её не видел. Она в ужасе. Выражение лица отражает эмоции женщины, которая сопротивляется когда её душат. Но вокруг никого нет, она одна, у неё упали ключи, она ничего не видит, и если ещё не плачет, то готова разреветься. Маленькая и худая, с короткой стрижкой и поверхностным дыханием. Жду, когда она войдёт внутрь своей квартиры, но она меня боится. Не могу её винить: я пугаю своим внешним видом, а если кто-то знакомится со мной ближе, то боятся ещё сильнее. Но повторюсь – только не женщины. Их я не обижаю. Если я не уверен, что они действительно хотят меня, держу свои штаны застёгнутыми на все пуговицы. К этой

не прикоснусь, даже если она встанет на колени и будет умолять. Всему есть предел. За исключением вполне приличных ног, которыми не советовал бы ей размахивать перед носом у мужчины, если хочет в такой поздний час вернуться домой целой, подумал бы что передо мной стоит парень. У неё абсурдные волосы, влажные и всклокоченные, немного тёмные и немного лиловые, взгляд раненого оленёнка и нет никакого намёка на буфера. Но ноги не врут, я повидал достаточное количество женских бёдер и эти – бесспорно, женские ножки.

Оставляю её напротив входной двери в квартиру и поднимаюсь выше. Девочка, если ты не нуждаешься во мне, я сваливаю.

В квартире меня поджидает адский беспорядок. С завтрашнего дня начну всё здесь переделывать. Даже планируя задержаться ненадолго, должен создать впечатление стабильности для тех, кто меня контролирует. Мне необходимо придерживаться легенды и представлять собой человека, который хочет исправиться, стать добродорядочным гражданином с постоянной работой, а не тем, кто ждёт не дождётся, чтобы податься в бега. Тем временем снимаю всю одежду, кидаю её на диван со свисающей лохмотьями обивкой, и остаюсь полностью обнажённым. Принимаю холодный душ, потому что горячая вода не поступает, и мокрым ложусь в постель. Потом проваливаюсь в сон, и мне ни черта не снится.

Глава 3

По утрам Пенни просыпалась рано, невзирая на сон, практически летаргический. Сегодня она начинала работать только после обеда, но больше спать не представлялось никакой возможности. Обычно, она натыкалась на разрушения, похожие на последствия от прокатившегося по квартире торнадо, которое всё перевернуло на своём пути. И причиной данного хаоса были не воры или ветер, а бабушка. Вследствие достаточно серьёзной ишемии, милая и мечтательная Барби заболела ранней стадией старческого слабоумия. В этом периоде она зациклилась на готовке, вернувшись в своей голове во времена, когда работала учителем в начальной школе. Отдаваясь уже тогда, как отдушине, двум своим пристрастиям – детям и сладостям – она готовила для своей малышни изысканные лакомства всех типов. Барби вела их по длинному и тернистому пути знаний, не упрекая и не наказывая, а поощряя вкусным, сделанным в виде сердечек шоколадом, беze, расфасованным по пакетикам как карамельки и свежими мармеладками. К сожалению, от этого вкусного прошлого остался лишь пыл, но никак не точность в исполнении рецептов. Если она решала испечь бисквиты и не находила муку, появлялся риск в замене последней на тальк, иногда даже на стиральный порошок. Определённо, всё вокруг пачкала, и Пенни каждое утро вставала рано чтобы навести порядок. Она притворялась, что пробует выпечку и угощает соседей, затем готовила что-нибудь съедобное и помогала бабушке умываться, одеваться и играла с ней. Создавалось впечатление, будто одна маленькая девочка проводит время с другим ребёнком. Времени на сон не оставалось, хотя работа в баре и начиналась в пять вечера.

После обеда её ожидала вторая работа – в библиотеке. Назло всем предрассудкам, порождённых в этом жалком квартале, в библиотеке всегда было многолюдно. Возможно, потому что работало отопление, и люди ощущали спокойную и дружескую атмосферу, или действительно хотели безмятежно прочесть хорошую книгу, всё это делало её постоянно переполненной. Маленькая, но элегантная, опрятная, декорированная деревянными панелями и разноцветными корешками книг, для Пенни она была словно страна чудес для Алисы. Её не удивила бы возможность обнаружить белого кролика, с карманными часами, ныряющего среди книжных полок. После убожества своей ночной работы, где она готовила выпивку для пьяных байкеров и цыпочек, прокуренных до корней своих перекрашенных волос, одетых в обязательную форму потаскушки-которая-даст-только-попроси, безмятежный мир библиотеки её возрождал.

— Выйдем ненадолго на улицу? — спросила Пенни бабушку, после того как долго расчёсывала её волосы, и в завершении нанесла на них из пудреницы пудру, с ароматом розы, как обожала Барби.

— До трёх остаётся ещё два часа. Прогуляемся?

Бабушка согласно кивнула, засветившись от счастья. Она любила прогулки, но в одиночку не могла выходить из дома. Быстро уставала и начинала хромать, а так же оставался риск, что её внезапно охватит замешательство из-за того, что она позабудет как вернуться домой.

Пенни надела свою шерстяную розовую шляпку, почти сухую, серое пальто и взяла бабушку под руку. Дождь прекратился, но воздух оставался достаточно прохладным. Они начали спускаться по лестнице, и Барби выглядела совершенно как ребёнок.

Однако, когда они спускались, на их пути появилось препятствие. Не в метафорическом смысле, а действительно, самое настоящее препятствие. Мешок для тренировок, по которым боксёры бьют кулаками, а кикбоксеры – ногами. Пенни не составило труда узнать незнакомца, того кто стоял позади этого громоздкого предмета, и с

кем она встретилась вчера вечером. Мешок и мужчина полностью занимали площадку между двумя лестничными пролётами. Спуститься не представлялось возможным, если только не распластаться по стенке, рискуя превратиться в лепёшки, зажатые между стеной и могучим телом этого типа. Он был крупнее мешка и практически доставал головой до потолка.

— И как мы сейчас пройдём? — раздражённо спросила Пенни.

Мужчина поставил мешок на пол, и насколько это было возможно, прижал его ближе к стене. У неё появилась возможность лучше его разглядеть. Он обладал широкими плечами, создававшими впечатление твёрдого мрамора. Из-под закатанных рукавов чёрного свитера, на предплечьях, виднелись татуировки. Одет был в тёмные джинсы, заправленные в низкие ботинки без шнурков. На шее виднелся кожаный шнурок, на котором висело кольцо в форме животного, возможно змеи.

Пенни почувствовала, как её щёки загорелись красным, а внизу живота появилось своего рода лёгкое трепетание бабочек. Его глаза были удивительные, странного цвета — необычное слияние серого и лазурного. Когда незнакомец, в свою очередь, посмотрел на неё, Пенни отверла взгляд.

Барби сказала Пенни на ухо, намереваясь сделать это по секрету, но используя тон, который можно спокойно услышать от первого и до последнего этажа, — Какой красивый парень, согласна?

Когда бабушке нравился какой-нибудь повстречавшийся парень, она всегда откровенно заявляла об этом. Барби была прямолинейна, говорила что думала, иногда смущая, как все те, кто болел определёнными заболеваниями и переставал тормозить свои собственные комплексы. Она говорила что думает точно в момент, когда мысль приходила в голову. Надо заметить, что муж бабушки был преподавателем, худым парнем в круглых очках, с внешним видом штангиста, поднимающего перья. Отсюда можно подумать, что мужчины, похожие на бессмертных греческих воинов, не должны соответствовать её вкусам. По правде говоря, её идеальным мужчиной был другой; до замужества, в ещё более далёком прошлом, бабушка пережила незабываемую любовь. Она безумно любила одного грубого и мятежного парня, одного из тех, кто пачкает руки и имеет мозоли на пальцах, с мышцами, сформированными тяжёлой физической работой. Всё плохо закончилось, поскольку её родители препятствовали всеми возможными способами, с типичной семейной настойчивостью, присущей прошлым эпохам, когда дочь служащего не могла выйти замуж за фермера. Но бабушка, порой забывавшая, что делала накануне, хранила целостными воспоминания об этом запретном желании молодости. Её звали Джон, подобно Джону Уейну, и по её рассказам немного на него похожему. Возможно поэтому, каждый раз встречая мужчину, который выглядел как солдат, ковбой или боксёр, улыбалась им подобно шестнадцатилетней.

В то время как бабушка, взяв руку, предложенную ей мужчиной, комфортно проходила сквозь маленькое пространство на площадке, Пенни бормотала что-то неразборчивое.

— Ты такой милый! — сразу же воскликнула Барби. — Как тебя зовут?

Парень улыбнулся, и Пенни подумала, что улыбка выглядела натянутой и неискренней. Такие улыбки всегда скрывали секреты негодяев.

— Маркус, — ответил ей. Затем он обратился к Пенни с более решительной интонацией. — Если ты решишь пройти, мы все ускоримся.

— Двигаюсь, как могу, или мне разбриться только потому, что ты спешишь! — раздражённо ответила она. Однако раздражение, хотя и подлинное, не могло полностью успокоить весь этот безумный трепет от роя бабочек в животе.

«Проклятые гормоны! Насколько вообще возможно, что образованная, читающая и подготовленная к цивилизованной жизни девушка, находит себя в смятении перед доисторической обезьянкой.

Мы, в конечном счёте, животные? Неужели достаточно двух бицепсов пещерного человека чтобы разжечь инстинкты?»

Она прикусила язык из-за невозможности прикусить мозг. Ненавидя себя за то, что представила — каково это, оказаться в объятьях этих рук, способных доставить больше боли, нежели ласки.

Она приготовилась пройти, пока бабушка, спокойная и счастливая, уже ожидала этажом ниже. Маркус отодвинулся назад, насколько это представлялось возможным, но имелось то пространство, что имелось. Всепременно, слегка заденет его грудью, если пройдёт перед ним, нет, практически вплотную к нему. Эти чёртовы примитивные бабочки устроили в горле давку. Какой у него парфюм? На самом деле никакого одеколона. От него исходил аромат мужчины, чистого и немного, самую малость, вспотевшего. Он был настолько огромным, подобно дубу, возвышающемуся на пути света, что смог бы проецировать тень, такую просторную, чтобы полностью её окутать. Она макушкой едва достигала до его груди.

— Не волнуйся, я тебя не трону, — прошептал он, продолжая холодно улыбаться.

Пенни проскользнула мимо, всё ещё густо краснея. Она хотела надавать себе пощёчин. Не из-за этого мимолётного контакта, а потому что её большой мозг продолжал допытываться в тишине: *«ты сделала бы это с этим парнем?»*

«Никогда в жизни! Мысль — это только мысль!» Она ненавидела даже романы, в которых тёtkи лишённые гордости, мигом теряли голову, как будто судьба нажимала на переключатель, только потому, что классный парень посмотрел на них лукавым взглядом.

Предположение — это только одно предположение. Это было правдой, рациональной истиной. Она никогда не теряла голову. По правде говоря, она ещё оставалась девственницей. И это был её выбор, а не из-за нехватки мужчин, согласных сделать с ней этот шаг. На работе она встречала их достаточно каждую ночь: полуписьменные парни, игриво подмигивающие и с очевидными намерениями. Но Пенни не хотела любого доступного. Она мечтала о любви с заглавной буквы «Л», известную ей по книгам. Хотела походить на Джейн Эир. Не в том смысле, что мечтала найти сварливого мужчину с сумасшедшей женой, запертой на чердаке, а надеялась встретить большую любовь, любовь необычную и незабываемую. Одну из тех, что переворачивает твой мир, и даже если плохо заканчивается, оставляет внутри тебя неизгладимый след. Она поверила, что возможно Грант предопределён судьбой, но Грант оказался безумцем, склонным к насилию.

С этого момента, она пообещала самой себе, быть ещё более осторожной и внимательной, чтобы не попасться в ловушки лжи и других демонов. Демонов подобных Гранту, обманывающих тебя изысканными манерами, или демонов, таких как Маркус, кто казалось создан, чтобы коллекционировать наиболее античные твои части, погребённые и тайные, о наличии которых не догадываешься даже ты сама.

Итак, она быстро приблизилась к бабушке. И все же не могла не посмотреть на его спину, как он поднимался наверх, держа свой груз, словно джутовый мешок, наполненный лепестками (прим. пер.: джутовый мешок — мешок, изготовленный из натуральных волокон, например мешковины). И вновь в её голове всплыли горячие вопросы, которые она заставила себя не слышать, и оставила без ответа.

Библиотечная атмосфера всегда хорошо действовала на Пенни. Помогала чувствовать себя чистой и обновлённой, независимо от того, что случалось за её пределами. В обязанности Пенни входило систематизировать книги на полках, наводить порядок на столах и обслуживать читателей с запросами книг, требующих поиска с подъёмом по лестнице. Учитывая, что мисс Милиган, заведующая библиотекой, была дамой пожилой, имела шаткую походку, и начинала чувствовать головокружение даже при подъёме на одну ступеньку.

Кстати, Пенни как раз искала книгу, которая хранилась на одной из верхних полок. Она работала в одиночестве, стоя на удобной лестнице, оснащённой колесами, которые скользили между полками, как хорошо смазанный скутер. Иногда она развлекалась, катаясь вперёд и назад, напевая про себя песню из диснеевской «Красавицы и чудовища». Найдя книгу, она спустилась вниз довольная, что может порадовать генерала Обри, мечтавшего прочесть эту редкую книгу воспоминаний о прошедших временах.

И тут, счастье превратилось не просто в воспоминание, а в настоящее разочарование. Её поджидал Грант. Он стоял, сложив руки и прислонившись спиной к полкам. С волосами цвета мёда с апельсином, бирюзовыми глазами и улыбкой, соблазняющей глупых людей, неспособных увидеть вероломного подлеца, прячущегося внутри. Другими словами, таких глупых людей, как она.

— Привет, — сказал он. — Как долго мы не виделись?

Пенни знала, что сумасшедшим необходимо уступать и не провоцировать их, но Грант пробуждал в ней очень сильное стремление ему противостоять. Бог знает как, но он умудрялся сдерживать себя. Не было публичного проявления ярости на глазах у свидетелей, что могло бы позволить ей выдвинуть обвинение в полицию и не выглядеть при этом в роли чокнутой, которая искушает в совершении преступления Его Величество.

— Грант, мы встречаемся практически каждый день, — ответила ему. — Куда бы я ни посмотрела, вижу тебя.

— Детка, потому что я влюблён в тебя, — прокомментировал он, не переставая улыбаться и демонстрируя эти проклятые идеальные зубы — следствие ношения брекетов на протяжении всего детства.

— У тебя странное проявление любви.

— Лучшее проявление любви, детка, — прошептал он, приблизившись. — Я не могу без тебя жить.

— Этот вид любви включает в себя попытку изнасиловать?

— Да брось, тебе же понравилось, Пенелопа, — его губы замерли у самого уха, и кишечник Пенни сжался подобно удаву вокруг умирающей ящерицы. — Дорогуша, ты шлюха с лицом ангела.

— Может быть, но, тем не менее, меня от тебя тошнит, — смело ответила ему.

«Давай, давай, сукин сын, ударь меня, сделай мне что-нибудь, тогда сразу же заявлю на тебя в полицию и покончим с этим преследованием, выматывающим мой разум и жизнь».

Грант уставился на неё, оскалив зубы.

— Наступит момент, детка. Пока что предоставлю тебе наслаждаться ожиданием. Всегда чувствуй на шее моё дыхание.

— Но за что? Почему ты не оставил меня в покое? — спросила его, несмотря на то что знала ответ. С девушками, равными ему по положению в обществе, он не вёл себя подобным образом. С ними придерживался образа хорошего парня, молодого адвоката и официального спутника своей матери на благотворительных обедах. Но с теми, кого

считал стоящими ниже по общественному положению, показывал свою извращённую сторону. Сначала он их выбирал, обманывал парочкой свиданий, милыми и галантными, и затем демонстрировал себя настоящего. Грубый секс. Грязный секс. Секс без согласия. Нецензурные слова, оскорблении, словесные унижения. Даже его поцелуй были обещанием террора.

— Потому что такое ничтожество как ты, не может позволить себе отказать мне.

В это момент мисс Милиган выглянула из центрального коридора.

— Пенни, всё в порядке? — спросила она её, — генерал ждёт свою книгу.

Грант натянул лучшую из своих лживых улыбок.

— Естественно, не буду больше красть у тебя время. Ухожу, увидимся ещё, любовь моя.

Он удалился как настоящий джентльмен, не испытывающий никакой вины. Пенни передала книгу библиотекарю, а потом поняла, что всё это время она задерживала дыхание. Сделала, сипло задыхаясь, глубокий выдох. Состояние было схоже с чистой агонией. Она посмотрела на свои руки и увидела, как сильно они дрожали. Если Грант намеревался уничтожить её психологически, прежде чем физически, то он преуспел.

Проклятые пятьсот с небольшим метров. На этом коротком расстоянии от «Well Purple» до дома могло случиться что угодно. Каждую ночь она будто теряла год жизни. После предупреждения Гранта сегодня днём, Пенни была натянута, подобно струне на луке, готовом выпустить стрелу в полёт. Дождь прекратился, но уличные фонари с трудом освещали улицу. Она прикрыла ноги, насколько позволяло пальто, уверенная, что очень скоро сойдёт с ума, если не сможет разрешить эту проблему.

Внезапно она услышала шаги, словно кто-то прятался в переулке справа от неё. Не успев спросить «кто, что, как», она почувствовала прикосновение к своей руке, и от испуга закричала во всё горло.

Но очередной раз это оказался не Грант. Это был парень, её новый сосед по дому. Тот, что отправлял на носилки её гормоны.

— Девочка, успокойся, — стал убеждать её с невыносимо спокойным тоном. — Я ничего тебе не сделаю.

Пенни притормозила, приложив руки к грудной клетке в попытке остановить сердце, прыгающее в хаотичном карамболе. Она побледнела, как старая, проложенная нафталином простынь. Пока Пенни пыталась восстановить дыхание, Маркус прикурил сигарету. Наблюдала, как он сделал затяжку, проследил за выпущенным сигаретным дымом, а затем посмотрел на неё.

— Что тебе надо? — спросила его с воинственным видом.

— Ничего. Я видел, как ты подходишь и подождал тебя.

— Ты меня ждал? Зачем?

— Потому что ты похожа на зайца, преследуемого собаками.

Пенни слегка отшатнулась, оглядываясь назад, как будто на самом деле стая волков следовала за ней по пятам. Затем посмотрела на него, и нервное возбуждение, спровоцированное паникой, которую она испытывала до этого по другим причинам, превратилось в трепет. Испытывая осознание, почти физическое и подозрительное, как то, что вы чувствуете рядом со зверем, не зная приручен он или нет. Маркус был одет во всё черное, как и накануне ночью.

На мгновение она остановилась, между тем как парень продолжил свой путь. Через несколько метров он обернулся и озадаченно посмотрел на неё.

— Или хочешь продолжать в одиночестве, ведь не умолять же тебя, верно? Я устал, и спешу. Но не привыкай к сопровождению. Совершенно случайно, вчера и сегодня, я возвращаюсь так рано, обычно задерживаюсь дольше.

— Но кого это волнует...

— Короче, могу ускориться и свалить?

— Можешь уходить!

Он поморщился и покачал головой, будто услышал огромную глупость и не знает, следует ли язвительно её опровергнуть, или посмеяться над ней.

— Поторапливайся, уже почти рассвет, — сказал Маркус, ожидая её. Пенни с тайным облегчением вздохнула. Не было никакого смысла в том, чтобы чувствовать себя в безопасности рядом с человеком, имеющим татуированные руки, кто производил впечатление подлого убийцы, но это было именно то ощущение, что она испытывала.

— Где ты работаешь? — спросила его, просто чтобы поддержать беседу.

Он ответил. Это была дискотека всего в нескольких кварталах от дома. Однажды она ходила туда с Грантом, когда всё ещё думала, что он парень её мечты.

— Странно, что я тебя никогда не видела... — задумчиво пробормотала она.

— Потому что я парень, который привлекает внимание, ты это имеешь в виду? — сказал он, на несколько секунд задерживая в легких дым.

— Ну, на самом деле...

— Я работаю там недавно, — объяснил Маркус, выдохнув. — Я вышибала.

Пенни сказала ему, хотя он ни о чём и не спрашивал:

— Я работаю в «Well Purple», баре с рестораном в конце квартала.

— Теперь понятна эта униформа, — прокомментировал Маркус, указывая на её мини-юбку, плохо скрываемую под пальто. — Вы предоставляете также и дополнительные услуги?

Она уничтожительно посмотрела на него.

— Просто потому, что кто-то работает официанткой в баре сомнительного вкуса и вынуждена одеваться, как нимфетка — не значит, что она шлюха.

— Никогда не думал что-то подобное. Я просто пытался понять, как получилось, что та, кто выглядит как шестнадцатилетний подросток, едва покинувший обитель монахинь, отправляется наочные прогулки в прикиде, как будто собирается заниматься на улице проституцией. Но это, очевидно, твоё дело.

— Очевидно.

— Только не позволяй изнасиловать тебя, когда я рядом, иначе придётся вмешаться, а мне проблемы не нужны.

— Если это должно будет случиться, разрешаю тебе не вмешиваться.

— У меня много недостатков, но трусом я никогда не был.

Не будучи в состоянии контролировать себя, Пенни внезапно спросила его:

— Какие у тебя недостатки?

Маркус засмеялся с царапающим и раздражающим звуком.

— Произвожу всегда этот эффект на наивных цыпочек. Не знаю почему.

— О чём ты говоришь?

— Они начинают с вопросов: кто ты, что делаешь, какое твое прошлое, возможно, я могу тебя спасти своей любовью. Ты должна знать, что я не сплю с девочками-подростками.

Пенни выптаращила глаза и заявила в ужасе:

— Ты сумасшедший!

— А вот и нет. У тебя это написано на лице, всё-таки я многих попробовал. Прими холодный душ. Я не дотронусь до тебя даже пальцем, если ещё не исполнилось восемнадцать лет. Не хочу создавать проблемы.

— Мне двадцать два года! — сухо ответила она, сразу сообразив, что данная реплика не была правильной.

— Говоришь правду? Не дал бы тебе. В любом случае, не трону тебя всё равно.

— Ты ненормальный! И мне немного противен! Вообще, как мы дошли до этих разговоров?

— Ну, чтобы разъяснить всё и сразу. Повторяю, не желаю иметь проблемы. Я задержусь в этих краях только на два месяца. Не стремлюсь создавать отношения и не ищу врагов. Поэтому совершенно бесполезно, если ты попытаешься.

— Да кто собирается приставать к тебе? Тебе никогда не говорили, что ты немного хвастлив?

— Да, и обычно говорят, прежде чем умоляют трахнуть их до изнеможения.

— Окей, а сейчас прекрати. Мы практически пришли, можешь уходить, и лучше, избегай здороваться со мной при встрече.

— Для меня не будет проблемы сделать вид, что тебя не существует. Понятия не имею как тебя зовут и мне не интересно это знать.

— А у меня нет ни малейшего желания говорить тебе своё имя!

— Очень хорошо. Если обычно, ты возвращаешься в это время, постараюсь задерживаться в следующие вечера, чтобы больше не встречаться с тобой.

— Молодец, освободишь и меня от занозы в заднице.

Маркус приложил два пальца ко лбу, изобразив подобие военного приветствия, и остановился прикуриТЬ другую сигарету. Пенелопа ускорилась и удалилась от него, уставшая и чувствуя отвращение. Она не желала иметь ничего общего с этим мужчиной, чтобы не совершил ошибку на всю оставшуюся жизнь.

Когда Пенни нервничала, то вернуть своё хорошее настроение у неё получалось двумя способами: во-первых — она вдыхала ароматы, издаваемые книгами, во-вторых, делала себе яркий маникюр. Сегодня после обеда, сопротивляясь своему назойливо плохому настроению, она оказалась с десятью ногтями, окрашенными в зелёный цвет от «Тиффани» и декорированными мордашками панды. Кроме того, она купила яркую фиолетовую тушь, которая придавала ей странный, смутно фантастический и инопланетный образ. Но даже эти приятности не смогли успокоить её туманное настроение. Она нервничала из-за Маркуса и не выносila факт, что нервничала именно из-за него. Как он посмел, этот, только что прибывший тип, неотёсанный и наглый, воображающий себя неотразимым? Он предположил, что она хочет переспать с ним! И мало того, он даже позволил себе отказать ей, дважды!

Не то чтобы она не думала об этом, и если быть откровенными: то было бы лицемерно это отрицать. Она думала, и ещё как. Она думала об этом каждый раз, когда встречалась с ним. Она думала об этом также, когда не видела его и надеялась увидеть снова. Она вела себя как Снежная королева, но подглядывала за ним охваченная желанием. И она ненавидела чувствовать себя подобным образом: не выносила, что прожив до двадцати трёх лет без особых искушений, вдруг, обнаружила себя зацикленной сразу на всех непристойностях. В конечном итоге, каждый квадратный миллиметр Маркуса,

казалось, предназначался для разжигания желания совершать неподобающие поступки. Он походил на мужчину, сошедшего с обложки «Men's Health». Казалось, что самый привлекательный из этих мускулистых татуированных мужчин, позирующих в соблазнительной позе на глянцевой бумаге журнала, пересек трёхмерный портал и появился в её жилом доме. Единственное – ему недоставало улыбки, какую на фото демонстрировали модели. Маркус, в отличие от них, всегда злился. Его глаза, цвета ледяного моря, были лишены света. Он производил впечатление того, кто видел и делал вещи, лишившие его души. И она его хотела, окаянно, она его желала. Воображение Пенни имело постоянно включённый красный свет. Её чувства страдали от бессонницы. Когда она встречала его, то испытывала обжигающие страдания.

Но она не могла смириться, что он воспринимал это как должное, и сравнивал её с озабоченными цыпочками, преследующими его! И прежде всего, унижал её, отвергая и рассматривая как соплячку, лишённую привлекательности.

Имея эти тысячи узлов гнева, скрючивающихся внутри неё, несмотря на весёлые ногти и цветные ресницы, она прошла через дверь здания и практически столкнулась у входа с незнакомцем. Он был высоким парнем, в пиджаке и дешёвом галстуке; его внешний вид производил впечатление низкооплачиваемого государственного служащего.

— Ты знаешь Маркуса Дрейка? — спросил он. — Несколько дней назад он переехал в это здание.

Пенни кивнула и предоставила ему соответствующую информацию.

— Как он себя ведёт? — снова спросил незнакомец.

— Извините, в каком смысле?

— Он хорошо себя ведёт, надоедает кому-нибудь?

«Надоедает мне, своим видом мудака, не замечающего никого ниже шести футов».

Даже не имея ни малейшего понятия, кто этот парень, задающий все эти вопросы, она могла бы рассказать ему о выбириющем шуме, который иногда доносился с чердака, (вероятно, в то время как Маркус пинал кожаный мешок), а так же неудобство от его сигарет, всегда дымящих в доме, полном пожилых людей с астмой. Но она этого не сделала.

— Он никого не беспокоит, — ответила она, пожав плечами. — Он очень спокойный арендатор.

Пенни не понимала точного мотива, почему встала на сторону Маркуса, но какой бы ни являлась эта причина, она появилась спонтанно, как безрассудный инстинкт защиты.

Мужчина кивнул и улыбнулся со странным отцовским удовлетворением, пока что-то писал в записной книжке, извлеченной из кармана. В этот момент Маркус вошёл в дверь. Он собирался прикурить сигарету, но остановился. Посмотрел на мужчину и потерял на мгновение свой ледяной фасад, показывая удивление, отразившееся на его лице. Взглянув на неё, он нахмурился, понимая, что они говорили. Пенни была уверена: он спрашивал себя с тревогой, что она смогла рассказать о нём.

— Ах, ты здесь, — сказал мужчина Маркусу, — где мы можем поговорить?

— Я не думал, что ты так скоро придёшь, — в полголоса пробормотал Маркус.

Все трое принялись подниматься по лестнице. Пенни шла позади и слышала, как мужчина в костюме и галстуке задаёт ей вопросы о его работе, а Маркус отвечает сухими, односложными фразами.

На этаже, где располагалась квартира Пенни, в дверях появилась Барби. У неё в руках был поднос с печеньем, тем самым, что она начала готовить перед уходом её внучки.

Увидев Маркуса, она вся засветилась, превращаясь в кокетку, какой всегда становилась при встрече с ним. Сколько раз Пенни пыталась отговорить её демонстрировать все эти сюси-пуши. Бабушка чувствовала себя вечно молодой и склонной ценить статную красоту молодых людей. В момент особой сентиментальности она даже посоветовала ей пригласить его на свидание.

— Сокровище моё, ты не можешь отрицать, что он красивый парень. Если бы я была молода как ты, я пригласила бы его сходить вместе в кино или поужинать в хорошем ресторане со свечами на столе.

— Э, да, возможно, я подумаю об этом, — она оставила ей надежду, только чтобы ни противоречить. Пенни избегала возражать бабушке без крайней необходимости. Однако с той встречи, по вине или по милости разума, рождающего сказки, Барби была убеждена, что между её внучкой и этим крепким молодым человеком с последнего этажа, зародилась секретная связь.

— Наш Маркус! — воскликнула бабушка, светясь от счастья. — Я испекла сладости. Прошу, не хотите ли попробовать?

— Вы знакомы? — спросил незнакомец.

Тогда, Барби сказала то, что вызвало у Пенелопы немедленное желание быть погребённой под слоем земли. Она сказала, понизив немного голос, с конфиденциальной интонацией:

— Между ним и моей Пенни возникла любовь. Настоящая любовь с первого взгляда! Разве это не романтично?

Маркус выглядел как человек, которого ударили в очень болезненное место. Он на мгновение пошатнулся и посмотрел на Пенни, взглядом, сочившимся враждебностью.

— Вы родственник Маркуса? — настаивала бабушка. — Знайте, что моя Пенелопа — хорошая девочка. Ей двадцать два года, она работает в библиотеке и без тараканов в голове.

— Очень хорошо! — объявил мужчина, обращаясь к Маркусу с выражением чёткого одобрения. — Так что полагаю, она всё знает.

На этот раз Пенелопа почувствовала некую неуверенность. «Знает что?» Маркус, неожиданно подошёл к ней, прежде чем она задала этот вопрос.

— Конечно, она всё знает, — серьезно подтвердил он и обнял Пенни за плечи. Он сжал её с чрезмерной силой, как будто этим жестом хотел передать скрытое сообщение: «не болтай лишнего, или придуши».

От удивления Пенни чуть не рухнула на землю.

— Тогда пойдём с нами наверх, — утвердительно сказал мужчина.

Короче говоря, Пенелопа обнаружила, что поднимается по лестнице за Маркусом и его неизвестным гостем, ничего не понимая и подгоняемая своей бабушкой, воркующей от радости.

Маркус на мгновение повернулся и бросил на неё стремительный взгляд, в котором содержался тихий, но безусловный приказ.

Они вошли в квартиру Маркуса, и Пенни заставила себя сдержать выражение почти что удивления. Должна ли она намекнуть, что уже тут была? Однако, она сделала вид, что не удивляется случившемуся превращению того, что когда-то было свалкой, в приличную квартиру, очень мужскую, без излишеств, но чистую. На диване все дыры скрывались под синим покрывалом, накинутым на него. С одной стороны висел боксёрский мешок, перевезённый несколько дней назад. Деревянный пол, хотя и затёртый, совсем недавно был вымыт. В другом углу, чуть ниже окна в наклонной крыше, располагалась кровать,

стоявшая вплотную к стене и покрытая одеялом сине-зелёного цвета. Стены были окрашены в белый цвет, и в воздухе ещё витал запах свежей краски.

Незнакомец внимательно на всё посмотрел, несколько раз кивнул и немного ослабил узел своего галстука. Наконец, он сел на диван и повернулся к Пенни.

— Значит, он хорошо себя ведёт? — спросил он снова. — Даже лично с вами, я имею в виду. Чтобы понять, действительно ли Маркус решил оставить позади своё бурное прошлое, я должен рассмотреть многое вещей: не только, работает ли он, и хорошее ли у него поведение, но так же и какие у него взаимоотношения с окружающими его каждый день людьми, его соседями, его девушкой.

Пенни сглотнула без особого результата, смущенная как никогда в жизни. Маркус уставился на неё, и его глаза со стальным блеском, пронзали её насквозь, наполненные эмоциями, которые она не могла понять. Подозрение? Страх? Ярость? Даже мужчина уставился на неё с незначительным намёком на беспокойство и видом пастора, ожидающего исповеди от своего прихожанина, большой сволочи, но всё равно любимого. Все ждали, когда она заговорит.

— Я уже говорила вам, — наконец сказала она, симулируя тихую искренность. — Он ведёт себя очень хорошо. Доброжелателен со всеми. И со мной тактен.

Она боялась преувеличивать. Представлять Маркуса, того, кто ходил с постоянно надутым выражением, которое прилипло к его губам, как человека, кто улыбается их пожилым соседям — было слишком абсурдно, чтобы являться правдой. Потом, говорить о нём, как о проявляющем любезность по отношению к ней, когда считал её достойной внимания менее микробы, было ещё более маловероятно. Но мужчина, который, пожалуй, был глупым и возможно, хорошим, как будто поверил.

— Очень хорошо, — сказал он уже в сотый раз, натянув ещё одну самодовольную улыбку. — И ты, парень, я прошу тебя, продолжай встречаться с приличными людьми и сделаешь вещи лучше для себя. Прежде всего, забудь ту девчонку. Она раскрывает твою худшую сторону и затягивает в тысячу неприятностей. Она не подходит тебе. Мне не доставит удовольствие узнать, что ты написал в тюрьму, с просьбой навестить её. Пенни, однако, мне кажется правильным человеком. Если я уверен, что ты ведёшь себя хорошо, ты будешь видеть меня реже, но если мне скажут, что ты отправился к мисс Лопес, или выясню, что ты крутишься в плохих кругах, то буду вынужден сообщить об этом судье по надзору. Ты досрочно вышел на свободу. Если ты ошибёшься, то вернёшься назад, и оставшиеся два года отсидишь по полной. Сынок, это не угроза, это закон: я просто надеюсь, что ты будешь действовать в своих интересах.

Маркус кивнул, но Пенелопа почувствовала за этим согласием подавляемую ярость. Он сказал «да», но явно хотел что-то сломать. Она видела — он так сильно сжал кулак, что побелели костяшки, а вены на запястье заметно посинели. Если это заметила она, едва его зная, то, как мог не заметить этот мужчина, отношения с которым, безусловно, являлись более давними и глубокими? Тем не менее, он не заметил, для него сделанного предупреждения оказалось достаточным, он записал что-то ещё, пожал им обоим руки и, наконец, ушёл, ослабляя дополнительно галстук усталым жестом и разминая затёкшую шею.

Пенелопа решила последовать за ним, но Маркус задержал её за руку.

— Оставайся, пока он не уйдёт совсем. Наверняка он остановится у твоей бабушки, чтобы спрашивать у неё что-нибудь ещё. Если ты немедленно смоешься, он поймёт что к чему. Разумеется, в случае если ты не сожалеешь, что прикрывала тут мою игру и хочешь рассказать ему правду.

Не понимая почему, Пенелопа покачала головой.

— Ты сидел в тюрьме? — спросила она немедленно. В её тоне не было ни обвинения, ни чрезмерного любопытства. Она не хотела знать почему, и как долго. Она была уверена, что он кого-то убил, и предпочитала не знать подробностей.

— Да, и, видимо, это тебя не удивляет.

— Скорее всего, мне пофиг.

— Почему тогда ты солгала ему?

— Потому что забавно иногда придумывать альтернативную жизнь. Однако не волнуйся, это не я внушила моей бабушке идею, что мы вместе. Она больна, живет в мире деформированных мечтаний и воспоминаний. Я бы не хотела иметь отношения с тобой, даже если бы ты был последним мужчиной на планете населённой роботами. И я говорю об этом не прежде, чем начну умолять тебя трахнуть меня до истощения.

Маркус неожиданно улыбнулся, и в первый раз Пенелопа поразилась искреннему веселью, скрытому под агрессивной маской. Она смотрела на изгиб его губ, очарованная, подобно тому, как маленькая девочка трепещет от радуги. С этой лёгкой улыбкой в одном уголке рта, по крайней мере, трёхдневной щетиной на щеках и монументальным телом, которое доминировало над ней в маленькой комнате, всё это зрелище являлось слишком приятным. Пенни встряхнулась, прикусив язык, и впилась ногтем в ладонь, пытаясь выглядеть отстранённой, как будто необычная судорога, которую она чувствовала, горячая, влажная и трепещущая, между её желудком и коленями, была ещё меньше, чем ничего.

— Определённо, он уже разузнал всё о вас, чтобы выявить, не являетесь ли вы замаскированными наркодилерами, и есть ли у вас судимости, — продолжал Маркус. Он отправился на поиски сигареты, которую намеревался прикурить прежде, при входе в дом. Нашёл её в кармане пиджака и поднёс к губам.

— Моя бабушка распространяет только печенье, а так же часто и охотно добавляет соль вместо сахара. Я даже этого не делаю. И никто из нас никогда не сидел в тюрьме, — сказала Пенни, пожимая плечами. — Однажды бабушка украла пару колготок в магазине, но она сделала это не нарочно. Иногда она не понимает, что делает. Она помнила, что платила за них. Это единственное преступление, которое она когда-либо совершала, но никто этого не заметил.

— А ты? — спросил Маркус. Она увидела, как вспыхнуло пламя зажигалки, и он поджёг кончик сигареты. За рассеивающейся завесой дыма, он пристально наблюдал за ней, с таким большим вниманием, что Пенелопа почувствовала как внутренние органы перемешиваются, подобно ингредиентам для коктейля в шейкере.

— Я ужасно скучная. Поэтому предположу, твой инспектор, возможно, будет очень доволен тем, что разузнает обо мне.

— Он обязательно вернётся.

— В таком случае я скажу бабушке, приготовить побольше печенек.

— Почему ты делаешь это для меня?

— Можно подумать я делаю это для тебя. Я делаю это для себя, это весело. Вот и всё.

— И что ты хочешь взамен?

Пенелопа улыбнулась в свою очередь, склонив голову в сторону.

— Ты не привык к тому, что люди делают что-то, не требуя ничего взамен, не так ли? Должно быть, трудно жить в мире, где ценишься за то, что можешь дать и получить в ответ. Не переживай, продолжим игнорировать друг друга; я не попрошу тебя о странных вещах; тебе не придется притворяться влюбленным в меня, чтобы угодить моей бабушке или принести жертву, отдав мне свое тело.

Маркус насмешливо улыбался, не выпуская сигарету.

— После всего, это может быть и не жертва.

Пенни почувствовала у себя между рёбрами вибрирующий камертон. Но она ответила резко, с интонацией, в которой невозможно увидеть девушку, переживающую подобные мысли.

— По-моему, ты не трахнешь меня никогда. И теперь я пойду, думаю, что парень уже ушёл.

Сказав это, она подняла руку в знак приветствия и спустилась вниз. Только тогда она осознала что дрожит. Пенни подавила судорожное желание спросить у него, кто такая мисс Лопес, о которой надзиратель предупреждал его. У неё было ощущение, что по сравнению с ней и её безликой жизнью, мисс Лопес олицетворяла всё, за исключением ужасно скучной цыпочки.

Глава 4

Маркус

В надежде оставаться незамеченным я нашел худший из способов – выбрал, жить в здании, населённом пожилыми людьми. Я не принял во внимание это обстоятельство. Каждый раз, когда я встречаю кого-то на лестнице, меня спрашивают: кто я, что делаю, чего хочу, женат ли, и держу ли домашних животных. Отвечать всем – это полный отстой.

Да, и совершенно неожиданно, когда поднимаю по лестнице мешок для тренировок, я встречаю девушку, с которой столкнулся накануне ночью. На ней вновь надета эта нелепая розовая шляпа, из-под которой выглядывает прядь волос такого же цвета. Она рассматривает меня с широко раскрытыми глазами, и я сразу же ловлю её на этом. Обычная история. Вот ещё одна из многочисленных сучек, выглядящая как студентка, и способная выкрутить мне яйца. У меня нет проблем с женщинами, которые знают, чего они хотят: мы встречаемся, мы трахаемся, мы прощаемся. Но эти целомудренные девочки — худшие в истории среди тех, кто может вынести мозг. Они в состоянии сорвать с меня штаны и затем потребовать жениться на них. Вот почему я всегда держался от них подальше, и намерен продолжать в том же духе.

Похоже, мне требуется изменить время своего возвращения домой, чтобы избежать с ней встреч. Если я дам власть этой девице, то явно создам для себя проблемы. Неудачница, вынужденная жить со своей пожилой бабушкой... Я уже представляю последствия одного бессмысленного траха. Уж лучше вызвать приходского священника для проведения надо мной ритуала экзорцизма.

Едва замечаю Малковича, в сознании проносится трёхэтажный мат. Надеялся, что он подождёт ещё немного, прежде чем найти меня и подвергнуть одному из своих обычных допросов. Он всегда не переносил Франческу. Не делает ничего другого, кроме как повторяет, что это её вина в том, что случилось и так, как случилось. И делает он это, изображая отцовскую заботу, что заставляет меня нервничать ещё больше. Если бы я только мог сломать его шею, но не могу. Я не хочу вновь возвращаться в тюрьму. Однако тот, кто продолжает настаивать на виновности Франчески в том, что я убил недоумка, потому что «истинно влюблённая женщина умоляла б прекратить избиение до крови, а не подстрекала к продолжению» — ничего не смыслит в наших отношениях. Франческа и я, мы одинаковы, и кажемся сделанными из одного и того же ребра злобного бога. Мы понимаем друг друга с полуслова, думаем об одних и те же вещах, у нас одинаковые потребности. Того типа я бы убил в любом случае.

Меня не только беспокоит, что он появился раньше, чем ожидалось, но также и то, что сейчас он разговаривает с этой дурой с предпоследнего этажа. Что, чёрт возьми, она рассказала? Однако это не должно быть чем-то серьезным, учитывая, что Малкович наблюдает за мной с удовлетворенным видом, без своего обычного ужасного выражения, когда поднимает вверх бровь, готовый произнести одну из своих обычных проповедей, полных: «мальчик мой, сынок, и не разрушай свою жизнь».

Конечно, старуха могла и избежать этого выступления. Между мной и её внучкой роман? Как ей пришла в голову подобная фигня? У меня нет времени задавать самому себе много вопросов: есть вероятность, что вся эта околесица выйдет из-под контроля и

превратиться в гигантскую проблему. Малкович всем доволен, а я не могу сказать правду, если не хочу подвергнуться риску его преследования, и вернуться назад ещё на два года.

Должен признать, как только он уходит, девушка меня удивляет. Я думал – она обычна простушка, которая притворяется что не хочет чтобы к ней приставали, а затем залезет рукой ко мне в штаны, но, похоже, у неё яйца круче, чем ожидалось. Во время разговора она держится как сука, но в хорошем смысле этого слова. Она производит впечатление одной из тех, кто действительно врезал бы мне между ног, надумай я приблизиться к ней. Неожиданно для себя смотрю на неё с большим интересом. Окей, она чудаковатая и это подтверждают её ногти с пандами, розовые волосы и фиолетовые ресницы. Но у неё красивые глаза шоколадного цвета. Красивый рот. На ней надета юбка, не такая короткая, как в ночь нашего знакомства, но этого достаточно, чтобы показать эксперту взгляду красивые ноги и бёдра, о которых стоит задуматься. Подозреваю, что и её задница тоже хороша. В другое время, и без наличия хаоса в своей жизни, я с удовольствием трахнул бы её. Если в постели вся эта энергия проявится в подобной силе, такой, какую она использует чтобы противостоять мне, должен получиться замечательный трах.

Но прежде всего меня волнует лишь одна вещь: мы с Франческой не должны видеться. До её освобождения остаётся не так много времени, и лучше не давать лишнего повода Малковичу – если мы хотим чтобы нас оставили в покое, то мы должны действовать осторожно и решительно.

Глава 5

В баре было многолюдно и очень шумно. Официанты разносili за столики закуски и напитки. Пенни, ранее доказав своё уникальное мастерство в приготовлении коктейлей, работала рядом с Карлосом. Бармен, обслуживал переполненные вечера подобно этому, когда жаждущая публика протягивала руки как зомби, которые тянутся к останкам своими костиистыми руками.

Пять минут тому назад, Грант подошёл к стойке и что-то заказал мягким, мелодичным голосом. Увидев его, Пенни на мгновение замерла от шока, с зажатым в руках шейкером и ледяной пот, ручейком похожим на змею, сполз вдоль её спины. Она прошептала что-то Карлосу на ухо и быстро скрылась в маленькой комнате для персонала, в которой обычно снимают обувь и пальто.

Её коллега, Дебби, вошла именно в этот момент, чтобы взять из своей сумки и проглотить, не запивая водой аспирин, в надежде, что проклятая головная боль пройдет, и обнаружила Пенни, которая скрывалась как кошка в коробке.

— Что ты тут делаешь? — спросила она. — Там сумасшедший дом и сейчас не время для отдыха.

— Сейчас приду, — пробормотала Пенни, подглядывая из-за двери на Гранта.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего, все в порядке.

— Тогда поторопись, что за бредовые выходки.

Пенни кивнула и поднялась. Сoverшить побег было бы непродуктивно. Убегает добыча. Она не хотела ни чувствовать себя добычей, ни дать ему понять, что боится его. Хотя напугана она была до смерти. Её переполнял ползущий и тягучий страх, горячий и солёный. Страх, делающий её ноги тяжёлыми, а руки ватными.

Однако она вышла из комнаты и вернулась в бар. Грант всё ещё был там, он не сдвинулся ни на йоту, несмотря на осаду возбуждённой толпы. Его Кровавая Мэри стояла не тронутая, насыщенно красная, подобно крови, которую он желал высосать из неё. Пенни увидела как он, сладострастно облизал жёлтую соломинку, а затем провёл языком по губам. Она отвела взгляд, чувствуя отвращение.

Несколько часов подряд она пыталась игнорировать его присутствие. Грант отошёл от барной стойки, но всё ещё находился в зале, расположившись за столиком и заказав закуски, к которым, она могла сказать с уверенностью, не прикоснулся. Он сделал заказ лишь для того, чтобы оправдать своё присутствие в баре. Сидя в одиночестве, он обращал на себя внимание, потому что был красив, хорошо одет и не выглядел прогнившим как яблоко, изъеденное изнутри червями. Он завёл разговоры с парой девушек, но Пенни понимала, что он находился здесь ради неё. Грант оставался до самого закрытия, пока бар не начал пустеть. Неожиданно быстро, заведение осталось без посетителей и Дебби, командающая персоналом благодаря своей интрижке с хозяином, приказала Пенни отнести счёта паре клиентов.

— Не можешь отнести ты? — попробовала увернуться Пенни.

— Слушай детка, я работаю с шести часов, несмотря на сильную головную боль, которая никак не проходит. Ты работала, не выходя из-за барной стойки. Так что теперь пошевели своей задницей и отдай счета тем, кому я сказала.

— Есть один человек, который мне докучает...

— Не говори чушь. Я сразу же замечаю, когда кто-то домогается к работающим здесь девушкам. Никто к тебе не пристаёт. Ты пааноик.

В самом деле, что она могла сказать? Что прекрасный парень, улыбаясь, наблюдал за ней весь вечер? Какое преступление этим он совершил? Она понимала, была уверена, что эта улыбка приравнивается к непристойному обещанию, молчаливому способу сказать:

«Как только ты выйдешь, я сделаю тебе больно, так сильно, насколько это возможно».

Но объяснить всё это другим было достаточно трудно.

Итак, несмотря на страх, она отнесла ублодку счёт. Грант продолжал улыбаться ей с бесстыдной сладостью.

— А вот и ты, девочка, — сказал он. — Я потратил целое состояние, чтобы находиться рядом с тобой, ты заметила?

— Плати и проваливай, — холодно ответила она.

— Заплачу, и ухожу, но я буду ждать тебя снаружи. Уже поздно, идёт дождь, а у меня есть машина. Я отвезу тебя домой, так что ты будешь в полной безопасности. А так как я люблю тебя, я так же оставлю тебе хорошие чаевые, понимаешь?

Он вытащил из своего кошелька пятидесяти долларовую купюру, после того как оплатил свой счёт за закуски к которым не притронулся. Затем, понизив голос, чтобы только она могла его слышать, прошептал:

— Это предоплата. Если ты стоишь дороже, я потом заплачу тебе остальные.

Пенни забрала деньги, за исключением пятидесяти долларов чаевых. Она отошла от него, чувствуя себя грязной, как будто кто-то вылил ей в лицо жидкое помои. Однозначно, она попала в передрягу.

У неё не было близких друзей, и она не могла ни к кому обратиться с просьбой, подкинуть её до дома. Такси не приезжали на вызов к бару, чтобы потом проехать пятьсот метров. Ей необходимо найти решение, способ не оставаться в одиночестве, на произвол больных и не слишком загадочных намерений Гранта.

В комнате для персонала она сменила обувь и надела пальто. Потом спросила кое о чём у Карлоса, и он ей ответил, комментируя:

— Ты ешё не устала?

После этого она добралась до заднего выхода. Улица вела в никуда, это был тупик, отделённый высокой стеной от близлежащей улицы.

Пришлось проявить изобретательность. Она забралась на мусорный контейнер, а оттуда пробралась через стену, увенчанную колючей проволокой. Пенни не отличалась особой гибкостью, но страх и желание избавиться от Гранта, намного улучшили её ловкость. Тем не менее, перелезая через колючую проволоку, она разорвала колготки. Чёрт возьми, теперь она сама должна заплатить за них.

«Сейчас думай, как вернуться домой целой и невредимой, о колготках подумаешь потом».

Перепрыгивая через стену, Пенни порвала колготки и на другой ноге. Она плотнее запахнула пальто, мысленно посыпая проклятия Гранту и всей его семье.

Заглянув в боковой переулок, она увидела его. Он поджидал напротив входа в бар. В этом направлении идти невозможно, он будет следовать за ней с видом ангела во плоти и никто не заподозрит, что он питает намерения, полные крови и спермы.

Ей не оставалось ничего другого, как сделать то, что она запланировала прежде. Быстро перешла налево, а затем повернула за угол. Оттуда она побежала, постоянно спрашивая себя сколько осталось. На протяжении этих десяти минут, ни одно такси и ни один несчастный автобус не проехали мимо, чтобы поймать их на лету.

Периодически она оборачивалась, чтобы выяснить, не преследует ли её Грант. Его не было видно, если только он не прятался.

Затем она увидела разноцветную вывеску «Maraja». Маркус курил сигарету перед входом, вместе с цыпкой, одетой в джинсы в обтяжку, сапоги на каблуках бесконечной высоты и вульгарный полушибок зелёного цвета. Девушка курила вместе с Маркусом и смеялась, как будто в прошлой жизни была овцой, страдающей от кашля.

Ускорившись ещё немного, она приблизилась к ним. Он стоял к ней спиной. Чёрт побери эту спину, казалось, будто Микеланджело самолично высек её из глыбы мрамора. Девушка обратила своё внимание на Пенни, наклонилась и повернулась, разглядывая её с любопытством. Только тогда Пенни осознала, как она выглядит: порванные колготки и ссадина на колене, из которой струилась длинная полоска крови, которая подобно слезе, бежала до белого теннисного ботинка. Пот застилал веки, а дыхание было тяжёлым.

В этот момент повернулся Маркус. Его глаза цвета расплавленной ртути на мгновение задержались на ней, как будто бы не узнавая. Наконец он спросил, глядя из-за обычного облака дыма:

— А ты что хочешь?

Взгляд Маркуса воплощал один, чёртов вопрос. Пенни подняла глаза к небу, как бы прося прощения за собственный интеллект, поскольку выбор пал на этого пещерного человека. А потом опустила их вниз на тротуар, как бы продолжая свою попытку извиняться, только на этот раз перед всем, что находилось ниже пояса, поскольку, несмотря на все хорошие и правильные рассуждения, эти части не хотели оставаться равнодушными перед этим доисторическим зовом. Ничего не поделаешь: этот парень притягивал её, вне всякого сомнения. Ей достаточно просто увидеть его, почувствовать его ДНК, как её эстрогены со всеми молекулами и атомами отправлялись на экзотическую вечеринку.

— Что ты натворила? — ещё раз спросил у неё Маркус, разглядывая ноги, кровь и пальто с яркой бижутерией.

— Ничего, небольшое столкновение с мусорным баком. Я могу тебе кое-что сказать, наедине? — произнесла она, указывая на девушку на каблуках и в зелёном мехе, которая продолжала курить и наслаждаться шоу только что прибывшей раненой бродяги. Он повернулся к женщине, и та, не услышав от него ни единого слова, пожала плечами и бросила сигарету, раздавив её заострённым кончиком сапога. После чего вернулась в клуб.

Как только они остались одни, на необычно пустынном тротуаре, Пенни вернулась к атаке:

— Я передумала, — заявила она с решительным видом.

— Ты что, напилась? Потому что я ничего не понимаю, — возразил он, в свою очередь, гася сигарету о землю и пиная окурок в сторону дороги.

Пенни вспомнила Гранта и его завуалированные угрозы, и выпалила на едином дыхании.

— Я сказала тебе, что мне ничего не нужно в обмен на услугу одурачивания твоего куратора.

У Маркуса приподнялись губы в односторонней ухмылке, типичной для тех, кто знает, что он был прав в отношении аргумента фундаментального значения.

— И ты передумала? Кто знает почему, но меня это не удивляет. Но в постель с тобой я не пойду, даже под угрозой смерти.

— Почему ты всегда думаешь, что женщина должна просить у тебя об одолжениях сексуального характера?

— Потому что это то, о чём все меня просят. Или быть может, ты хочешь моей помощи в решении математических уравнений или я должен сделать портрет акварелью?

— Ничего подобного. Хотя должно быть грустно.

— Что?

— Думать, что весь мир вращается всегда и только вокруг твоей... э-э... штуки.

— Мир вращается всегда и только вокруг моей «э-э штуки».

— Это неправда! Я его не хочу! Я имею в виду... я не хочу ничего материального. Я просто хочу заключить с тобой сделку.

Маркус прикурил ещё одну сигарету. Эта поза — плотно сжатые губы, глаза прищурены, прислонённое к сигарете пламя зажигалки, руки впереди, чтобы защитить от ветра, — спровоцировали её гормоны в полном комплекте вернуться на абордаж. Удалённая судорога, низко, слишком низко, чтобы быть сердечным приступом или на худой конец проявлением колита, заставила её задаться вопросом, что в конечном итоге он не был неправ. У неё имелось ужасное подозрение в собственном огромном желании его и его «безымянного друга». Маркус перевернул её устоявшиеся романтические идеи: глядя на него, она не могла думать о двух влюбленных, стоявших рядом и взявшись за руки при лунном свете в обещании вечной любви. Глядя на него она хотела только чтобы он засунул язык ей в рот и так далее, и тому подобное. «Много всего такого». Но она находилась здесь, чтобы предложить ему совершенно другое и, несмотря на проклятый костёр, раздутый у неё под юбкой и негасущий в течение последних десяти дней, она должна выглядеть неприступной.

— Я хочу, чтобы ты был моим телохранителем по ночам.

— Не понял?

— Это всего пятьсот метров. С того места, где я работаю до двери моего дома. Я не прошу у тебя ничего другого.

— Я же говорил тебе, что ты не нуждаешься в моих акварелях, — сказал он, продолжая смеяться с каменным лицом. — Это вторая вещь, о чём меня обычно просят. Секс и личная защита. Ты не очень оригинальна.

— Я не хочу быть оригинальной, — отрезала Пенелопа, — я хочу быть живой!

Возможно, Маркус заметил её искреннее беспокойство, потому что он перестал улыбаться.

— Кто хочет тебя убить?

— Есть один. Но история не интересна для тебя.

— Есть парень, который хочет тебя убить?

— Не вполне убить меня, но... э.... как ты говоришь устроить мне приключения.

— Не нравятся мне такие типы. Я не хочу связываться с этим. Если я застукаю одного такого, то убью снова, а я не хочу возвращаться в тюрьму.

— Я была в этом уверена.

— В чём?

— Что ты сидел в тюрьме не потому что убил ангела. Я была уверена, что ты убрал кусок деръма. Однако я не прошу тебя никого убивать. Тебе просто нужно... составить мне компанию. Видя тебя рядом, он близко не подойдёт. Он трус.

— Так было всегда.

— Он трус выше среднего.

— Не пробовала заявить на него?

— Он никогда ничего мне не делал, кроме одного раза это... короче, ничего серьезного. Только угрозы. Но сегодня вечером он пришёл в бар, где я работаю, и... признаюсь, моё сердце убежало в пятки. Я скрылась через заднюю дверь и посмотрела в

кого я превратилась. У моей бабушки есть только я, и я не могу умереть или оказаться в какой-то беде.

— И что я получу взамен?

— Я же сказала, что расскажу много сказок мистеру «как-там-его-зовут».

— С мистером «как-там-его-зовут», я поверну всё как захочу, могу притворяться и в одиночестве. Всё что от меня требуется, так это пару месяцев не навещать Франческу, работать, и заниматься домом.

— Её зовут Франческа?

— Ну?

Это имя вызвало у неё странный дискомфорт. Франческа Лопес. Она представляла её красавицей, высокой, с тёмными волосами, с ногами и грудью вызывающими стон, и безжалостными глазами. Она понимала, что он сходил по ней с ума. Кто знает, как Франческа чувствовала себя, будучи любимой кем-то вроде Маркуса.

Пенни прогнала эту мысль и вернулась к мотиву, из-за которого она пришла.

— Если бы Франческа нуждалась в помощи, разве ты не был бы рад, что кто-то помогает ей?

— Франческа может разобраться сама. Однако я понимаю ход твоих мыслей. Хорошо, но я хочу чего-то большего.

— Не хочу походить на тех, кто повторяет песни других, но мою «штучку» я тебе не отдам.

Маркус рассмеялся, и на этот раз он, казалось, веселился на самом деле.

— Не обижайся, но я действительно не думал просить тебя об этом. Я подразумевал что-то более полезное.

— Вроде чего?

— Деньги.

— Я должна заплатить тебе?

— Ты хочешь телохранителя, не так ли? Это услуга, которая обычно оплачивается.

— Не то, чтобы я плавала в золоте.

— Я не претендую на многое. Я тоже достаточно стеснён в средствах, а ещё один доллар — это всегда дополнительный доллар. Договоримся о сотне в неделю?

— Ты сумасшедший! Где я их найду? Ах да, я могла бы заняться проституцией с Грантом, но в этом случае мне больше не понадобится твоя помощь. Тридцать тебе подойдёт?

— Тридцать? Этого мне не хватит даже на сигареты. Если ты хочешь чтобы работа была сделана хорошо, тебе нужно раскошелиться.

— Хорошо сделанная работа? Что ты собираешься делать? Тебе просто нужно пройти рядом со мной два квартала!

— А за сверхурочную работу.

— Я уже сказала тебе, что не хочу ничего «сверхурочного». Сорок, соглашайся или уходи.

— Шестьдесят? За эту сумму я перенесу тебя на руках, если повстречается лужа.

— Пятьдесят и не долларом больше. И если повстречается лужа, можешь взять свою сестру за руку и нырнуть вместе с ней, окей?

Маркус рассмеялся, покачав головой. Все атомы Пенни загорелись желанием. Они пожали друг другу руки, и у Маркуса она была большой, тёплой и немного грубой. У атомов Пенни случился секретный оргазм.

— За первую неделю вперёд, — сказал он. — Ты заплатишь мне завтра, если у тебя их нет сегодня. Подожди сейчас, я пойду предупредить, и мы сразу уйдем.

Ночь начинала плавно переходить в рассвет. Оставалось совсем недолго до восхода солнца. Пенни перестала озираться в испуге. Вместе с Маркусом она не испытывала страх, и она не боялась «даже» *Маркуса*. Несмотря на то, что он сидел в тюрьме за убийство человека, не выглядел обнадеживающим и пошло разговаривал, она знала что с ним находится в безопасности. Он был чудовищно высоким. Стоя рядом с ним, она ощущала себя крошечной. Пенни задумалась, как будет ощущаться, если положить ему на грудь голову. Её атомы закричали, подобно кричащим поклонницам «Битлз» на их концертах в шестидесятые годы. Она закашлялась, от абсурдного впечатления, что он мог их услышать.

— Этого мудака зовут Грант? — в какой-то момент спросил Маркус.
— Да, имя для порядочного человека, не находишь?
— Но где ты откопала такого парня?
— Я встретила его в баре, где работаю.
— И ты ничего не заподозрила? Честно говоря, это дерымовое место. Как ты там работаешь, я не понимаю.
— Это единственное место, достаточно близкое к дому, где меня наняли. В твой «*Maraja*» меня не взяли. Слишком невзрачная.
— В самом деле, там работают только горячие цыпочки ростом под метр восемьдесят.
— Спасибо за любезность: она включена в цену?
— Я не думал, что должен делать тебе комплименты.
— Комплименты нет, но, по крайней мере, не оскорбляй меня.
— Я тебя не оскорблял. Ты маленькая, окей? Ведь не считаешь же ты себя топ моделью?
— Во-первых, я не маленькая, это ты гигантских размеров. Во-вторых, ты неотёсанная деревенщица.
— Я не говорил, что ты уродлива. У тебя есть свои достоинства, если кому-то нравятся...
— Нравятся...?
— Такие девушки, как ты.
— Я подозреваю, что ты имел в виду что-то ещё, но предпочитаю не углубляться. Тем не менее, Грант вначале выглядел как нормальный парень. Даже более чем в среднем воспитанный: такой парень, кто открывает тебе в автомобиле дверь, пододвигает стул за ужином, дарит цветы и конфеты.
— Тот, кто делает это, безусловно, извращенец. Но вы, женщины, позволяете себе одурачить этой фигней. Я вот никогда не мечтал преподнести цветы, конфеты или другое подобное дерымо никому из вас.
— Даже для Франчески?
— Никогда не делал подобного абсурда!
— Ты говоришь об этом, как будто тебя попросили отрезать свои яички и отдать их забальзамированными.

Маркус взорвался смехом в сотый раз за сегодняшний вечер.

«Я тебе не нравлюсь, но, по крайней мере, я поднимаю твоё настроение. Хотела бы я поднять тебе какую-нибудь другую штуку, но думаю, у меня нет надежды».

— Почти что! — воскликнул он, доставая из кармана пиджака пачку своих обычных сигарет.

— Ну, говоря твоими словами «я позволила себе одурачить». По сути, после нескольких спокойных встреч, обеда в изысканном ресторане и вечера в кино, за просмотром «Мстителей», он продемонстрировал мне раз и навсегда, что он не супергерой. Внезапно он изменил свой регистрационный номер.

— Он напал на тебя?

— Мы были в очень романтичном месте, куда приходят нарядные пары, и откуда с холма открывается красивая небесная панорама, порой бывающая просто неотразимой. И он, даже без, пожалуйста, или просьбы, приказал мне... короче... в...

— Взять его в рот?

— И откуда ты это знаешь?

— Ну, в подобной ситуации, находясь среди других людей, легче попросить минет.

— Между прочим, для записи, он не просил. Однако ты никогда не говоришь метафорами, правда? Всегда прямо по существу.

— Я использую слова, которые необходимы. Тебя это раздражает?

— Нет... странно, но нет. В каком-то смысле, вернее, мне кажется, что используя их часто, говоря свободно, некоторые слова теряют свою силу... как бы сказать... шокировать.

— Можно подумать, я так говорю, чтобы шокировать тебя. Это единственный способ, каким я разговариваю.

— Существуют также синонимы и антонимы, для облегчения моей жизни. Но это не имеет значения.

— Вернувшись к беспомощным, как тебе удалось от туда свалить?

— В тот вечер мои волосы были заколоты пластмассовой шпилькой. Я вставила её ему... э... туда... и убежала.

— Что? — Маркус остановился со своей сигаретой на половине пути в воздухе, уставившись на Пенни как будто восхищался такой большой смелостью.

— К сожалению, я не причинила ему много вреда. С тех пор он начал меня преследовать. Только словесные угрозы и никогда публично.

— У таких типов никогда не встаёт, поверь мне. Но они всё равно опасны, потому что смогут перерезать тебе горло из-за злости на то, что он у них не становится твёрдым.

— Не разговаривай, таким образом, со стариками проживающими в доме, будь осторожен, иначе их хватит удар и твой куратор обвинит тебя в массовом убийстве с отягчающими!

— В настоящий момент я разговариваю только с тобой. На самом деле, я говорю абсолютно только с тобой.

— Действительно?

— Мы пришли.

Пенни встряхнулась и увидела перед собой дом. Мысль о том, что он разговаривал только с ней, хотя и использовал своеобразную манеру, выражаясь прямо и без каких-либо сентиментальных излишеств, встревожила её. Однако это был не страх, а скорее ощущение пробуждения чувств, по отношению к Маркусу, превышающих по значению те, что подсказывал инстинкт самосохранения.

Не просто обычное сексуальное влечение: нормальное для любой женщины с работающим набором инструментов, хотя и мало используемым. Это было чем-то запутанным и неразборчивым, что имело взаимосвязь с грудной клеткой, биением сердца и умением дышать. Это было плохо, это было абсолютно плохо. Влюбиться в кого-то, кто выглядел как гранитная статуя и распространявшая феромоны на каждом шагу, который

любил женщину с экзотическим именем и считал Пенни интригующей чуть менее чем садовый гном, было первой ступенью к бездонному несчастью.

Глава 6

Маркус

Франческа наверняка спрашивает себя: куда я пропал, и это доводит меня до бешенства. К сожалению, данный способ – единственная возможность отвлечь от нас уродов; лучше пусть верят в то, что мы не собираемся вновь встречаться. У них зародилась глупая идея, что вместе мы опасны, но мы олицетворяли опасность и в одиночку. Наше далёкое прошлое более трагично и насильственно чем недавние события. Мы познакомились в шестнадцать лет, но и до этой поры уже тусовались вовсю. Две бродяги, без будущего и с богатым прошлым. Она переходила из одной приёмной семьи в другую, а меня бросили с моей матерью. Мой отец, возможно, никогда и не знал о моём существовании. Мы посмотрели друг на друга и подумали: ты как я, а я как ты. Теперь мы больше не одиноки. Мы остались вместе, во всех смыслах склонив чащу весов нашими губами, переплетаясь языками и душами, завязались в единый узел, до момента пока один мудак не попробовал изуродовать её лицо и мы его замочили. Если бы мы не имели особого прошлого, нам могли бы засчитать случившееся как самооборону. На нас напали и спровоцировали. Но то, что случилось раньше, навсегда заклеймило нас огнём.

Неожиданно, пока я курю, и одна шлюха делает мне откровенные предложения, к счастью для меня приходит Пенни. Не знаю, почему говорю «*к счастью*», возможно, потому что эта тёлка вызывает у меня отвращение. Возможно потому что Пенни, даже не имея особо красивой внешности, забавляет меня своими разговорами. Может быть потому, что у неё глаза, в которые смотришь и думаешь: «*Вот, этой действительно двадцать лет и она ещё не разыграла все свои карты первой четверти века*». Мне ничего о ней не известно, но я редко ошибаюсь. И потом, она крутая. Замечаю, что она никогда не опускает глаза, даже в те моменты, когда чувствует себя неудобно. Я понимаю это по красному пятну, которое появляется у неё на горле. Но я же всё это делаю не специально, я так устроен, живу просто – хлеб, пиво и прямолинейность.

Заключаем сделку: я сопровождаю её до дома, а она платит. Деньги небольшие, но они никогда не бывают лишними. Пенни расслабляет. Пенни помогает успокоиться моим мыслям. Обычно, перемалываю всё со скоростью шестьсот в час; желание действовать, бежать, двигаться, воспоминания, воспоминания, даже более давние, которые как мне казалось, сотрутся с возрастом. Чаще всего, кажется, что мою голову бомбят амфетамины, даже учитывая тот факт, что я никогда не принимал это дермо. Пенни щёлкает переключателем и погружает в темноту моё прошлое. Она похожа на персонажа из мультишек, те, что смотрят дети, у кого матери не ведут себя как шлюхи. Те, что я никогда не смотрел.

Я собираюсь предложить ей кое-что бесплатно – в любом случае, это включено в цену. Если она доверяет мне, проведу с ней несколько занятий по самообороне. Не может же она всегда рассчитывать только на меня. Через два месяца меня здесь не будет, а этот сексуальный маньяк может оказаться более упёртым и продолжать домогаться её и после. Кое-какая стратегия в поведении, кое-какие навыки и знание точек, куда следует ударять с большей силой. Франческе я никогда и ничего не объяснял, она всегда всё сама знала.

Безусловно, наши судьи полные идиоты, думают, что вместе мы опаснее, чем по отдельности. Как они могут утверждать такое, говоря о той, кто в двенадцать лет подожгла

дом своего приёмного отца, после того как ранила его бейсбольной битой и о пацане, который в пятнадцать лет воткнул ножницы в спину любовника своей матери?

Глава 7

Вернувшись из библиотеки, Пенни встретила Маркуса. Он спускался по лестнице из своей мансарды и застал её на пороге квартиры, когда она вставляла ключ в замочную скважину. Прежде чем увидеть, она почувствовала его запах. Он был потный, одет в белую футболку, сидящую на нём подобно второй коже и старые тренировочные штаны. Совсем немного, и язык Пенни, практически, касался бы пола. Она была вынуждена дать встряску блуждающим мыслям и всем своим атомам, остекленевшим перед таким изобилием. Сглотнула и сделала вид, что не замечает под его футболкой трехмерную решётку из мышц, и запястья покрытые венами, похожими на полноводные реки.

— Послушай минутку, — начал он и Пенни «закатала» язык и спрятала его обратно в рот.

Подозрение, что он намерен нарушить договор, заключённый накануне вечером или, возможно, решил поднять цену, не на шутку её напугало.

— Больше пятидесяти долларов я не могу тебе заплатить, — прошептала она, уставившись на ключ и кончики собственных ногтей. — Для меня это уже огромнейшая сумма.

— Мне не нужно больше денег, я намереваюсь сделать тебе подарок.

— Подарок? Какой подарок? — спросила она, покраснев.

Маркус рассмеялся и издевательски покачал головой.

— После этого ты утверждаешь, что я повторяюсь, но это ты постоянно думаешь об одном и том же! Это не тот подарок, на который ты надеешься.

— Я ни на что не надеюсь!

— Девочка, великая актриса из тебя не выходит. Даже если ты говоришь «нет», то ты всё равно хочешь переспать со мной, я это уже давно понял. Но этого не случится. Я. С тобой. Не трахнусь. Так достаточно понятно?

— Может быть, если ты повысишь ещё немного голос, тебя услышат так же и те, кто живёт в соседнем квартале, ты же не хочешь чтобы они почувствовали себя обделёнными.

— Не услышат, даже если я прокричу им в самое ухо — самый молодой уже отпраздновал семьдесят лет. Повторяю ещё раз, я думал научить тебя некоторым приемам по самообороне.

— Меня?

— Это ведь ты, подвергаешься преследованиям одного мудака?

— Ты, правда, это сделаешь?

— Да, и начнём прямо сейчас.

— Сейчас?

— Никогда не бывает слишком рано для того, чтобы научиться, как лучше ударить того, кто хочет заставить тебя сделать минет.

— Хорошо, я только предупрежу свою бабушку, что я у тебя.

— Дай мне немного времени принять душ, окей?

Пенни кивнула. Сдерживая искушение попросить его не переодеваться, и оставаться таким же потным и варварским. Только лишь чтобы смотреть, не трогая. Ей пришлось повторять эту мысль достаточно долго, чтобы вбить себе в голову.

Она вошла в квартиру. Барби напевала и готовила свои обычные печенья.

— Сокровище моё, иди немного отдохни, — сказала она бабушке, в то время как та разбрасывала муку, просеивая её во все направления сквозь решето, которое она использовала вместо кастрюли.

— Да, я думаю так и сделаю. Я готовила весь день для малышни, и они практически свели меня с ума. Теперь я устала.

Пенни ощутила комок в горле, но удержала беззаботную улыбку.

— Я зайду на минутку к Маркусу, — объяснила ей, с надеждой, что бабушка уже возможно позабыла про него или может быть, перепутала б его с одним из тех детей, что доставляли ей неприятности. Но бабушка её удивила.

— Такой красивый юноша! Он напоминает мне о моей юности. Я рада, что он переехал сюда, и вы встречаетесь. Когда вы думаете пожениться?

— Я ещё не знаю. Нам нужно узнать друг друга получше, — увиливая от вопросов, ответила Пенелопа, кружась по кухне и пытаясь немного привести всё в порядок.

— Береги себя и заставь тебя желать. Никаких поцелуев, прежде чем он оденет тебе на палец кольцо.

— Хорошо, это я тебе обещаю.

— Мне кажется, что он несчастный юноша, попробуй заставить его улыбаться.

— Тебе кажется, что он несчастен?

— Ох да, у него типичный взгляд того, кто никогда не получал ласку и нежность. Приласкай ты его.

— Сделаю всё от меня зависящее.

— Я многие годы преподавала детям и разбираюсь в некоторых вещах. Были сорванцы, хулиганящие и ломающие карандаши одноклассников, но их взгляд был очень похож на глаза Маркуса. Я никогда не относилась к ним плохо. С лаской, я всегда добивалась большего. И с анизовыми карамельками. Дети обожают анизовые карамельки.

— Ну, тогда я наполню его карамельками и лаской.

— Молодец. А сейчас отнеси ему немного печенья.

Бабушка подготовила пакет со своим печеньем, и Пенни не оставалось ничего иного как выйти из квартиры с этим импровизированным подносом, чтобы не огорчать её.

Она заставила бабушку поклясться, что та пойдет спать и Барби скрестила два пальца, приложив их к губам, как делают дети, которые обещают не раскрывать секрет.

Пенни поднялась по извилистой винтовой лестнице, ведущей на чердак. Лестница была настолько узкая и хлипкая, что возникал вопрос: как Маркус умудрялся подниматься по ней и не сломать? Чувствуя себя взволнованной сверх всякой логики, она постучала. Не прошло и десяти секунд, как Маркус открыл дверь. Он как всегда был мокрый, но не от пота. От него исходил запах мыла, очень легкий, с намёком на цитрусовые и мяту. Одет он был в чистую футболку и, очевидно, Маркус одевался, не вытирая своё тело после душа, потому что эта футболка облипала его словно вторая кожа. Он одел другие спортивные штаны и стоял босиком. Пенни приказала своему языку не выходить из гаража.

— Эти печенья тебе прислала моя бабушка, но лучше не ешь их, я думаю она добавила в тесто стиральный порошок.

Он не отпустил какого-либо замечания, а указал ей на стол, стоящий на кухне-гостиной-кабинете, в общем на единственный стол в этом небольшом пространстве. Он уже положил на пол резиновый коврик и передвинул диван.

Если Пенни полагала, что это приглашение скрывало под собой секретное намерение сделать её своей, то теперь должна была отбросить свои иллюзии и смириться с тем, что это был реальный урок самообороны. К счастью, она так не думала, ей не хватало воображения и она доверяла Маркусу. Он доверяла бывшему заключённому, которого знала около двух недель, и кто мог бы прижать её, используя только три своих пальца. Кому позволит переворачивать себя как куклу, не допуская, даже на мгновение, мысли о том что он может причинить ей вред. Она внимательно его слушала. Узнавала,

как нужно двигаться, выкручиваться, осваивала приёмы для того, чтобы ослабить захват, чтобы поразить в глаза, в нос, в яички и лодыжки потенциального агрессора.

Неожиданно, во время проведения одного из маневров, она обнаружила, что лежит на резиновом коврике, с Маркусом сверху. Он не дотрагивался до неё, их разделяли по крайней мере три сантиметра, но в этот момент он был ближе чем когда-либо. В таком положении она поняла насколько она маленькая и ужасно хрупкая по сравнению с ним. Словно легкий и уязвимый лист по сравнению с твердым и древним дубом.

— В этом случае просто подними одно колено, — объяснял ей он, прикасаясь к её ноге, чтобы показать движение.

Пенни обнаружила себя, культивирующей опаляющие мысли. Она покраснела, полностью осознавая, что если бы Маркус предложил или только бы сделал красноречивый жест в её сторону, она не раздумывая и незамедлительно занялась бы с ним любовью. Словно Маркус, ограничивая своё внимание, пробудил её от длительного сна. Ей больше не казался этот шаг чем-то маловероятным, типа восхождения на снежный Эверест или прыжка вниз с моста, привязанной к резиновому канату. Долгое время она думала о сексе, как об особом мастерстве и таланте, которыми не обладала и с которыми рождались или без которого можно обойтись. Сейчас же ей это представлялось естественным, простым и необходимым.

В этот самый момент, дверь в квартиру открылась. На пороге появился господин Малкович, в своём обычном виде: завязанном вокруг шеи галстуке, очками на кончике носа и ручкой между пальцами. Маркус вскочил на ноги с ловкостью паука. Пенни продолжала лежать, наполовину парализованная от изумления.

— Теперь я доволен, — прокомментировал вновь прибывший с видом, более чем довольным, даже мимолётно никого не приветствуя. — Я признаю, что после нашей предыдущей встречи у меня зародилось небольшое подозрение в том, что вы меня разыграли. Имею в виду — история между вами. Но этот мой неожиданный визит развеял все сомнения. Я знаю, что ты перестал писать мисс Лопес. Молодец. Я собрал информацию о вас, мисс Миллер, и более чем доволен, тем, что узнал. Вы являетесь наиболее подходящим человеком, чтобы возвратить нашего Маркуса на правильный путь. Сейчас же я оставляю вас, и вы сможете продолжать делать то, чем занимались.

С этими словами, не давая своим «собеседникам» возможность произнести какое-либо слово, он вышел из квартиры. Маркус остался стоять, массируя кожу головы.

— Твою мать, — сказал он.

— Э, он на самом деле заходил или это была только моя галлюцинация? — спросила Пенни, продолжая сидеть на коврике.

— Он не такой глупый, чем можно подумать, — пробормотал Маркус себе под нос.

— Но теперь он будет убежден, что мы безумно любим друг друга и регулярно занимаемся сексом.

Маркус повернулся к ней улыбаясь, и Пенни почувствовала, словно у неё за ёбрами распускается роза. Он так редко улыбался, что когда это происходило, должно быть планеты отклонялись от своих орбит, чтобы созерцать его улыбку. В этом она была убеждена.

— Поднимайся.

— Не лучше было бы, вновь прилечь, никогда не знаешь — вдруг он решит нанести ещё один визит?

— Ты не заперла дверь когда вошла?

— Я не помню.

— Итак, основное правило в самообороне: закрывать чёртову дверь в чёртову квартиру.

— Прости, я поступила опрометчиво. Я несла в руках поднос и...

— В следующий раз будь осторожнее.

— А будет и следующий раз?

Он нахмурился и перестал улыбаться.

— Я не знаю. Я не понимаю, чего ожидает от меня эта заноза в заднице. Я должен притворяться, что больше не жду Франческу. Она наверное спрашивает себя, что случилось. Это заставляет меня кипеть от злости.

Пенелопа медленно опустила свои веки.

— Я могу это сделать, — сказала она.

— Можешь сделать что?

— Пойти к ней и предупредить, что ты не перестал любить её, что не перестал думать о ней, ты просто вынужден притворяться.

Маркус посмотрел на неё, словно обладал рентгеновским зрением и имел возможность проникнуть внутрь и увидеть то, что там находилось.

— Ты правда сделаешь это?

— Да.

— Почему?

— Сколько «почему», мальчик мой. Потому что я хочу.

— Ты странный человек. Никогда не встречал такую, как ты.

— Ты покажешь мне её фотографию? Если я должна встретиться с ней, хочу быть уверена в том, что разговариваю с «нужной» девушкой.

Он кивнул и начал рыться в кармане куртки, висящей на ручке единственной двери в комнате, той, что вела в ванную. Достал мобильный телефон и переключил на нём пару кнопок.

Затем протянул телефон ей. Пенни затаила дыхание, как будто этот жест был частью ритуала, к которому она была допущена, чтобы присоединиться к чуду.

Фотография была старой, сделанной несколько лет тому назад. На ней Маркус выглядел более молодым и менее накачанным, он был вместе с девушкой, назвать которую красивой, стало бы преуменьшением. Она была гораздо более чем красива. Скорее, это был опасный двойник Джессики Альба. Фото — их селфи, сделанное, когда они лежали в постели, полуобнаженные и близко друг к другу. Никто из них не улыбался. Пенелопа спросила себя, если они занимались любовью, то почему смотрят в объектив с такими серьезными лицами, казалось, что они переполнены вековой усталостью. У Маркуса между пальцами виднелась его извечная сигарета. Франческа держала мобильный телефон, приблизив своё лицо к лицу парня. Выглядело это несколько вяло, и казалось естественным проявлением, а не усталостью от дикого секса.

— Не любит фотографироваться, — прокомментировал Маркус. — У меня их мало. Всегда говорит, что фотографии крадут душу.

Пенелопа кивнула и прошептала:

— Она очень красивая.

— Самая красивая, — не преминул уточнить Маркус.

— Ты своего рода романтик.

— Я не романтик и это непреложный факт. Но ты её рассмотрела?

— Да, она великолепна.

— Ты действительно готова...

— Скажи мне, когда ты хочешь чтобы я навестила её и я пойду.

— Пенни, ты действительно странная.

— Я более чем странная.

— А ты ничего.

— Если потакать мне — это твой способ чтобы уговорить, то в этом нет необходимости: я уже согласна.

— Я даже не знаю, что означает «потакать». И никогда не говорю вещи, о которых я не думаю. Повторяю тебе — я такой какой есть; то что ты видишь и ещё немногого.

— То, что я вижу — этого уже очень много.

Она поднялась на ноги. В её горле застрял узел, большой и колючий. Пенни не могла понять откуда он появился. Возможно потому, что недавно увиденная фотография и осознание наличия таинственной любви с той, которая на фото не улыбалась, а демонстрировала ощущимую агрессию, приносило Пенни чувство боли. Она не может быть влюблена в Маркуса. Просто гормоны давали о себе знать. Это был обычный переполох среди атомов и ничего похожего на душевые тайны. Легко запутаться. Достаточно посмотреть на Маркуса и от желания, сердцебиение сдвинется на одну ступень ближе в сторону чистой похоти. Но это не было ничем большим, чем потребностью одной двадцативосьмилетней, похожей на спелый гранат, которая никогда не позволила открыть себя мужчине, такому сексуальному, каких она раньше никогда даже не видела.

По крайней мере, она на это надеялась. Потому что, если там было что-то большее, то она сама себе рыла яму.

Пожалуй, лучше пойти домой. Она хотела лечь рядом с бабушкой, обнять её и поплакать, зарывшись среди её волос, несмотря на то, что плакать — было бы реакцией трагической, недопустимой и лишённой смысла.

— Увидимся и потом сможешь лучше мне объяснить, как и куда идти, и что ей сказать.

— Окей... спасибо, — сказал Маркус и у Пенни создалось впечатление, что «спасибо» — это слово, которое он редко использовал и, возможно, не использовал никогда.

За мгновение перед тем как выйти, она потянулась к его лицу, встав на цыпочки, и провела по щеке двумя пальцами. Кожа Маркуса была свежей, чуть шероховатой от намека на щетину тёмного цвета. Он не отпрянул, но казался расстроенным от этого маленького жеста.

Пенни улыбнулась и сказала тихим голосом:

— Бабушка говорила, что хулиганы больше нуждаются в ласке, чем другие дети, — и спустилась по лестнице, прежде чем он смог сказать хоть слово.

Маркус уже ждал на выходе из «Well Purple». Он прислонился к стене, одна нога согнута, а к губам поднесена сигарета, зажатая между двумя пальцами. Крошечный мир, живущий в теле Пенни, сделал кувырок вперёд настолько быстрый, что на мгновение ей почудилось, будто она стоит вверх ногами. После четырёх часов в закрытом помещении и предельного внимания к любому, кто к ней приближался, от страха, что это Грант решил повторить свою попытку предыдущего вечера, испытываемое головокружение можно объяснить как способ организма избавиться от адреналина при прикосновении ночного воздуха и запаха приближающегося дождя. Тем не менее, Пенни беспокоилась, что именно присутствие Маркуса провоцировало встряску её основ. Он встряхивал её не имея таких намерений, и встряхивал её тем, что полностью игнорировал. Как бы она себя

почувствовала, если бы он решил уделить ей внимание? Вопрос, не нуждающийся в ответе.

— Ты вовремя, — сказала ему, пока он гасил сигарету, докуренную до фильтра, раздавливая её своим массивным ботинком из кожи чёрного цвета. Они пошли вдоль дороги, под настолько лёгким дождём, что прежде чем достигнуть тротуара, тот становился похожим на пыль.

— Я люблю делать хорошо любую работу. Всё в порядке там, внутри?

— Обычная история.

— Козёл объявился?

— Сегодня вечером нет.

— Что он из себя представляет?

— Представь себе высокого пижона, тощего, светловолосого и одетого по последней моде, так вот – это он.

— И ты себе позволила быть одурченной одним из таких?

Она повернулась, и мгновение смотрела на Маркуса в ярости.

— Я думала, что ты не один из тех, кто обвиняет женщин, отправившихся на поиски. Если я ошиблась, можешь свалить отсюда к чёртовой матери, я вернусь домой одна.

Маркус слегка коснулся её локтя рукой и тут же отпустил. Но у Пенни создалось впечатление, что этот жест, явился мимолётным выражением дружелюбного проявления.

— Я не один из таких, — признался Маркус. Взял ещё одну сигарету и засунул в рот. Он держал её губами и ощупывал тело в поиске зажигалки.

«Если хочешь, я тебе помогу».

— Монаха не делает одежда, в противном случае я должна бояться тебя.

— На самом деле, ты должна меня бояться.

— В самом начале так и было, но только на мгновение и только потому, что я приняла тебя за Гранта. Я боюсь темноты больше, чем тебя.

Маркус нашёл зажигалку. Пламя, небольшое и краткое, превратило конец сигареты в оранжевый уголёк. Он сильно затянулся, а затем вместе с проникшим в лёгкие дымом, пробормотал бесцветным голосом:

— Ты ошибаешься. Я не тот парень, кто изнасилует тебя, этого никогда не случиться и тебе не надо бояться меня в этом смысле. Но не ищи и не выдумывай себе ничего другого. Ты мне платишь, и я тебя сопровождаю. Ты помогаешь мне, а я помогаю тебе. Это соглашение, больше ничего и точка.

Пенелопа кивнула, пока копалась в карманах своего пальто. Слова Маркуса были правильные, конечно они были предпочтительнее, чем слова от другого мужчины, неважно какого. Того кто придет в её жизнь и придумает миллион сказок, чтобы втереться ей в доверие, как это сделал Грант. Она предпочитала эту искренность, даже если такая правдивость делала больно её сердцу.

— Вот, возьми, — наконец сказала она, вытаскивая пять банкнот по десять долларов. — Это твой первый гонорар.

Маркус убрал эту заначку в собственный карман. Он ни минуты не колебался. Дополнительная демонстрация его прямолинейности. Давать и брать, и ничего другого.

— Теперь скажи мне, что я должна сделать, чтобы пойти навестить Франческу.

На несколько секунд он замолчал. Затем рассказал ей о тюрьме, в которой сидела Франческа. Тюрьма находилась на расстоянии примерно миль в двести отсюда. Лучший день для посещений в воскресенье – было больше людей, а проверки проводились не

очень тщательно. Она должна быть готова к личному досмотру и приготовить ответы на несколько вопросов о том, почему навещает заключённую.

— Когда Малкович узнает об этом, то может спросить о чём-то в это духе, — сказал Маркус, почти самому себе в полголоса.

— Сразу видно, что у тебя нет ни капли романтического духа. Ты думаешь, они слушают ваши разговоры?

— Нет. Они не доходят до этой точки. Она же не какая-нибудь террористка талибана.

— Хорошо, ну, тогда я скажу ему, что я пошла сказать ей, что история между вами закончилась. Что ты не нашёл в себе мужество сделать это. В это он поверит.

— В это он поверит, потому что сам так поступил бы. Потому что он посредственный чиновник, который хотел бы бросить свою уродливую жену, бог знает сколько времени, но не смеет, и был бы счастлив, если кто-нибудь сделает это вместо него.

— Или он поверит, потому что знает как ты любишь Франческу и понимает, что увидеть её глаза в слезах – убьет тебя.

— Франческа никогда не заплачет из-за дерья такого рода.

— Быть брошенной любовью всей жизни – это дермо?

— Ты не можешь понять.

— Что? Что я не могу понять?

Он на ходу развернулся, и в этом движении было что-то звериное.

— Что означает слово выживать. Кто выплакал все свои слёзы в двенадцать лет, тот не прольёт больше ни одной. Она заботится обо мне, но если я её брошу, то от этого она станет сильнее, чем прежде. Никогда не видел чтобы она плакала, никогда. И в любом случае это гипотетические рассуждения, потому что я собираюсь умереть вместе с ней.

Пенни не сделала никаких комментариев. Она всегда была убеждена, что любовь – это жить с кем-то, а не умереть, но она не возражала ему. Для него всё было так: жизнь была война, а любовь – оружие. Быть вместе против чего-то или не вместе и на этом всё. Она не имела понятия о прошлом обоих, через что им пришлось пройти и что разделить. Но была полностью уверена – такой тип любви являлся максимумом того, что оба могли себе позволить.

«Уверена – это больше, чем я когда-либо смогу получить».

— Как я туда доберусь? — спросила его.

— Как мы доберёмся.

— Ты поедешь со мной?

— Я не отпущу тебя одну. Никогда не знаешь, что может случиться. Мне нельзя, но я всё равно поеду с тобой.

— Ты хочешь быть уверен, что моя миссия будет выполнена хорошо?

— Скажем так.

В этот момент дождь усилился. В один миг он полил как из ведра. Маркус выбросил сигарету и взял Пенни за руку, волоча её к входной двери дома. Она чувствовала себя, как будто бы её ноги сделаны из глины. Они промокли больше, чем цыплёнок, упавший в лужу. Маркус провел рукой сквозь короткие волосы, разбрызгивая вокруг себя капли.

— Заходи домой и переоденься, — приказал ей Маркус, — Если ты заболеешь, то в воскресенье мы не сможем никуда поехать.

— Как ты бескорыстен.

— Ты мне нужна и я хочу, чтобы ты оставалась здоровая, по крайней мере, до воскресенья.

— А потом я могу умереть?

— Абсолютно свободно.

Пенни что-то пробормотала и начала подниматься по лестнице. Как обычно было темно. Маркус достал из кармана фонарик, небольшого размера, но мощный. Карамельного цвета круг, осветил лестницу почти как днём.

Когда она попыталась войти в собственную квартиру, Пенни поняла, что случилось не серьезное, а трагическое недоразумение. Бабушка закрыла дверь на щеколду. Дверь открывалась на три или четыре сантиметра, а потом блокировалась. Ей удалось бы попасть во внутрь только если бы она была листом бумаги. Пенни парализовало напротив приоткрытой двери, что давала ей отпор. Маркус, стоящий позади, сказал:

— Я выбью её в одно мгновение. От этих безделушек никакого проку.

— А ты можешь это сделать тихо?

— Немного шума будет, щеколда сделана из железа, это не печенье со стиральным порошком.

— У моей бабушки случиться инфаркт от страха. И то же самое произойдет, если позвонить на домашний телефон.

— Что тогда собираешься делать?

Она повернулась и с испугом посмотрела на него. Напуганная тем, что собиралась сказать.

— Легко. Пойду спать к тебе.

Маркус вздрогнул, совершенно неуместно для такого большого и сильного мужчины как он.

— Даже не думай.

— Ничего страшного. Тогда я останусь здесь, заболею пневмонией, и Франческа останется с сомнением, что ты сволочь.

— Франческа уже в курсе, что я сволочь. Ты не можешь попросить гостеприимства у какого-нибудь соседа?

— Я не знаю никого достаточно хорошо, чтобы просить об услуге подобного рода.

— Ты и меня не знаешь достаточно хорошо, но однако, всё равно просишь о подобной услуге.

Пенелопа склонила голову набок, уставившись на него в провокационной манере.

— В чём проблема? Ты думаешь, что я наброшусь на тебя во время сна?

Маркус насмешливо усмехнулся и приблизился к ней лицом. Он сказал ей на ухо и их влажные щеки соприкоснулись.

— Не шути с огнем, обезьянка. Ты последняя девушка в мире, к которой прикоснусь на трезвую голову, но если ты запрыгнешь на меня ночью, то можешь не оказаться на высоте моих ожиданий. Я мужчина и у меня все шестерёнки работают. Итак, думай, что говоришь.

— Я могла бы согласиться, откуда ты знаешь?

— С таким вот лицом? Я на это не куплюсь. Без сомнения, ты хочешь чтобы тебя трахнули. Но если после этого я отнесусь к тебе, как поступаю обычно со всеми кто не Франческа, ты умрешь от разрыва сердца.

Пенни почувствовала дрожь, воображая эпилог вроде этого: Маркус, который уходил без какой-либо нежности после секса. Это показалось ей мучительной перспективой, ещё более жестокой, чем уверенность в том, что она никогда не окажется с ним в постели.

Эти мысли прервал энергичный чих.

— Учитывая это, мы достигли, как говорится, тупика, — утвердительно сказала она. — Где сегодня ночью Пенни будет спать? Как считаешь, пневмония прискакет галопом?

Маркус издал стон усмирённой ярости. В тишине похожий на гул.

— Окей, пойдём ко мне, но веди себя хорошо.

— Что за чушь. Ты, похожий на ожившую иллюстрацию похоти, говоришь мне вести себя хорошо?

— Тебе не ясно с кем имеешь дело, верно? Я пытаюсь защитить тебя. Но если ты спровоцируешь меня ещё раз, я дам тебе понять, о чём подразумеваю.

Пенни почти соблазнилась попросить его дать ей это понять. Ещё один чих вернул её к реальности.

— Маркус, не обманывай себя, ты не представляешь собой дар Божий для всех женщин. Я просто хочу найти место для ночлега. Как уже сказала, давай поторопимся, скоро рассвет и я сильно устала.

— Ты спиши там, — сказал он, указывая на диван. — Кровать моя. А теперь иди в ванную и переоденься, а потом ты ляжешь спать и до завтра заткнешься.

— Во что я переоденусь, господин генерал?

— Я дам тебе одну из моих футбольок. —

Пенни закрылась в ванной, сняла мокрую одежду и надела футболку с длинными рукавами, свисавшими подобно языку Менелика ниже кончиков пальцев (прим пер: lingua di Menelik (с итал.) это карнавальная дудка состоящая из бумажной трубки, свернутой в катушку, которая раскатывается при вдувании воздуха, производя шум). Футболка была настолько огромной, что падала с плеч и она пахла им. Пенни вдохнула запах, как будто аромат цветка.

«Я извращенка».

Когда она вышла, Маркус тоже переоделся. Он одел хлопковые спортивные штаны серого цвета и ничего больше.

«Парень, ты делаешь это специально? Скажи правду, ты хочешь, чтобы я на тебя набросилась».

Пенни сделала вид, что не обращает на него никакого внимания и легла на диван. Завернулась в синее одеяло и закрыла глаза.

Рядом с ней, Маркус делал то, что делал обычно. Она слышала как он зашёл в ванную комнату и пописал. Слышала как течёт вода, как открылась дверь и под его весом скрипнула кровать.

— Если я захочу ночью пить? — неожиданно спросила его.

— Будешь терпеть, — неласково огрызнулся на неё «гостеприимный» хозяин.

— Если я захочу чем-нибудь перекусить?

— Пенни, я не хочу быть пошлым. Так что избавь меня от вопросов.

— Пошлым? В каком... ах, да, я поняла.

— Молодец, так что хватит.

— Это в первый раз, когда ты принимаешь у себя в гостях женщину без...

— Во-первых — ты не гость, ты проникла при помощи шантажа. Во-вторых — за исключением Франчески, я не «принимаю гостей». Я трахаю.

— В-третьих — я устал и хочу спать. Можно выключить тебя каким-то образом?

— Маркус, я не хочу быть пошлой. Так что избавь меня от вопросов.

Она была уверена, что в темноте он смеется, тихо и мягко. Его смех был чем-то успокаивающим, до смешного знакомым. Несмотря на грубые манеры Маркуса, она не чувствовала себя в какой-то опасности, находясь в этой комнате, под этой крышей с одним глазом по центру. Она думала о многих вещах, вещах по большей части надуманных, вроде тех мыслей, немного бдительных и немного ленивых, которые пробегают в голове прежде чем заснуть. Пенни представила себя целующей его, держащей его за руку, прикасающейся к нему. Она потеряла сознание прямо у себя на спине.

Когда проснулась, был уже день. Маркус всё ещё спал. Она встала на цыпочки и посмотрела на него. Она вытянула руку, соблазнённая этой кожей, этим гранитом, обтянутым расписанным шёлком, но сразу же притянула её обратно. Его руки и большая часть грудной клетки были покрыты татуировками индейцев маори, в чёрном и белом цвете. Кривые, кольца, завитки, которые раскрывались словно птицы летящие в стае, знаки похожие на огонь, листья, глаза, морские волны, кинжалы и восходящие солнца. И ещё дельфины, скалящие зубы маски и огромный морской скат на груди. Единственное исключение в этом апофеозе диких и завораживающих племенных видений – слева, рядом со скатом, выделялось красное сердце. Казалось что оно сильно и часто бьётся, подобно сердцу Христа, которое вы видите на некоторых священных изображениях, пронзённое терновым венцом. У Пенни не было сомнений в том, что сердце символизирует Франческу. Она подавила чувство досады и боли, и сделала несколько шагов назад. Лучше уйти до того, как Маркус проснется.

«Было бы лучше вообще не приходить.

А если я влюблуюсь в него?

Что мне делать?»

Покачав головой, подняла свою одежду, теперь уже сухую, и переоделась не закрываясь в ванной комнате. Маркус пошевелился, повернулся, но продолжал спать.

Пока как она спускалась вниз по винтовой лестнице, Пенни думала, что если бы в этот момент появился господин Малкович, у него больше не возникло бы никаких сомнений по поводу их связи. Она производила впечатление молодой любовницы, которая только что выползла из теплой постели пахнущейексом, а не нежелательного гостя, проникшего шантажом и спавшего на неудобном диване.

К счастью, бабушка уже проснулась и сбросила щеколду. Увидев входящую Пенни, она не заметила странности во времени. Она просто поинтересовалась выходила ли Пенни выбросить мусор. Затем спросила её, не хочет ли она, чтобы бабушка подготовила блинчики.

— Бабушка, я их тебе сама приготовлю. Ты посмотри немного телевизор. Показывают сериал, который тебе так нравиться.

— О, да, ты права. Сегодня Гонсало скажет Гермоза, что любит её. Не могу дождаться. Это так прекрасно, когда любовь торжествует! Ты так не считаешь?

Да, она так считала. Но у неё имелась отвратительная уверенность, что невероятные чувства Гонсало, испытываемые им к Гермозе, выраженные при помощи тысячи слов, немного романтичных и немного смешных, находились ближе всего к любви в её маленькой жизни, предназначенной, в лучшем случае, мириться с больными предложениями этого сумасшедшего Гранта.

Глава 8

Маркус

Когда Малкович вошёл в квартиру, я показывал Пенни очередной приём, как можно ударить по яйцам, чтобы остановить нападающего на тебя и, ещё совсем немного, и остановилось бы и моё сердце. Черт, какой он подозрительный. Возникло сильное искушение предложить ему идти и заниматься своими делами, подумать о вялом трахе со своей женой и не докапываться до кого я люблю и кого хочу. Но я пока не совсем свободен, чтобы делать хорошую мину при плохой игре. Пенни, однако, была хороша. Она продолжила играть свою роль. И да, она даже предложила пойти и поговорить с Франческой. Надеюсь, что она не передумает. Я хочу узнать как она там, что думает, это молчание убивает меня. Не понимаю, почему Пенни хочет это сделать, возможно она надеется, что я трахну её из благодарности или просто хочет проявить свою доброту. Доброта для меня – это что-то инопланетное. Я не привык получать её и не верю даже в то, что она существует. Поэтому, уверен, она хочет чтобы я её трахнул. Я должен быть осторожным, пай-девочка может разрушить тебя сильнее шлюхи. И потом, в конце концов, я не хочу чтобы она страдала. Одним словом, она создаёт впечатление, словно вышла из любовного романа. Её глаза смотрят глубоко внутрь, даже если внутри меня нет ничего на что можно засмотреться, а её попытки – напрасная трата сил. Иногда она смотрит на меня, как будто уверена, именно уверена, что ранив меня она обнаружила бы кровь. Только я уверен, – из моих ран потечёт вещество, похожее на желчь.

Конечно, она задаёт кучу вопросов. Создаёт конкуренцию Малковичу по способности лезть не в своё дело. На что-то отвечаю, она мне нужна и я должен быть хитрее. Но я не могу «рассказать» ей «абсолютно» всё.

Но, в конечном счёте, Пенни мне нравится. Не в сексуальном смысле, и это необычно для меня. Как правило, секс – это ключ ко всему. Женщина мне нравится в сексуальном плане или не нравится в сексуальном плане. В последнем случае её не существует. Напротив Пенни, я не хочу затащить в постель, но, тем не менее, я замечаю её, и тем не менее она существует. Порой разговоры с ней, дают мне выброс адреналина. Я никогда не знаю, что она скажет. Она непредсказуема. Вроде разновидности забавной загадки, которая опасно интересует меня.

Никто не ожидал, что она будет здесь спать. Это последнее в мире что я хотел. Но не мог же я оставить её на лестничной площадке. И если заболеет, то сорвётся наша воскресная поездка. Я проклятый и беспринципный человек, я это знаю.

К счастью, после кучи болтовни, она заснула в одночасье. Я же, напротив, не могу даже глаз сомкнуть. Чувствую её плавное дыхание, иногда лёгкий звук, словно тихо мякует котёнок.

Я встаю, меня мучает жажда, открываю холодильник и беру воду. Пью прямо из бутылки. Пенни движется и синее одеяло скользит на пол. Свернулась калачиком, действительно как кошка, в моей футболке на три размера больше её. В одном ухе висит серебряный крестик, падающий на шею. У неё красивый рот – пухлые губы персикового цвета. Пока наблюдаю за ней, на мгновение меня парализует видение – её губы на моей коже. Сразу встряхиваю себя, энергично поразмяв плечи и называя себя идиотом. Беру с

пола одеяло, накрываю им её и убегаю в кровать. Убегаю? Да, убегаю. Проклятие. Пенни и секс должны быть две, совершенно различные вещи.

Я больше не могу думать о чём-то подобном, даже в шутку.

К сожалению утром, после того как с таким трудом уснул, я вижу её перед собой когда проснулся. Она стоит ко мне спиной и переодевается, не замечая, что я наблюдаю. На мгновение, из моей футболки появляется её тело, полностью голое. Она менее худая, чем выглядит в одежде. Красивая спина, ровная и белая, словно сливки. Трусы в розовый горошек. Она поворачивается, чтобы взять свою одежду и показывает грудь, не понимая, что демонстрирует всё тому, кто притворяется спящим.

Я знаю, что в отношении некоторых вещей мой организм реагирует слишком сильно. Поэтому мгновенно, моя животная часть вырывается на свободу. Это настолько очевидно, что я вынужден отвернуться. Если она посмотрит на меня, то заметит холмик в промежности моих штанов. Окей, мужчина предрасположен к таким эффектам когда просыпается по утрам, но я предпочитаю держать их при себе.

Но проблема посерёзнее – в другом. Увидеть перед глазами обнажённую женщину, более красивой чем ожидалось и до одури возбудиться не является чем-то необычным.

Странная вещь происходит после того, когда она уходит. Потому что у меня появляется ужасное искушение мастурбировать думая о ней. Ни в коем случае, я не должен, не могу потакать этой хрени.

Так что я залез под ледяной душ, и стоял до тех пор, пока «парень» не рухнул, а я перестал думать о моём языке на её сосках, круглых и невинных.

Глава 9

Сразу после того, как бабушка узнала о поездке, она позвонила господину Дональдсону, проживающему на первом этаже и владеющему автомобилем. Мысль о своей маленькой Пенни, путешествующей в одном из тех грязных поездов, наполненных сквозняками, лишила бы её спокойного сна. Она представляла её маленькой девочкой, отправляющейся на школьную экскурсию со своими одноклассниками, которые бросали бумажные шариками и держали открытыми окна, рискуя упасть вниз. Но при этом, она была также убеждена, что Маркус хотел отвезти её для знакомства со своими родителями, прежде чем официально объявить о помолвке. В обоих случаях, автомобиль казался ей лучшей идеей.

Жаль только, что машина господина Дональдсона – старый «Бентли», небесно-голубого цвета, громоздкий и нелепый. Один из тех автомобилей, которые потребляют бензин, как испытывающие жажду верблюды, когда пьют воду, и не едут со скоростью больше пятидесяти миль в час. Когда Пенни увидела машину, она подумала о реакции Маркуса. Он, мягко говоря, остался бы в шоке.

И Маркус остался в шоке.

Было воскресное утро. Синьора Лебоски не работала в этот день и взяла на себя обязательство составить Барби компанию. Поскольку почти все пенсионеры, немного страдали от бессонницы и были лишены интересных развлечений, они массово прилипли к окнам, чтобы стать свидетелями при старте пресловутого автомобиля.

Маркус демонстрировал выражение убийцы. Он смотрел на Пенни с обещанием, что как только они выберутся из этого сборища зевак, он сорвёт с неё скальп.

— Как это пришло тебе в голову... — прошептал он сквозь стиснутые зубы.

— Это была не моя идея. Всё сделала бабушка.

— Даже одеть тебя так – тоже была идея твоей бабушки? — воскликнул он, косо глядя на неё.

Пенни пожала плечами, пробуя свести к минимуму его раздражённую реакцию. В глубине она осознавала его правоту и относительно машины, и относительно её одежды. Машина походила на неудобную кофеварку, а она оделась не вполне соответствующе для визита в тюрьму. Но в это утро, глядя на себя в зеркало, она не смогла надеть джинсы и толстовку, приготовленные накануне вечером и лежащие на стуле, рядом с кроватью. Фактически – она решила вырядиться. Не для Маркуса, по крайней мере, не напрямую. Она сделала это для Франчески, с грустью и наивностью, которые сразу не осознала. Пенни не хотела встречаться с ней – самой красивой женщиной в мире, если верить призме сердца Маркуса – и выглядеть неряшливой, уродливой и жалкой. Поэтому она надела единственное красивое платье в гардеробе её, абсолютно повседневной одежды, которое она приобрела давным-давно в секонд-хенде. Она купила это платье с намерением любоваться им, и представлять себя одетой в него неизвестно для какого случая. Маленькое платье из зелёного бархата, цвета бутылочного стекла, очень короткое и облегающее, безусловно, не подходящее и на половину к тому, что должно произойти в этот день. Её ноги украшали сапоги на высоких каблуках, в которых она двигалась неуверенными шагами, а сверху накинула кожаную куртку, насыщенного красного цвета. Она даже накрасилась. Пенни отправлялась вернуть надежду в скрывающую любовь – отнимая всякую надежду у себя самой – и не собиралась сделать это как провозглашённая неудачница.

Маркус, одетый в свои обычные джинсы, которые не могли свободно спадать, потому что их плотно фиксировали переплетения мышц, синий свитер и спортивную куртку, бросил поочередно взгляд на автомобиль, и на ее платье.

— Мы не идем на вечеринку в ночной клуб, — пробормотал он с видом того, кто смотрит на что-то очень отвратительное.

— Я так одета и такой останусь.

— К тому же, тебе придётся сесть за руль. Я не могу этого сделать, по крайней мере, ещё год. Если меня поймают, мне создадут кучу неприятностей.

— Я позабочусь об этом, в чём проблема-то?

— Когда ты сядешь за руль, твоя юбка будет доставать до пупка.

— Всё равно, ты же не смотришь на меня, не так ли? И потом ты привык к длинным ногам Франчески, мои не окажут на тебя никакого эффекта.

— На меня нет, но ты должна помнить, что многие из охранников, с которыми ты будешь иметь дело — мужчины со вкусом хуже моего.

— Какой ты добрый. В любом случае, кого это волнует, сегодня будет весело.

— Пенни, не выводи меня из себя больше, я уже на грани. Мы должны были выехать потихоньку, а тут весь дом машет нам из окон. Мы должны были сесть на поезд, а я оказываюсь перед трансатлантическим лайнером, который, по-моему, начнёт разваливаться через две мили. Ты должна была пройти незамеченной, а ты одета как блядь в стиле кубизма.

— Получай удовольствие от новой программы. Если ты хочешь отправиться на встречу с Франческой, мы делаем это на моих условиях.

— Знаешь, а ты сука больше, чем я ожидал?

— Это не моя вина в том, что ты сделал ошибочные выводы. Я всегда была сукой.

Пенни давно не водила машину, и в начале стиль её вождения представлял собой игру из рывков и внезапных отключений. Радио не работало, кондиционер не работал, задние окна плотно не закрывались, и двигатель издавал бесноватый грохот.

Маркус сидел рядом на пассажирском сидении, суровый и раздражённый. Глазами, горящими жестокостью, он уставился перед собой. И не произнёс ни одного слова на протяжении многих миль.

— Не то что бы это в новинку, — вдруг сказала Пенни, преследуя свои собственные мысли.

Маркус проигнорировал её. Он закурил сигарету, и дым улетучился через открытые окна.

— Не то, что бы это новость! — повторила Пенни громче.

— Твою мать, что ты хочешь? — внезапно воскликнул Маркус, издав подобие рычания.

— Я говорю, это не новость, что ты не разговариваешь со мной. Три дня как ты обращаешься со мной ужасно.

— Я вообще никаким образом с тобой не обращаюсь.

— Вот именно. Что я тебе сделала? Или, возможно, я осквернила твой диван? Ты обнаружил на нём лобковых вшей? Если да, то это были не мои. Ты больше не хочешь продолжить даже курс самообороны.

— Ты платишь мне только за то, чтобы охранять тебя ночью, и я не обязан говорить. Если ты хочешь продолжить уроки самообороны, то должна заплатить. Только первый урок был бесплатный.

— У меня больше нет ни доллара.

— Твои проблемы.

— Нет, действительно, что я тебе сделала? Если я тебя обидела каким-то образом...

— Мандавошка — это вот ты. Смотри на дорогу! Держись полосы, ну где ты научилась водить машину?

— Там где ты научился хорошим манерам.

— Можешь заткнуться на секунду? Сосредоточься на том, что ты должна сказать Франческе. Это единственное, что меня интересует. Остальное — просто дерьмо.

Пенни не отпустила комментарий. Сжала сильнее руль и почувствовала, как её сердце превратилось в маленькую пуговицу. Правда была в том, что последние три дня Маркус не разговаривал с ней. Когда ночью, он сопровождал её после работы, то молчал, словно ему отрезали язык или однозначно отвечал на все вопросы. Возможно, мысленно, он уже находился в будущем. Там, куда сбежал бы вместе с женщиной своего сердца. Он сопровождал её только из-за денег, в противном случае — торжественно послал бы куда подальше, в этом она была совершенно уверена. Сердце Пенни стало маленьким, подобно рисовому зернышку.

Они проехали пару часов, в основном в атмосфере угрюмого молчания и отчаянных раздумий, после чего двигатель начал кашлять. Бензин практически закончился, и пришлось остановиться на заправке.

— Я пойду пописать, а ты, тем временем, наполни бак, — сказала Маркусу Пенни.

— Стой, дура, я тебя провожу, — ответил он, ещё менее любезным тоном.

— Спасибо, в этом нет необходимости.

— А это ты на самом деле? Мы посреди орды самцов. Ты можешь сложить два плюс два и понять в чём дело?

Не то, чтобы он ошибался. Некоторые мужчины, потягивающие пиво у дверей бара, смотрели на неё с некоторым интересом или, вернее, смотрели с некоторым интересом на её зад, обтянутый коротеньkim платьем. Пенни почувствовала себя неуместно выставленной на показ, и в первый раз за время этой поездки подумала, что лучше бы ей поехать в джинсах. Маркус в резкой манере взял её за руку и пошёл впереди неё к туалетам.

— Писай и побыстрее, — сказал он.

— Уверена, что граф тебе не конкурент.

— Пенни, я не шучу, поторопись, я должен также проверить этот дерьмовый автомобиль и у меня только два глаза.

Она сделала то, что должна была сделать. На выходе заправили машину бензином.

— Я бы хотела бутылку воды, — сказала Пенни. — Или я прошу о многом?

— Я схожу, а ты садись в машину.

Она села на место водителя и видела, как Маркус входит в бар. Там была небольшая толпа, состоящая в основном из дальнобойщиков и праздно шатающихся мужчин.

В определенный момент, пока она ждала, кто-то начал постукивать двумя пальцами по стеклу. Пенни вздрогнула, заметив мужчину около тридцати лет, с уродскими волосами и внешним видом байкера из семидесятых. Она даже не успела понять, что он мог бы хотеть, как за спиной мужчины материализовался Маркус. В одной руке он держал

бутылку с водой, а другой сжимал затылок незнакомца, по крайней мере, на две головы ниже, оттягивая его назад.

— Свали, грязный ублюдок, — фамильярно обратился к нему с интонацией, настолько спокойной, что заставила бы дрожать лично Дракулу. Затем он отпустил его, и мужчина, первоначально решивший протестовать из-за такого обращения, увидев Маркуса, смотрящего на него глазами, в которых мерцал дьявольский огонь, пробормотал несколько слов извинения и улетучился.

Маркус сел в машину на пассажирское место и буквально швырнулся бутылку между сиденьями.

— Он не сделал ничего плохого, — возразила Пенни. — Может быть, он просто хотел узнать, который час.

Маркус проигнорировал этот комментарий.

— Итак, маленькая сучка, — в гневе он начал её ругать. — Я хочу добраться до тюрьмы. Мы опаздываем. Ты действуешь мне на нервы. Отныне и на будущее, если тебе приспичит, то ты будешь писать в трусы. Мы больше не делаем остановок, даже если ты должна родить камень преткновения. (Прим.пер.: Камень преткновения — крылатое выражение, обозначающее препятствие на пути к достижению какой-либо цели или решению какой-то задачи). И этот тип не хотел узнать время. У него из ширинки штанов торчал член.

Пенелопа вспыхнула бормоча:

— Я не... я не... я не поняла....

— Я тоже согласен с принципом, по которому женщина, если она хочет разгуливать с киской, выставленной наружу, должна иметь право — болтаться с киской выставленной напоказ, да так, чтобы её никто не тронул. Однако это работает лишь в идеальном мире. В нашем дерзком мире, она заканчивает с разведёнными ногами на обочине дороги через десять секунд. Меня не волнует, как ты одеваешься, думаю это ясно, но я хотел бы избежать неприятностей из-за того, что ты хочешь продемонстрировать свои красивые бедра.

Пенни кивнула, её замутило. Из всей этой нотации, её больше всего поразила фраза, очень похожая на комплимент, касающаяся её бёдер.

Как и предупреждал Маркус, Пенни обыскали. Женщина-полицейский быстро и бесцеремонно её ощупала, заставила снять куртку, которую, в свою очередь, также обыскали. Пришлось оставить документы, и объяснить с какой именно заключённой она собиралась встретиться и причину визита.

Она представляла себе, что её заведут в безличную переговорную, в такую, где два человека общаются между собой через стеклянную стенку с помощью телефонных трубок для внутренней связи. Но она оказалась внутри обычной комнаты, полной столов, разбросанных тут и там, за которыми сидели другие многочисленные посетители. В основной части это были мужья, матери, сестры и чьи-то маленькие дети. Сквозь узкое окно в комнату проникал дневной свет. На столах стояли бутылки с водой и пластиковые стаканчики.

Пенни уселась поудобнее и стала ждать. Она была напугана. Ей не терпелось встретиться с Франческой и в то же самое время, изнутри, её сжигало лихорадочное желание — встать и уйти. Но она дала обещание, и чего бы ей это не стоило, она дорожила данным обязательством и не собираясь нарушить своё слово.

Вошли первые заключенные, и она увидела обятия и улыбки, а так же как один маленький ребенок сжимал ноги своей матери и плакал. По залу начал распространяться гул, как в школе во время перерыва.

Она ожидала увидеть атмосферу более воинственную и печальную, а вместо этого, все эти люди болтали между собой в обычной манере, даже смеялись, делились рассказами о школьных успехах детей или какую неразбериху устроил их приурок сосед. Казалось что ни одна из заключённых, одетых в оранжевые рубашки с надписью на пуговицах «СОБСТВЕННОСТЬ ШТАТА КОННЕКТИКУТ», никогда не совершила ничего более серьёзного, чем пинок ногой по банке.

Пенни посмотрела на свои часы, потом в окно и ещё раз проверила время. Наконец посмотрела на входную дверь зала, и узнала её.

Франческа.

Она сразу же поняла, почему Маркус был очарован ею, — из-за излучаемой энергетики. Это была первая реакция, мгновенная догадка.

В облике Франчески было что-то гипнотическое, то, как она смотрела на других людей, в её походке и в решительном жесте, с которым она заправила прядь волос за ухо. Она являлась не просто красавицей, её красота была дикой, страстной, понятной для всех имеющих глаза, чтобы видеть. Она была как породистая лошадь. Как сирена во всеоружии. Это был Маркус в облике женщины: высокая, крепкая, с накаченными мышцами, но одновременно с этим — ошеломляюще женственная и фатальная. Из числа тех красавиц, ради которых мужчины убивают и совершают самоубийства.

Её волосы были немного короче, чем на фото и падали на шею мягкими волнами. Ни одной тюрьме не удалось лишить их красивого, блестящего чёрного цвета. Смуглолицая, с глазами такими большими, словно две четко очерченные миндалины, тёмного цвета и вкраплениями полосок золота в радужке. Из-под рукавов оранжевой рубашки просматривались племенные татуировки, похожие на тату Маркуса.

Пенни хорошо рассмотрела её, и почувствовала как собственное сердце скользит на пол и умирает в луже слёз.

Франческа посмотрела на неё и расположилась за столом, сев на стул напротив.

— Мы знакомы? — спросила она, не слишком заинтересованным тоном, в котором звучал лёгкий латиноамериканский акцент.

— Мы нет, но... я подруга Маркуса, — ответила Пенни. Она чувствовала себя такой хрупкой, словно птица без крыльев и перьев.

Франческа подняла одну бровь.

— Маркус не заводит подруг, — заметила она, сделав на этом ударение, и внимательно осмотрела Пенелопу, в буквальном смысле с головы до пят.

— Теперь да, — ответила Пенни.

В дальнем конце зала женщина задула свечу на торте по случаю дня рождения. Кто-то аплодировал, приглашая её открыть пакет, украшенный большим желтым бантом. Кто-то другой визгливо засмеялся. Мужчина что-то рассказывал искренним тоном своей жене.

Пенни пришлось выдержать свирепый взгляд. Она объяснила, что живёт в одном с Маркусом доме, что они стали друзьями, и она пришла сюда, чтобы передать ей от него сообщение. Она промолчала, что опасалась любить его, что мечтала о нём все ночи, что просто прикоснувшись к нему, случайно или по ошибке, или сделав вид, что это случилось случайно или по ошибке, чувствовала в груди горячий костёр. Не сказала, что находится здесь и безнаказанно притворяться послом, было наказанием для её души.

Франческа несколько мгновений сохраняла молчание. Не улыбалась и, казалось, даже не дышала. Она посмотрела в сторону окна выходящего во внутренний двор залитый солнцем.

И, наконец, возвращаясь взглядом к ней, сказала фразу, которую Пенни не ожидала услышать:

— Мне жаль тебя, детка.

— Тебе жаль?

— Мне жаль тебя из-за двух вещей: если ты влюблена в него и не нравишься ему, то жаль, потому что будешь чувствовать себя, как будто кто-то переломал твои ноги. Но если ты нравишься ему, как только я выйду отсюда, то твои ноги переломаю я. У тебя нет большой альтернативы.

— Я ему не нравлюсь, ты можешь быть спокойна, — пробормотала Пенни и на мгновение ощутила дрожь. Между этими двумя прогнозами, тот, что вызывал больший страх и являлся более реалистичным — был первый вариант.

— Ты трахаешься с ним? — напрямую выстрелила Франческа

— Нет!

— Если ты трахаешься с ним и на этом всё, то мне плевать. Развлекайтесь до тех пор пока я здесь закрыта, но после, забудь о нём, — говоря это, она протянула в её сторону руку и стиснула её. Пальцы Пенни заныли от крепкой хватки. В то же самое время, она заметила кое-что на запястье Франчески. Чуть ниже ладони, с внутренней стороны, прослеживался шрам, длиной пять или шесть сантиметров, немного с зазубринами. Безусловно — старая рана. Конкретный след от пореза, нанесенного лезвием бритвы. Теперь он был розовым, словно перламутр. И хотя Франческа не выглядела старше двадцати пяти лет, для того, чтобы быть настолько мало заметным, он должен быть нанесён очень давно, когда она была совсем маленькая. Пенни парализовала мысль о маленькой девочке, которая пытается покончить жизнь самоубийством.

Франческа заметила этот интерес и убрала прочь руки, пряча их вдоль своих бедер. Этот жест, этот стыд, со стороны осужденной, покрытой татуировками и явно говорившей угрозы, вызвал в душе Пенни неожиданную нежность.

— Маркус всегда думает о тебе, — искренним тоном призналась она Франческе.

— А ты откуда знаешь? Ты что — его духовник?

— Нет, просто иногда мы говорим...

— Разговариваете?

— Да.

— И о чём?

— У меня нет списка всех тем наших бесед. Я пришла, чтобы ты знала — он не пишет тебе только из-за того, чтобы не создавать проблемы со стороны господина Малковича, его инспектора. Но ждёт не дождётся, когда ты выйдешь, и вы сможете вместе уехать.

— И обо всем этом он тебе рассказывает?

— Почему тебе это кажется таким странным?

— Мы никому не доверяем.

— А теперь вы доверяете мне.

— Я даже не знаю, кто ты.

Пенни улыбнулась и представилась, с шутливо формальным тоном:

— Привет, меня зовут Пенелопа, мне двадцать два года, я люблю читать и я боюсь темноты. Я и Маркус, мы встретились случайно. Нам случается поболтать, но мы не

трахаемся. Если хочешь, напиши мне, а я передам ему твои письма, и тебе отправлю его письма с моего адреса. Вот это мой адрес. Доверяй мне, если хочешь, но если не хочешь – не могу тебя заставить.

— Зачем ты это делаешь?

— Ты и Маркус, вы так похожи. Он также, не перестаёт засыпать меня вопросами, почему я делаю то и это. Без причины, просто так. Человек не может быть любезным, не скрывая грязного мотива?

— Нет. Тот, кто любезен просто хочет тебя трахнуть.

— Не я.

— Ты можешь поиметь меня больше, чем другие.

— Каким образом?

— Твоё лицо, как у грёбанного ангела.

— Я не ангел.

— Бьюсь об заклад, что ты девственница.

— Это исключительно мое дело, и в любом случае данный факт не сделал бы из меня ангела. Хочешь, я передам ему что-то от тебя?

— Передай ему, что когда я выйду отсюда, то высосу его до последней капли.

Пенни покраснела, и немного поерзала на стуле от смущения. Охранник вошёл в зал и сообщил, что время визита закончилось. Франческа бросила на Пенни взгляд, одновременно ироничный и бешеный.

— Даже не пытайся забрать моего мужчину, — приказала ей прежде чем встать. Затем ушла прочь, красавица и стерва, такая, какой она и пришла.

Маркус ждал Пенни неподалеку от тюрьмы, опираясь на «Бентли», который казался большой голубой ванной. Он был возбужден словно ребёнок. Выкурил около миллиарда сигарет, которые лежали потушеными у его ног как карнавальное конфетти из окурков. Как только увидел, что Пенни возвращается, он допросил её своим взглядом – его глаза горели с выражением мучительной страсти. Пенни рассказала почти всё, что произошло внутри. Умолчала лишь финальное сообщение, касающее сосания его члена.

Сразу после рассказа Пенни погрузилась в гробовую тишину. Она чувствовала себя несчастной, таким несчастьем, которое приходит внезапно, без видимой причины и сжимает сердце в тиски. Она ревновала к Франческе. Вероятно, также и Франческа ревновала к ней Маркуса, но не потому, что всерьёз боялась, что может быть брошена. Ни один мужчина в здравом уме не предпочёл бы маленькую Пенни, с волосами как у старой куклы и глупыми теориями о любви, женщине, которая испускала запах женственности на каждом шагу. Франческа просто чувствовала себя оскорблённой от того что Маркус немного доверился именно Пенни. Что он разрешил ей войти в узкую и обречённую закрыться в ближайшее время дверь его жизни а, соответственно, и в их совместную жизнь. Вероятно, инстинктивно, как собака писает, чтобы пометить путь, она хотела дать ей понять, что Маркус находится на её территории.

И он действительно был там. Этих двоих объединяла неразрывная связь, а сеть, которая их окутывала, не имела слабых петель.

В обратный путь отправились в спешке. Всю вторую половину дня они колесили длинными улицами по сельской местности. Листья деревьев были кроваво-красного цвета и Пенни вновь задалась конкретным вопросом: была ли у Франчески татуировка с пронзённым сердцем, как у Маркуса. Она была уверена, что да. Представляла их в то

время, когда они вместе их набивали, словно дети, которые повреждают кору деревьев, чтобы оставить слова любви.

Ни с того ни с сего, Маркус положил руку на её плечо, заставляя вздрогнуть.

— Могу я узнать, что с тобой случилось? — спросил он, между двумя затяжками.

— Если я много говорю — ты говоришь мне заткнуться. Если я молчу, то ты спрашиваешь меня с чего бы это. Ты вечно недоволен, — раздраженно ответила ему.

— Франческа выбила тебя из колеи какой-то шуткой? Это на неё похоже.

— Нет, как тебе такое только в голову пришло?

— Ей нравится провоцировать, — заметил он, словно гордился этой особенностью.

— Сказать по правде, я раздумывала о своих проблемах, не всё же время мне думать о тебе и твоей красавице.

— Ты голодна?

— Э?

— Сейчас два часа. Ты голодна? — повторил вопрос Маркус.

— Немного, но мы в какой-то глупши, а я не симпатизирую охоте.

— Я думал, съесть бутерброд.

— Спасибо, но я не хочу вновь оказаться на заправке, где тусуются типы с торчащими из штанов членами. И не думаю, что найдём другую. Последнюю мы проехали давненько.

— Пока ты была внутри, я заглянул в багажник. Твоя бабушка наполнила его едой. Она думала, что мы много времени проведём в пути?

— Лучше не полагаться на эту еду. Моя бабушка настоящее сокровище, но не уверена что всё это съедобно.

— Может посмотрим и найдем что-нибудь съедобное? Я голоден, а когда я голодный, то не могу нормально соображать.

«Ты хочешь съесть меня?»

— Ладно, посмотрим, что она приготовила.

Они остановились на широкой поляне, покрытой сухими листьями. Виды Коннектикута могли быть прекрасными для души, готовой ими восхищаться. Но Пенни, которая обычно очень любила затеряться в природе, упиваясь красотой каждого предмета, несозданного человеком, в этот момент не имела желания и не пыталась обратить внимание на небольшой склон, усеянный сухими деревьями, который спускался в сторону реки.

На капоте автомобиля на самом деле стояла полная еды сумка. Сразу исключили печенье, пахнущее хлоркой. Мысль попробовать непонятное пирожное или торт вызывала глубочайший страх. К счастью, хлеб был нормальным хлебом, и сыр не походил на мыло. Несомненно, яблоки также были съедобные.

— Ну, по крайней мере, мы не умрем от голода. Только мне нужно пописать.

— Ты как сломанный кран и вызываешь у меня смех.

— Когда ты состаришься, и у тебя будут проблемы с простатой, смеяться буду я.

— Я не состарюсь.

— Ты навсегда останешься молодым?

— Я умру раньше.

Пенни закусила губу, думая, что да, возможно это правда. Возможно, он и Франческа не доживут до тридцати лет.

— Я провожу тебя.

— Какой джентльмен, но нет, в этот раз нет такой необходимости. В худшем случае я встречу какого-нибудь енота, но исключаю, что у него появятся развратные намерения.

Она отошла подальше и пописала. И вдруг, неожиданно после этого, её чувства обострились, и она услышала шум реки, протекающей всего в нескольких метрах. Пенни прошла вдоль склона и остановилась в шаге от воды, бежавшей быстро и завораживающе. На некотором расстоянии русло реки расширялось. Два её противоположных берега были соединены живописным железным мостом, красного цвета как сердце на татуировке Маркуса. Она упала задницей на ковер из хрустящих осенних листьев, размысливая о том, как бы ей хотелось жить в таком месте, среди природы и животных. Просыпаться по утрам, когда солнце ещё лениво светит. Разводить огород и собирать плоды. Поить животных, свободно пасущихся на огромном поле. Рубить дрова и наблюдать за их мерцанием в каменном камине. Часами гулять среди зелени, не видя ничего другого. Пить свежевыпавшие снежинки. Расчесывать длинные волосы Барби, пока она держит на руках рыжего кота. Любить кого-то под одеялом, в то время как снаружи ветер ударяет по ставням. Мечты, маленькие и большие.

— Пенни, — голос Маркуса вернул её к реальности. Он спускался вдоль склона и смотрел на неё с озадаченным видом. — Что тытворишь? Исчезаешь?

— Я не исчезла, я здесь.

— Ты напугала меня, не вернувшись.

— Ты испугался из-за меня?

Маркус на мгновение помрачнел и затем ответил издевательским тоном:

— Если ты умрешь, то кто мне будет платить пятьдесят долларов в неделю?

— А что ещё важнее — кто получит письма от Франчески?

— Да, это самое главное.

— Как здорово быть важными для кого-то. Пошли, давай поедим.

Он помог ей подняться. Они вернулись к машине и перекусили бутербродами и фруктами. Попили холодную воду из ручья. Также Маркус сделал пи-пи, но не пошёл за дерево, просто повернулся спиной и сделал всё под носом у Пенни.

Затем, уже на закате, они сели в автомобиль, чтобы продолжить свой путь.

Но мотор оставался мёртвым. Ключ поворачивался в зажигании, но никакой шум не нарушал тишину леса.

Пенни и Маркус переглянулись, прежде чем ночь поглотила всё на свете.

Дорога не была освещена, а Маркус не взял с собой фонарик, и автомобиль походил на мертвого динозавра. Мобильные телефоны не ловили сигнал и даже если бы связь являлась доступной, кому они могли позвонить? Случись это днём, они спокойно могли бы вернуться пешком к последней, встреченной на пути заправке, которую они проехали миль десять тому назад. Но ночью идти пешком было опасно, вернее всё равно, что совершить самоубийство.

— И что же нам теперь делать? — спросила Пенни с тоном, не похожим на её обычный, отражающим постоянное стремление казаться смелой.

Голос Маркуса ответил из темноты:

— Ничего. Переночуем здесь.

— Мы спим здесь?

— У нас нет особого выбора.

— Но холодно и, бог знает, кого носит в этих краях!

— Не ты ли сказала, что водятся только еноты?

— Маркус, у меня есть некоторые проблемы с темнотой, — сказала Пенни тоненьким голоском, почти в ужасе. — Особенно, когда темнота такая кромешная.

Неожиданно он взял её за руку. В темноте, Пенни охватил внезапный жар, тяжёлый и одуряющий, а её сердце сделало сальто словно эквилибрист.

— Не кромешная. Посмотри на вверх.

Пенни подняла лицо и посмотрела на небо. Луны не было, но звезды усеивали небо как далёкие крошечные глаза. Внезапно, словно кто-то зажёг миллион свечей на день рождения, она перестала бояться. Её дыхание немного замедлилось, а тревога стала более лёгкой.

— Пойдём назад, — сказал Маркус. — Там больше места.

В этот момент, улетучился страх темноты и другой страх начал свой путь в мыслях Пенни. Они будут спать вместе на заднем сиденье автомобиля? На тех же сиденьях, где поколения молодых людей, вероятно, даже господин Дональдсон в своей юности, дарили любовь и ласку? Это осознание скрутило ей кишечник, и лихорадка, от которой она страдала последние двадцать дней, с момента, когда Маркус взял в аренду этот чёртов чердак, заглянула в интимный и секретный угол.

Вместе они переместились на заднее сиденье. К счастью, автомобиль был огромный, словно танцпол на колесах. Заднее сиденье было большое как кровать. Незадолго до этого Пенни проклинала темноту, но сейчас была ей благодарна, в противном случае Маркус увидел бы, насколько она покраснела.

Когда Маркус снял свитер, шелест шерсти показался в тишине салона почти оглушительным. Пенни спросила, что он делает.

— Одень его, ты практически голая, — сказал он.

Она не заставила его повторять много раз. Прозрачные колготки и холодные кожаные сапоги не могли достаточно её согреть. По правде говоря, чтобы согреться не достаточно было и свитера Маркуса, даже если он и доходил до колен.

— Сейчас мы поступим так, — продолжал он. — Я лягу, а ты залезешь на меня

— Правда?

— Ты хочешь умереть от обморожения?

«Нет, но я также не хочу умереть от разрыва сердца».

— Конечно, нет.

— Тогда ложись вместе со мной.

— Однако ты не распускай руки.

«Не веди себя хорошо, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!»

— Перестань говорить ерунду, — прикрикнул он, раздражённым тоном.

Короче говоря, они оказались обнимающимися на заднем сиденье старого «Бентли». Ноги Маркуса были слишком длинными, и ему пришлось согнуть их. Пенни нашла странное и удобное положение, расположившись в щели между его телом и спинкой сиденья. Касаясь его, прилипнув к его торсу, она испытала своего рода опьянение, как если бы выпила один из своих самых мощных коктейлей, что готовила ночью и никогда не пила. Как она себе и представляла, его грудь казалась высеченной из скалы. Он был твёрдый, просторный и теплый. Она попыталась заснуть, но это было непросто. В самом деле — практически невозможно. Как она могла оказаться в объятиях Морфея, пока лежала, свернувшись калачиком в объятиях Маркуса? Как она могла спать, слыша биение собственного сердца в ушах, быстро, быстро, быстро, истерично, подобно крику сумасшедшего? Она даже боялась, что он может почувствовать её сердцебиение и начнёт насмехаться над ней, над её эмоциями, её щеками, покрасневшими от желания. Она

собиралась что-нибудь сказать, что угодно, лишь бы заглушить тот грохот, казавшийся оглушительнее бас-барабана, когда внезапно Маркус спросил:

— Почему ты так боишься темноты? — его голос прозвучал возле уха.

Пробежавшая дрожь подняла дыбом её волосы на затылке.

— Возможно, из-за аварии.

— Что за авария?

— Той, в которой погибли мои родители.

— Я не знал, что...

— Как ты мог узнать? В любом случае, это произошло очень давно. Мне было пять лет, мы часто путешествовали в кемпере. Однажды мы вылетели с дороги по вине нарушителя, который затем исчез. Мои родители погибли на месте. Я осталась похороненной под кучей металла на много часов, пока меня не нашли. Только представь — я даже не помню всего этого, но у меня остался ужасный страх перед темнотой.

— Твою мать.

— Э, да, на этот раз так оно и есть.

— Тебе холодно?

— Нет, теперь нет.

«Парень, мне слишком горячо».

— Спасибо, Маркус.

— За что спасибо? — выпалил он.

— Я не знаю. Думаю за всё.

— Ты что бредишь? Пенни, ты очень странная.

— Когда ты будешь уходить, придёшь попрощаться?

— Я так не думаю. Однажды ты меня больше не увидишь и *бай-бай*.

— И что я буду без тебя делать? — неожиданно для самой себя спросила она.

— Найди достойного мужчину, хорошо трахайся, и ты увидишь, как пройдёт ностальгия.

Пенни задумалась на секунду.

— Мне кажется, что так я и сделаю.

— Вот так, умница.

— Ты не спиши?

— В лесу?

— Тогда признай, ты боишься енотов.

— Нет, я опасаюсь засады мудаков. Вероятно, ничего не случится, но лучше быть осторожным.

— Кажется, ты всегда в состоянии войны.

— *Я всегда* в состоянии войны.

— Это понятно даже по твоим татуировкам. Мне очень нравятся.

— Я знаю.

— Как ты узнал?

— Они нравятся всем. Ещё не встречалась ни одна, которая не сказала бы мне про это. А потом мне делают такой минет, что закачаешься.

— Ты *делаешь* это специально, да? Ты хочешь поставить меня в неловкое положение, чтобы наказать из-за чего то, о чём я не догадываюсь и не понимаю.

— Это истинная правда. Лучшие минеты в своей жизни, я получил от девчонок, что вначале оценили мои татуировки.

— Не в моём случае.

— И тогда прекрати или условный рефлекс возбудит меня.

— Ты больной.

— Я мужчина с полуголой цыпочкой, практически запрыгнувшей на меня. Твоя грудь мне давит на плечо, а в руке я держу твою задницу. Нет необходимости, чтобы ты была, бог знает какой горячей штучкой, чтобы спровоцировать мои мысли. Такое происходит с телом, даже если голове безразлично.

— Я имею в виду, думаешь только...

— Я бы так не сказал. Если бы я думал только *этим*, мы бы не разговаривали. Ты лежала бы подо мной обнаженная. Вместо этого я здесь, выслушиваю твой бред, так что я думаю головой, и ещё как.

Пенни больше ничего не сказала. Подводя всему итог, ей льстило открытие что она не осталась незамеченной. Её мучило, что его голове было наплевать. Что тело и разум, идут по двум дорогам, лежащим далеко друг от друга. Вот, пожалуйста, Маркус был готов трахнуть её, но без участия в банкете его мыслей и сердца, пронзённого терновым венцом. Она была одной из многих, и было хорошо понять это прежде, чем причинить себе серьёзную боль. Она видела Франческу, не так ли? Невозможно соревноваться с ней. Она должна найти решение как выйти из этой глубокой передряги.

На следующее утро, машина чудесным образом завелась. Казалось, что она сделала это специально, подобно старой сводне. Они вскочили на рассвете, руками напились из ручья и отправились в путь. Воздух был морозный, а цвета приглушенными. Но по мере того как всходило солнце, листья переставали казаться мрамором и вновь становились похожими на сгустки капелек крови.

Они не говорили на продолжении всей поездки, как будто их разделял какой-то секрет. У каждого были свои. Когда они прибыли к дому, Маркус попрощался с ней на лестнице, даже не глядя.

— Только убедись, что не придушишь меня всеми этими «спасибо»! — сказала она его спине, удаляющейся от неё. Он не повернулся, поднял руку, показывая средний палец, и исчез из поля её зрения.

Глава 10

Маркус

Не понимаю, Пенни наивная или глупая. Как только вижу её в этом наряде, мне хочется материться. Я удерживаюсь лишь потому, что вокруг стоят пенсионеры, и потому что поклялся самому себе, обращать на неё как можно меньше внимания. Я едва перекинулся с ней парой слов после того как обнаружил, что интимные части моего тела с удовольствием бы трахнули её, хотя повторяю и повторяю самому себе, не обращать на неё внимания. Чем меньше говорю, тем меньше испытываю стресс. Когда она разговаривает со мной, я смотрю на её рот, и тут же растекается море непристойных мыслей. Не перестаю повторять самому себе: я не хочу трахнуть Пенни, я не хочу трахнуть Пенни. Вместо этого я хочу её трахнуть и ещё как.

Эти мысли что-то странное и необычное для меня и, как правило, я не раздумываю так много – женщина мне нравиться и я её трахаю или напротив не обращаю внимания и прошай.

На этот раз я не перестаю думать о том, чтобы сделать это с ней, даже если этого я и не сделаю. И мне неясно, почему я этого не делаю. Я имею в виду, что требуется? Но самое главное, что со мной происходит? Я видел голых женщин и даже более красивых, чем она. Почему тогда, воспоминание о девушке, увиденной в течение трёх минут, когда она переодевалась без какой-либо чувственности и в полном неведении что за ней следят, приводит меня в состояние постоянного возбуждения?

Что это значит? Мне достаточно просто подумать о её спине, о её тонком позвоночнике, чтобы чувствовать тесное пространство в штанах, занятое безудержной эрекцией?

Будь у меня лишнее время, я бы обратился к врачу, ведь никогда не знаешь, если вдруг подхватил какую-то загадочную болезнь, но у меня нет свободной минуты. Таким образом: меньше фамильярности и держись от меня подальше.

Конечно, я хотел бы задушить её за то, как она одета. Не только из-за эффекта оказываемого на меня, но и потому что я беспокоюсь, что тот же самый эффект она может произвести и на других. Я понимаю, что в некотором смысле она находится под моей ответственностью, и если кто-то переусердствует, то мне придётся вмешаться, чего я хотел бы избежать. Дурочка не понимает, что сделана из плоти и имеет ноги, которые не остаются незамеченным, особенно, если их выставляешь на обозрение из-под юбки, едва прикрывающей задницу. Повторяю: она наивная, глупая или просто маленькая провоцирующая шлюха?

Абсолютно уверен, что тип с расстегнутой ширинкой, подглядывающий за ней через окно автомобиля, наполовину обкуренный, наполовину пьяный, и кто знает что ещё, и мне хочется надрать ему задницу. Но я сдерживаюсь. Я должен успокоиться, я должен успокоиться. Я должен думать о Франческе и необходимости добраться до неё в ближайшее время. Как я всегда повторяю – все остальное дермо.

Когда Пенни выходит из ворот тюрьмы – она бледная как смерть. Движется шатаясь, кажется словно маленькая девочка одела высокие каблуки своей матери. Я должен подавить абсурдный импульс поддержать её.

Она рассказывает мне о встрече с Франческой, и её голос звучит тускло и бесцветно. Затем она погружается в молчание, как будто её батарейки разрядились. Я должен быть счастлив, но это не так. Мне очень интересно, что с ней случилось. Но она не отвечает, увиливает от ответа и относится ко мне как к незнакомцу. Ладно, я чужой, но имею право знать, если Франческа вытащила свои мечи. Я должен знать всё о Франческе, и у меня ощущение, что Пенни от меня что-то скрывает.

Курю как проклятый и спрашиваю, не голодна ли она. Едим. Пьём. Писаем. Молчим большую часть времени. Затем машина решает умереть и всё рушиться.

Мы вынуждены спать в машине. Темнота настолько плотная, что её можно разрезать. Обнаруживаю что Пенни в ужасе от этого, она тяжело дышит, как в первый раз, когда я встретил её на лестнице. Не понимаю, почему продолжаю чувствовать ответственность за неё. Я стараюсь утешить её по-своему. Когда смотришь на звезды, ты не можешь бояться.

Худшее происходит, когда мы располагаемся на заднем сидении. Может быть, лучше было разделиться, но она так замёрзла, что ей грозит обморожение. Проблема в том, что обнимать её, чувствовать так близко к моему телу, ощущать её запах, возвращает мое тело к объявлению войны здравому смыслу. Наполняю её грубыми и насмешливыми словами, словно подонок. Правда состоит в том, что я хотел бы наполнить её другим способом. Как только я вернусь, то должен срочно найти какую-нибудь цыпочку, которая мне даст. Бесполезно хорошо себя вести, если потом я должен взорваться. Я уверен, что, если выплесну накопленное напряжение, то это безумие пройдет. А пока что я должен провести ночь. Я должен приказать своему телу не делать то, что хотелось бы сделать. Должен приказать своим мыслям прекратить представлять Пенни. Её, такую сладкую идишую, совершенно голую за исключением сапог на высоких каблуках и широко открытую для меня на этом сиденье.

Не могу дождаться рассвета, чтобы попытаться завести эту дермовую машину и вернуться домой, написать Франческе, ждать от неё ответа и вернуться к прежней жизни, в которой все имело обычную логику.

Оставляю её на лестнице, даже не поблагодарив. В конце концов – предложила она, я не просил её ни о чём. Дома я раздеваюсь и иду в душ. Несмотря на холодную воду и хорошие намерения, я безнадёжно возбужден. Одной рукой опираясь на кафельные стены и под хлещущей на меня водой, я самостоятельно освобождаюсь. Это в последний раз, когда делаю что-то подобное. Думаю об этой девушке в подобном плане – представляю её под этой же водой, с приоткрытыми губами и стоном в горле. Завтра – нет, сегодня вечером – начну трахаться с кем попало. Если умеренность должна привести к таким результатам, я предпочитаю перепихнуться по полной. Уверен, что даже Франческа одобрила бы мое решение.

Глава 11

С момента появления Гранта в библиотеке, Пенни стала ещё более осторожной. Если она должна была пойти и поставить книги на место или взять их с полки, расположенной в закрытой зоне, она делала это с бьющимся как у кролика сердцем, от страха, что внезапно материализуется её худший кошмар. Однажды, во второй половине дня, когда она стояла на верхней ступеньке лестницы и услышала звучащий внизу голос, то от испуга чуть не упала.

Медленно спустилась вниз, таща за собой тяжёлый том, готовая при необходимости бросить его в лицо, но она поняла, что это не Грант, и даже не мужчина. Это была девушка, которая улыбалась ей, и Пенни спросила себя, где она уже её видела. Девушка была высокой, очень худой, со стрижкой, сделанной по последней моде и зубами, явно исправленными керамическими коронками. Слишком белые и совершенные, чтобы быть настоящими.

— Пенелопа Миллер, ты меня не помнишь? — спросила она, пожимая руку.

Память Пенни разложила в её голове всё по полочкам, показывая вспышками воспоминания некоторых деталей из прошлого: шестнадцать лет, школа, гнев на бабушку, потому что та настояла на переводе в школу, удалённую от их района. Дорогостоящая школа, которая высушила до последнего все их сбережения, очень хорошая, но полная мудаков-расистов.

— Ребекка Дей? — воскликнула она, чуть не поддавшись соблазну спросить у неё, где она оставила свою другую половину, учитывая что та весила плюс – минус килограмм сорок. Пенелопа не выглядела гигантом, но её бывшая одноклассница производила впечатление человека, который не ест уже несколько месяцев. Первая мысль возникшая у Пенни была, что возможно, она больна, но эта улыбка, это платье, стоящее шесть её зарплат, и триумфальное выражение на лице, говорили ей о том, что Ребекка являлась всего лишь очередной восходящей моделью, страдающей анорексией. Оставалось понять, что она забыла в их захудалом районе, поскольку было видно, что она жила в привилегированных районах города.

— Это правда, я! Мы искали тебя.

— Ты, и кто меня искал? И почему?

Из-за стеллажа выскоцил совершенно новый персонаж. На этот раз Пенни узнала его сразу. Игорь, ещё один одноклассник и первый парень в которого она была влюблена. Он выглядел всё также – очень милый, с белокурыми локонами и зелёными глазами болотного оттенка. Не то, что бы между ними никогда не было никакой истории: она ограничивалась мечтами о нём и записывала свои приторные мысли, розовые до мозга костей, и надеялась на призрачный шанс, что когда они вырастут, то поженятся. Всё это она доверяла нелепому дневнику с обложкой цвета своих романтических надежд. Они не поженились, и вообще едва разговаривали, а после окончания школы потеряли друг друга из виду. Тогда какого чёрта он здесь делал?

— Мы были у тебя дома, и твоя бабушка сказала, где ты работаешь, — объясняла ей Ребекка, заправляя за ухо волосы заученным жестом. Её маникюр выглядел идеально, на каждом ноготке виднелись стразы разного цвета. Кожа на её руках была типичной для тех, кто никогда за всю свою жизнь не выполнял ручную работу, за исключением нанесения ароматного крема.

На мгновение Пенелопа почувствовала себя перенесённой в прошлое при помощи какой-то жестокой силы. Вернулась девочка: одинокая, униженная, агрессивная как Кэрри из книги Стивена Кинга, но без сверхъестественных сил, благодаря которым могла бы

обороняться от стаи уродов. Она всё равно защищалась, но не так как ей хотелось бы. Неровня вся с землей при помощи огня.

Однако это гнетущее чувство возникло ненадолго. Почти сразу же вернулась новая Пенни, та, которой было наплевать, та, кто говорила то что думала, и не позволяла никому ходить по своей голове.

— Вам нужна книга? — спросила она, глядя сверху вниз, как они смотрели на неё тогда, и как пытаются сделать сейчас. Только теперь они больше не ранили её. Игорь сохранился лучше, чем Ребекка: двадцатитрёхлетний, довольно высокий, поскольку понятие высоты у Пенни видоизменилось после встречи с Маркусом. Раньше бы она сказала, что парень, ростом метр восемьдесят был очень высокий, сейчас же казался только приемлемым. Он носил твидовый пиджак и простые джинсы, небольшую бородку и крохотную серёжку в мочке уха.

— Нам нужна ты, — ответил Игорь, заговорив в первый раз.

Пенни наблюдала за ними, теряя терпение.

— Вы скажете мне — в чём дело, или мы играем в загадки?

Ребекка снова улыбнулась и Пенни услышала скрип, словно поворачивались латунные ручки, которые растягивали эти пухлые щёки, вынужденные имитировать ложное дружелюбие.

— Мы организуем встречу выпускников, — сообщила она.

— Мы стараемся связаться со всеми с нашего выпуска. Будет очень весело! Узнать какими мы стали, каких успехов достигли... — добавила она, с явным намерением показать, прежде всего, свои собственные достижения и посмеяться над неудачами других. — Например, — продолжила она, — я выхожу замуж! Мой жених — бизнесмен.

Ребекка протянула руку в жесте, типичном для будущей невесты, которая трепетно показывает миру кольцо, надеясь вызвать зависть и гастрит. Пенни увидела бриллиант размером с орех, в окружении более маленьких бриллиантов и всё вместе смотрелось так абсурдно, словно нарыв на её костякном безымянном пальце.

— Поздравляю, — сказала она крайне наплевательски.

В этот момент она заметила, что за спиной Ребекки, Игорь, прищурил один глаз и делал странный жест, как будто хотел засунуть в рот два пальца, чтобы его вырвало. Пенни инстинктивно улыбнулась, а Ребекка подумала, что эта улыбка предназначалась для неё.

— Ну что, придёшь? — спросила её.

— Э-э... когда это будет?

— В следующую субботу, в доме моего жениха. Он предоставил для нас свой особняк!

«Таким образом, мы все реально сможем понять какой он богатый».

— Гм... я должна подумать, смогу ли я. В субботу работаю.

— Дай мне знать, это мой номер мобильного телефона. Если ты придешь, то будешь с кем-нибудь?

— С кем-нибудь? В каком смысле?

Игорь фыркнул, раздував щеки.

— Она хочет знать, если ты без пары, словно носок с дыркой на большом пальце или у тебя есть некое подобие бойфренда.

— Но нет, ты что! — возразила Ребекка писклявым голоском. — Девушка вовсе не должна обязательно быть невестой! И потом, насколько я помню, мальчишки тебе никогда сильно не нравились, в школе ты ни с кем не дружила. Не волнуйся, даже если ты одна, то

всё в порядке, — её искусственно беспечный тон, выражал чувство жалкого понимания и тайный триумф.

— Я не одна, — сказала Пенелопа, даже не задумываясь, прежде чем сорвать.

— Ах, нет? Ты помолвлена?

— Да, я помолвлена.

— О, хорошо, значит приводи и его.

— Я же сказала, что не знаю — смогу ли я прийти из-за проблем с работой.

— Конечно! — воскликнула Ребекка, как если бы, наконец, поняла ужасную тайну.

Пенни прочитала это на её лице.

«Не верит и думает, что я не хочу идти на вечеринку, чтобы не признаваться что я одинока, неудачница, с плохой работой и платьем далеким от последней моды».

Хотя это абсолютная правда.

И тогда, так как не хотела поддаваться, Пенелопа обнаружила себя заявляющей, несмотря на протесты благородства:

— Мы сделаем всё возможное, чтобы прийти. И я вас познакомлю. Его зовут Маркус.

Притворяться перед Ребеккой было легко. Сложнее было бы убедить Маркуса. И по возвращению из библиотеки Пенни разработала план.

Закрывшись в своей комнате, она принялась рыться в шкатулке для драгоценностей. «Шкатулка» — слишком громкое название для картонной коробки, которую она сама оформила в стиле декупаж, используя бумагу с рисунком щенков, а сказать «драгоценности» — было не только самонадеянно, но и почти кощунственно. В этом прямоугольном контейнере, в основном хранились браслеты с жемчугом из пластмассы, со времен детства. Серьги из серебра и циркония, кольцо из полимерной глины в форме торта на день рождения и пряжка для ремня со стразами. Но в этом нагромождении всякой всячины, хранился также достаточно ценный кулон, заслуженно завёрнутый в подарочный мешочек из тюля, в каких дарят конфеты на свадьбах.

Пенелопа вынула его оттуда и залюбовалась, глядя на свет. Это было сердце из белого золота, внутри которого виднелся маленький бриллиант. Кулон принадлежал ей и только ей, старый подарок от её родителей, от которых не осталось ничего, кроме страха перед темнотой в результате аварии, при которой они погибли.

В течение нескольких минут она сама себя допрашивала о своих собственных намерениях. Был ли смысл рисковать единственным предметом, связанным с её ушедшей семьёй? И только для того, чтобы заставить замолчать коварную Ребекку? Не лучше ли было бы вообще не обращать внимания и оставить её вариться в своём дьявольском отваре, с надеждой больше никогда не встретить?

Да, так было правильнее, но школьные воспоминания Пенни были ещё слишком свежи, а оставшихся от её родителей не было достаточно. Несмотря на то, что она и пошла вперёд, окрепла духом и стала храбрее, она не смогла забыть ежедневное жестокое обращение, которому её подвергала эта анорексичная ведьма, создавая вокруг Пенни барьер из насмешек, так что никто и никогда не осмеливался приближаться к ней, чтобы попытаться лучше её узнать. Включая Игоря. Игорь, который теперь смеялся за её спиной. Шесть лет тому назад он тоже смотрел в рот Ребекки.

Им не хватило бы её безразличия, они не принадлежали к числу утончённых личностей – пока не доказано что-то материальное, они продолжают считать тебя неудачницей. И именно с этим Пенни не могла смириться.

Таким образом, она сделала то, что считала правильным или, во всяком случае, необходимым. В тот же день она отправилась в ломбард и заложила свой кулон. Она получила меньше, чем ожидала, только двести пятьдесят долларов. Мысленно попросив прощения у своих родителей, она пообещала, что обязательно вернётся и выкупит его.

Ночью, после работы, Пенелопа решила найти Маркуса непосредственно у «Магаја», не ожидая его около «Well Purple», где они, как правило, встречались. Не увидев его там, она стала нарезать небольшие круги перед входом. Там стоял другой вышибала, скорее жирный парень, чем внушительный, который надоедливо дотрагивался до своей промежности. Тогда Пенни набралась смелости и спросила у него о Маркусе. Мужчина осмотрел её с ног до головы, а потом усмехнулся.

— Вокруг нашего Маркуса всегда крутятся самки. С момента как он тут появился, всегда найдётся киска, машущая вперёд-назад ему под носом.

Пенни спросила себя, если он намекает также и на неё как на киску, но в итоге предпочла не выяснять.

— Можешь сказать, где он? Ушёл?

— О, нет, он в переулке, курит сигарету.

— Я должна сказать ему одну важную вещь...

— Я вижу, похоже, что и у тебя жажды. Ладно, иди в ту сторону, за здание.

Пенни кивнула и протиснулась в узкий проулок, ставший ещё более узким из-за пожарной лестницы, вьющейся подобно металлическому змею по соседнему дому. Витал сильный запах мусора, который исходил от нескольких открытых баков, стоявших рядом со стеной дискотеки. Она задержала дыхание, преодолевая их, и достигла задней части «Магаја».

И там она увидела то, что предпочла бы не видеть.

Прислонившись к стене, стоял Маркус, со свитером, поднятым на живот и брюками, свисающими с мускулистых бёдер. На нём была девушка, почти голая и полностью оторванная от земли, удерживаемая только руками, просунутыми под ягодицы. Не курили они никакие сигареты. Они занимались сексом.

Никто из них не заметил зрителя. Оба двигались в неистовом темпе, быстро, всё быстрее и быстрее, и она слышала непристойный шлепок в моменты, когда их тела бились друг о друга. Девушка – блондинка с длинными волосами и задницей, похоже, вырезанной по форме банджи, стонала без остановки. Маркус не издавал ни слова или вздоха, только иногда, как-то приглушённо рычал.

Прежде чем Пенни смогла сделать шаг, оба достигли оргазма. Их удовлетворённые возгласы, показались криками раненых орлов. Затем, он отстранился от неё и вытащил свой член, обёрнутый в наполненный спермой презерватив. Опустил девушку вниз и она сказала ему лукаво:

— Ну ты и животное!

Маркус ничего не ответил, просто выбросил на землю презерватив.

Пенни продолжала неподвижно стоять, расстроенная и не в силах срочно убраться оттуда. Один комок застрял у неё в горле, а другой в животе. Она хотела убежать, стереть Маркуса из своих мыслей, выкрикнуть всё то, что она думала о нём и его необыкновенной любви к Франческе. Но она могла только дрожать, ненавидеть его в глубине своей души и говорить самой себе, что, если таким и был секс, таким отвратительным и потным, то она никогда бы не занялась им.

В этот момент, Маркус её заметил. Пока блондинка одевалась, он повернул свой взгляд в её сторону и Пенни, хотя бы имела удовольствие видеть, как он морщиться, как будто стыдится самого себя. Но, возможно, это не было стыдом, может быть, так проявилась только злость одного мудака, который хочет спокойно трахнуть шлюху, и терпеть не может когда кто-то вокруг его раздражает, и плохо на него смотрит.

Потому что она смотрела плохо, даже, очень плохо.

Затем она шагнула назад, пробежала переулком и вернулась к входу в дискотеку.

Жирный вышибала, увидев её, начал смеяться.

— Ты видела, какую красивую сигарету он раскурил?

Пенни его проигнорировала и направилась по тротуару в сторону дома. Этой ночью она вернулась одна, не нуждаясь в няньке. Она была такой злой, что если бы Грант, не дай Бог, появился на её пути, то растерзала бы его на мелкие кусочки, не позволяя даже сказать «ах».

Пенни не могла понять, почему она испытывала столько ярости и отвращения, и разочарования, и отчаяния, и в конце, даже можно сказать, что чувствовала себя немного мёртвой. В придачу, она знала, что Маркус так поступал с благословения Франчески, не осуждающей его чисто физические игрища. Однако она чувствовала себя именно так. Ей никак не удавалось выкинуть из головы недавнюю сцену.

После нескольких минут она поняла насколько быстро шла. Она была почти на месте, чувствовала усталость во всех мышцах и подступающую тошноту. И слёзы. «Суки, бесполезные слезы». Вытерла их ладонями. «Тупая дура, разревелась».

Поднялась по лестнице и спряталась у себя в квартире. Никаких следов Маркуса. Очень хорошо.

«Меньше его вижу, лучше себя чувствую».

Сделала свои обычные вещи перед сном и забралась в постель.

И тогда её сердце подпрыгнуло до самого горла, угрожая разорваться от инфаркта.

Кто-то стоял на пожарной лестнице. Внушительных размеров силуэт загораживал лунный свет. Она вскочила и села на кровати, думая, что это забрался Грант, решив добраться до её окна. Но там стоял Маркус.

Пенни уставилась на него сквозь стекло. Он сделал жест говорящий впустить его и выглядел настолько деспотичным, как бы говоря: «Открой, или я всё разобью». Она покачала головой, делая ответный жест, как бы отвечая: «Проваливай». Тогда Маркус просунул два пальца вдоль корпуса рамы, несколько мгновений повозился и поднял оконную раму.

Пенни замерла, открыв от удивления рот.

— Надеюсь, Грант хуже меня умеет вскрывать замки, — сказал он, перелезая через подоконник и безнаказанно входя в комнату.

— Убирайся с глаз моих, я хочу попытаться уснуть и чтобы меня не вырвало на подушку, — фамильярно ответила ему, выше натягивая на себя простынь. Как будто это было необходимо: она была одета в пижаму, которой позавидовала бы даже монахиня.

Маркус остался на месте, и комната Пенни стала казаться совсем маленькой из-за его монументальной фигуры.

— Что случилось? Ты шокирована? Ты не трахаешься много, правда?

«Я никогда не трахаюсь».

— Достаточно, — сорвала она, — но не с едва знакомыми людьми, и таким свинским способом. Вы стояли практически посредине свалки.

— В любом месте хорошо, когда тебе захочется. Особенно с едва знакомыми цыпичками. По крайней мере, они ни на что не претендуют. Наслаждаются и сваливают на хрен.

— Ты всегда это делаешь в переулках? Никогда, ну я не знаю, может, в постели?

— В постели всегда есть риск, что тебя попросят остаться на всю ночь. В переулках нет.

— Ну, ты счастлив.

— В восторге. А кстати, что ты делала на задворках клуба? Шпионила за мной? Тебе понравилось то, что ты видела?

— Я ничего не видела!

Маркус бросил на неё язвительный взгляд.

— Ты видела всё. Ты уставилась на меня, глазела с большой настойчивостью.

— Более того, я была парализована. Знаешь, когда видишь что-то ужасное и не можешь пошевелиться от страха?

— Ты маленькая лживая сучка. Но это не имеет значения. Конечно, ты быстро бегаешь, да? За время, что я потратил, чтобы привести себя в порядок и выйти на улицу, ты пропала. Разве мы не договаривались? Зачем ты пришла сегодня? Твой Грант навестил тебя вновь?

— Нет, я хотела... я хотела тебе кое-что предложить. То, что позволит тебе заработать дополнительные деньги. Но я передумала, так что это не имеет значения. Ты можешь уйти.

— Да нет, теперь ты всё мне расскажешь. Когда дело касается денег, я становлюсь очень любопытным.

Пенни опустила взгляд. Маркус сел на кровать и повернулся, чтобы закурить. Она его остановила.

— Нет, не в доме. Бабушке не нравиться.

Он подошёл к окну и сел верхом на подоконник, свесив одну ногу в комнату, а другую на лестницу. Всё равно закурил, и послал дым наружу. Пенни задумалась на мгновение, сказать или не сказать, но потом воспоминание о Ребекке заставило её капитулировать. Она рассказала ему всё, говоря вполголоса.

Маркус расхохотался.

— И ты хочешь, чтобы я притворился твоим женихом? Тебе кажется, что я похож на жениха?

— Ты выглядишь дикарем и ублюдком, но сексуален, а этого для меня достаточно. Если я их не расстрою тем, что я богаче, или красивее, то сделаю так, чтобы они сдохли от зависти, потому что я с мужчиной, которого все хотели бы трахнуть.

Пенни поздно осознала, что была слишком откровенной. Маркус уставился на неё с улыбкой негодяя.

— Я должен принять это как комплимент?

— Ну, я не знаю, если ты принимаешь за комплимент, когда о тебе говорят как о парне, привлекающем большее внимание к своему члену, чем к своему уму, тогда да — это комплимент. А теперь, уходи.

— Значит, ты больше не хочешь поиздеваться над своими друзьями?

— Они не друзья, а мудаки.

— Сколько ты готова заплатить?

— Двести пятьдесят долларов.

— Только за один вечер?

— Да.

— Кругленькая сумма. Где ты её нашла?

— Это моё дело.

— Я хочу это знать. Может быть это ворованные деньги, и я вновь закончу в тюрьме за отмывание денег.

— Я их честно заработала. Сегодня ночью я обалденно поработала ротиком для одного полного денег и зацикленного на девочках, выглядящих как наивные дурочки, и он мне заплатил наличкой.

Маркус замер с зажатой между губами сигаретой.

— Не говори дермо, — пробормотал он.

— Ты можешь делать всякую хрень, а я нет?

— Хватит.

— И почему? До тех пор, пока ты меня провоцируешь и ставишь в неловкое положение, тебя всё устраивает, а я не могу играть так же?

— Играешь неправильно. Я тебе не советую говорить это дермо вслух. Я поступаю правильно, но другой, подстрекаемый таким образом, засадит тебе за две с половиной секунды.

— А тебе даже в голову такое не приходит.

— Мне приходит и ещё как. Но я умею себя контролировать. Итак, что мы будем делать?

— Что мы будем делать? Да ничего мы не будем делать!

— Я говорил про тех мудаков.

— Ах... про них. Я... я не знаю.

— Что мы должны делать на этой вечеринке?

— Ничего особенного. Ты только должен сделать вид, что готов целовать землю, по которой я хожу.

Маркус сделал затяжку и покачал головой.

— Нам это не удастся даже после посещения курса актерского мастерства.

— Тогда... ты можешь притвориться, что без ума от меня?

— Хм... у тебя нет плана С?

— Чёрт тебя дери, заработай эти деньги! Если ты думаешь, что не сможешь выглядеть как должен, то мы вообще не пойдём. Лучше тогда оставить всё как есть, и двигаться дальше.

— Так, посмотрим... я мог бы притвориться, что нахожу тебя до безумия сексуальной. Когда я смотрю на твой рот, то хочу зацеловать тебя до крови, что мечтаю каждую ночь часами тебя трахать, и что мне нравится в тебе всё, даже эти дурацкие волосы и то, как ты, словно стерва противостояшь и провоцируешь меня. Тебе хватит?

Пенни не могла говорить, а лишь глотала воздух, словно рыба, выброшенная на берег. У неё пересохло в горле, а себя она чувствовала разогретой и расслабленной, с лёгким головокружением, как после долгого массажа.

— Эм... да... я полагаю, что этого достаточно. Однако не понимаю, и как же ты это планируешь. Ну, знаешь — оплата за сделанную работу, никогда не знаешь наверняка.

— Я думаю, что могу тебе доверять.

— Хорошо, а теперь убирайся отсюда.

— Завтра я тебе поставлю более надёжную блокировку для окна. Эта, похоже, сделана из сливочного масла. Ненадёжная. Когда я выйду, заблокируй хорошо окно.

— Ты волнуешься обо мне?

— Конечно! Без предоплаты, если с тобой что-нибудь случиться, то я рискую не увидеть и доллара.

— Ах, вот, так я и думала.

Маркус спрыгнул на пожарную лестницу, повернулся и иронично помахал рукой на прощание. Пенни в ответ подняла средний палец, как это часто делал он. Маркус засмеялся и исчез из поля её зрения. Пенни осталась одна и нашла убежище под одеялом.

На следующий день в полдень Маркус, как и обещал, пришёл в квартиру к Пенни, захватив некоторые инструменты, чтобы починить защёлку на окне. Открыв дверь, Пенни подумала, что уже пора перестать каждый раз при встрече с ним чувствовать себя, словно только что вышла из центрифуги.

В отличие от Пенни, которая делала вид, что почти раздражена его присутствием, бабушка выражала свою радость от встречи с ним более открыто.

— Ах, как это замечательно, что такой красивый молодой человек у нас дома! Как ты любезен! Пенни, в каком-то смысле, ты должна ответить ему взаимностью.

Без видимой причины Пенни покраснела, в мыслях она вернулась к сцене, увиденной на задворках «Магаја». Он, как будто бы прочитал её мысли, повернулся, демонстрируя самодовольную ухмылку.

— Чини окно и уходи, — огрызнулась Пенни, провожая его в свою комнату.

Пенни наблюдала с порога комнаты за движениями Маркуса, пока он ремонтировал оконную раму. Он был одет в футболку с длинными, греховно узкими рукавами, которые подчеркивали литые мышцы его плеч и рук, покрытых татуировками. Пенни уставилась в пол и кусала губы ненавидя себя за то, что не могла оторвать глаз от тела Маркуса: искушение стоять и плятаться был настолько сильным, что она почувствовала себя загипнотизированной.

В какой-то момент Маркус остановился, достал что-то из заднего кармана джинсов и протянул ей.

— Это письмо для Франчески. Напиши адрес, имя отправителя и отправь.

— «Будь добра» не помешало бы.

— Я уже делаю тебе *добро* – чиню твоё окно.

— Но его сломал ты! И вообще, твои услуги щедро оплачиваются.

— Мне платят за сопровождение тебя от работы до дома, и заплатят, чтобы я притворился, что кроме тебя не хочу нюхать никого другого, но не за то, чтобы я работал плотником.

— Ты вульгарен и продажен.

— Да, я в курсе, это всегда были две мои характеристики. *Обе черты фундаментальны. Секс и деньги.*

— Тогда добавь также и *третью черту*, называемую *отстоем*. Только подлец может делать то, что сделал ты вчера вечером, а потом, в ту же ночь, написать своей женшине.

— Да, в самом деле, ночь была плодотворной. В любом случае, перестать читать мне эти проповеди о Франческе. У нас такие отношения, и дурочка, как ты, не может их понять.

Пенни больше ничего не сказала: когда она говорила о Франческе, Маркус терял свою разнужданную веселость и превращался в мудака.

— К тому же, — продолжил он через некоторое время, — полагаю, если я должен выдавать себя за твоего жениха, то должен знать больше о тебе. Просто чтобы не говорить ерунду. Что ты собой представляла в шестнадцать лет? Даже если немного, я могу представить себе.

— Это неправда.

— Скажи мне, если я угадаю. Ты была одинокой, замкнутой, но не робкой, и чувствовала отвращение к тем, кто тебя окружал. Даже если они думали, что ты тупая и покорная, ты была умна и полна гнева. Ты бы хотела схватить за волосы тех кто задирал нос, и как минимум, засунуть их голову в унитаз. Тебе нравился некий парень, который никогда тебя не замечал. Я ошибаюсь?

Пенни смотрела на него с открытым ртом.

Маркус нахмурился и вернулся к своей работе.

Она его спросила:

— Как... ты... это понял?

Не отрывая глаз от того что он делает, Маркус пробормотал:

— Ты достаточно предсказуема.

В этот момент в комнату вошла бабушка.

— Итак, ты побеждаешь с нами? — явно довольная, обратилась она к Маркусу.

Пенни и Маркус одновременно дали два различных ответа.

Она сказала:

— Нет.

Он сказал:

— Да.

Бабушка вернулась на кухню, подпрыгивая словно ребёнок.

— Что ты задумал? — спросила Пенни в ярости.

— Поесть.

— Иди и ешь у себя дома.

— У меня пустой холодильник и я голоден. Когда голоден, я не соображаю, ты же знаешь. И потом, ты должна расплатиться за работу что я делаю, или нет? Потом отремонтирую даже окно в комнате твоей бабушки, и ту дерзковую щеколду, что у вас на двери. Так что, или заплати мне двадцать долларов или угости меня обедом.

— Я знаю, почему ты это делаешь. После этого ты сможешь критиковать меня и за то, как я готовлю.

— Готовишь ты?

— Конечно. Если это сделает моя бабушка, как минимум она положит сахар в макароны с сыром.

— Тогда давай, шевели своей задницей. Иди, приготовь что-нибудь.

— «Шевели задницей» — говори своей сестре, — стали последние слова, которые Пенни произнесла, выходя из комнаты.

Обедать дома вместе с Маркусом было действительно странно. Вся квартира казалась более тесной в присутствии этого гиганта, который доставал головой до люстры. В контрасте с ним уменьшилась даже бабушка.

Сердце Пенни, напротив, увеличивалось с каждым его шагом, укусом пищи, словом или молчанием. Она всё больше и больше его опасалась, но не по причинам, по которым следовало, не потому, что он был высокомерным, неприятным, задирой и дикарем. Она

боялась, что слишком привыкла к его присутствию, и начинала зависеть от необходимости видеть его. Слишком многое становились знакомыми: его запах, сочетание цитрусового мыла и табака, каким способом он изгибал свою бровь или курил – оставляя сигарету висеть на губе, с дымом, струящимся вокруг, а затем резко перехватывал её между пальцами. Его крепкие и расписанные татуировками руки, его плечи, настолько огромные, что казались в состоянии поддерживать небесный свод.

Ей необходимо взять себя в руки, по крайней мере, эмоционально. Надо перестать позволять сердцу, разгуливать где ему хочется по грудной клетке, подобно пьяному, который натыкается на стены гетто.

В конце обеда, когда бабушка устроилась на диване, чтобы посмотреть свой любимый сериал, Маркус взглянул на Пенни и объявил:

— Признаю, что ты умеешь готовить.

— Bay, какая великая поблажка!

— Нет, я серьезно, у тебя здорово получается. В следующий раз, когда приготовишь эту пасту, принеси мне наверх.

— Будут другие пожелания, сэр?

— После обеда у меня всегда возникает желание другого типа, но ты не та кто может удовлетворить его.

— Ты животное, я говорила это и повторяю вновь.

— В каком возрасте у тебя было в первый раз?

Пенни качнулась, словно кто-то её толкнул.

— Э? И каким образом это связано с обедом? Занимайся своими делами, извращенец!

— Итак?

— И где ты берёшь все эти вопросы?

— Мне приходят на ум, и я спрашиваю.

— Ты не можешь всегда озвучивать то, что приходит в голову!

— Нет, и в этом ты права. Не всё. Но про это да, давай, это невинный вопрос и составляет часть той информации, которую должен знать жених. Когда? Или, может быть, ты никогда этого не делала, и только строишь из себя женщину с опытом?

— Я делала это и ещё как, но не хочу обсуждать это с тобой.

Маркус собрался закурить, но потом остановился.

— Пойдем ко мне, я смогу покурить, а ты откроешь мне некоторые свои позорные секреты?

Наиболее правильным ответом явилось бы колоссальное «нет». Но Пенни в последнее время имела склонность закапывать разумность, как поступает собака со своей косточкой. Таким образом, позволяя руководить той части себя, что уже ничего не понимала и позволяла делать всё возникающим желаниям, кивнула и последовала за ним.

В скорости они оказались в его мансарде, и Маркус прикурил сотую, в количестве выкуренных за день сигарет. Он уселся на кровать, прислонившись спиной к стене. Пенни пристроилась неподалеку на подлокотник дивана, делая вид, что не наблюдает за ним и вообще не хочет смотреть на него. Внезапно, она собрала всё своё мужество и предложила ему ещё одно соглашение:

— Я отвечаю на твой любопытный вопрос, если и ты мне тоже кое-что рассказываешь.

Маркус нахмурился.

— Первой отвечаешь ты.

— Таким образом, если тебе не понравится мой вопрос, ты откажешься, всё равно я уже ответила на твой?

— Девочка, ты не какая-нибудь дурочка.

— Ты же говорил, что я умная, верно?

— Да, это я думаю серьезно. Теперь расскажи мне всё о своём скандальном опыте. Если хочешь, на вечеринке мы можем распустить слух, что в твой первый раз ты сделала это со мной. Я уверен, что твоим бывшим стервозным подругам очень понравится эта деталь, в случае если спросят.

— Только *стервы*, не *друзья*, повторяю. Действительно, только стервы способны такое спросить.

— А скажи мне, как всё случилось на самом деле. Мне очень любопытно. Не могу представить тебя, занимающейся этой похотливой активностью.

— Любовь — это *не похотливая активность*. Это не то, что делаешь ты — грязный и без эмоций секс, используя первых попавшихся женщин. Когда ты любишь кого-то — всё по-другому, романтично, и ты должен знать это, потому что у тебя есть Франческа.

— Я всегда похотливый и никогда не буду романтиком в постели, и для Франчески это очень подходит. Но ты так и не ответила на мой вопрос.

Пенни закусила нижнюю губу, уставившись в угол стены. Она могла выдумать то что хотела, не так ли? Заслуга лжи в том, что она не имеет границ, таких как у истины — бедной и тесной. Итак, она пробует представить себе идеальную ситуацию, ту, что она хотела бы действительно пережить, и перевела её в фильм уже случившегося фальшивого опыта.

— Я была очень влюблена, очень сильно. Моё сердце разрывалось, только видя его в комнате. Это случилось естественно и красиво. Он был мой идеал мужчины. Звучала красивая фоновая музыка, ароматические свечи и лепестки цветов на кровати. Нет никаких скандальных подробностей, любовь делает всё невинным.

В это мгновение Маркус выглядел рассеянным, словно он вообще не слушал. Потом уставился на неё как на инопланетянку, прилетевшую и спустившуюся с летающей тарелки.

— И что в конце случилось с этим идеальным парнем?

— Он... э-э... умер.

— Умер?

— Да, он был болен. Лейкемия. Но я не хочу об этом говорить — до сих пор скорблю, когда вспоминаю. Ну, теперь моя очередь.

Некоторое время он курил в тишине, глядя на небо, наблюдающее за ним сквозь окно на крыше.

— Я разочарован, надеялся на что-то более пикантное.

— Теперь моя очередь, — повторила Пенни.

— Ты хочешь знать, когда это сделал я? Нет, лучше не надо, девочка, разрушим эту романтическую атмосферу, полную вздохов и рыцарей на белом коне.

— Я не хочу знать об этом.

— И что тогда?

— Чьё это кольцо, то, что ты носишь на шее?

Пенни раскаялась сразу что задала этот вопрос, когда увидела как Маркус вскочил с кровати и нервно бросил на пол, ещё зажжённую сигарету. Она увидела, как дёрнулась к шее его рука и он заправил внутрь футболки кожаный шнур, с висящим на нём кольцом; спрятал его от чужих взглядов очень раздражённым жестом. Затем он подошёл к ней, так

близко, слишком близко, прижимая к стене. Пенни почувствовала теплый вес его тела, настоящее покрывало из мышц.

— Больше никогда не спрашивай об этом, — зарычал он ей в лицо, пригнувшись, чтобы показать свой гнев лицом к лицу.

На мгновение они столкнулись в войне взглядов, без лишних слов, потому что было достаточно этих полосок серебра и снежного неба, чтобы сказать всё то, что можно было сказать. У Пенни перехватило дыхание, и не потому что она боялась Маркуса: она боялась того, что она чувствует. Хотела поцеловать его, хотела, чтобы он поцеловал её. На мгновение показалось, что Маркус готов воплотить это молчаливое желание, словно прочитал всё в её мыслях, в приоткрытых губах, в рваном дыхании. Пенни почувствовала, как его язык ласкает контуры её рта, как будто он хочет чего-то большего. Только на мгновение, к сожалению. После этого вспышка смятения прошла, поскольку Маркус встряхнулся. Отодвинулся, внимательно посмотрел на неё с непонятной враждебностью и нахмурил брови, дыша сбивчиво.

— Тебе лучше уйти, — сказал он за мгновение, прежде чем повернуться к ней спиной и запереться в ванной.

Глава 12

Маркус

Цыпочку найти совсем нетрудно. Но в этот раз, мой выбор – полный отстой. Мы отходим на задворки дискотеки, и я трахаю её даже не целуя. Не то, что бы мне хватило этой разрядки, мимолетной отдушины, не утоляющей ни голода, ни жажды – просто удовлетворение потребности первобытного человека. Но это хоть что-то.

Вдруг я услышал раздавшийся в переулке звук. Разворачиваюсь и из меня практически вырвается трёхэтажный мат. Пенни. Что здесь делает Пенни?

Стоит и смотрит на меня. Потом убегает, словно я демон, крадущий невинные души.

Привожу себя в порядок, предупреждаю босса и бросаюсь в погоню, искать её. Должно быть, она бежала, чтобы оторваться так далеко. Внутренний голос говорит мне: «Хорошо, видимо она добралась до дома, если ты не нашёл её мертвой на тротуаре или изнасилованной внутри переулка. И вероятно, сейчас, она в своей кровати составляет список причин, по которым ты являешься почётным гражданином планеты под названием «грязный потаскун»».

Мне нужно сделать следующее – отправиться домой, принять душ, заснуть и не переживать по поводу того, что думает обо мне мисс Пенелопа Миллер.

И тогда почему я взбираюсь по пожарной лестнице?

На самом деле не знаю, не могу же я найти ответы на все вопросы, осознаю только, что поднялся на предпоследний этаж и постучал в окно.

И я также ясно увидел, как обвинения, словно ядовитые стрелы, полетели в меня. «Извращенец», «животное», «тварь», и кто знает, что ещё она думает, не высказываясь в слух. Не то что бы меня задевало – я такой, какой есть, не могу держать свой член в штанах, я живой, дышу, в моих венах течёт кровь и желание. Факт, что желаю также и её, не обсуждается. Меня не привлекает в ней какое-то особое качество, не чувствую ничего особенного, того, что отличалось бы от дикой необходимости. Женщина – не вызывает отвращения, имеет две ноги, киску, задницу и рот. Провоцировать её доставляет мне удовольствие и сильно возбуждает. Если это делает из меня животное, то согласен, я такой и есть.

Ночью я пишу Франческе. Пишу и комкаю лист, а потом пишу вновь. Повторяю это выматывающее упражнение, по крайней мере, с полдюжины раз, прежде чем у меня, получается, набросать несколько приемлемых мыслей. Никогда не был литератором, но на этот раз дискомфорт возникает не от моей обычной нелюбви к белому листу и ручке.

Я чувствую себя виноватым по отношению к моей женщине.

Не понимаю, по какой причине то, что я трахнул первую попавшуюся шлюху заставляет чувствовать себя виноватым? Всегда так делал, и никогда не возникало ни проблем, ни сожалений. И тогда, что изменилось на этот раз?

Только тогда, когда, наконец, подписываю письмо, мимолётное подозрение заставляет меня нахмурить лоб и выплюнуть ругательство. Чёрт.

Я не чувствую себя виноватым из-за той цыпочки, имени которой я даже не знаю.

Я чувствую себя виноватым потому, что когда Пенни предложила сопровождать её на вечеринку выпускников, предлагая заплатить двести пятьдесят долларов, и я спросил,

где она их раздобыла, на что она дала мне понять, что отсосала кому-то, на мгновение я подумал: «*Скажи мне кто это, тогда я смогу пойти и убить его*».

Она пошутила, но дело не в этом.

Проблема состоит в том, что до тех пор пока я это не понял, убийственная ярость завязывала в узел весь мой кишечник.

Какое мне дело с кем может Пенни трахаться? Достаточно того, что она мне платит, нет?

Не имеет смысла – безусловно, не имеет смысла. А вещи, которые не имеют смысла, заставляют меня нервничать.

Я прихожу в себя только после того, как в течение часа наношу по боксёрскому мешку удары ногами, удар за ударом и за ударом, а затем кулаками, пока не чувствую, как закипают мои руки, а мансарда кажется вот-вот взорвётся от тяжести моей ярости. В конце концов, я выдохся, но начинаю мыслить ясно и иду спать весь потный, зато без уродских мучений.

Я соглашаюсь сопровождать её на эту идиотскую вечеринку. Сумма меня устраивает. Я не думаю ни о чём другом, не должен думать ни о чём лишнем. Всё, что я для неё делаю – это только один из способов для сохранения моего источника, довольно неплохих дополнительных заработков. Убедиться, что останется жива до следующего месяца, а затем пошлю её, куда подальше во всех смыслах.

Определённо – она и её бабушка, словно две героини, вышедшие из какого-то слезливого фильма. Как можно так жить, в плену у жизни, всегда тошнотворно одинаковой? Как у Пенни получается не иметь желания сбежать отсюда? Она заботиться о старухе, словно та её дочь, и делает всё необходимое, это я понимаю по её рукам. У неё руки того, кто всегда работал и продолжает это делать. Грубые, усталые, обветренные. Где она находит время, чтобы жить? Спит, ест, дышит и работает. И это жизнь?

Согласен, всё это говорит тот, кто последние четыре года провёл в тюрьме, поэтому может выглядеть самонадеянным, но до тюрьмы у меня была жизнь. Беспорядочная, запутанная, прокуренная, жестокая, но наполненная. Я видел вещи, сделал многое, изменил многое, многое сломал и даже убил. Но я никогда не был неподвижен.

Пенни, в этом доме живёт на протяжении веков. И теперь ухаживает за бабушкой наполовину слабоумной. Ей не хочется послать всё на хер?

Не знаю почему, я прошу её подняться ко мне. В последнее время, становиться опасно много вещей, которые я не знаю и не понимаю. Я только знаю, что, когда мы говорим о ерунде как запудрить её бывших одноклассников, мне хочется узнать побольше о ней. В частности, я хочу знать, какая она в постели. Естественно лучший способ узнать это – сделать. Но такое никогда не случится: даже если я хочу до безумия, этого не случится. Так что ничего не остается, как задавать ей навязчивые вопросы. Однако я ловлю себя на мысли, в то время как она мне рассказывает про свой первый раз, что просто не могу представить здесь этого типа, этого идеального мужчину, до тошноты романтичного, настолько жалкого, чтобы умереть как герой-неудачник из фильма. Я не могу представить по той простой причине, что когда она рассказывает – я слежу за движением её губ и вижу, да – вижу её голой, с широко открытыми глазами, но там, над

ней – я, и внутри неё только я. Мне кажется, что лучше больше не задавать такого рода вопросов. Я мудак. Придурок неугомонный. На этой войне я воюю в одиночку.

Потом она спрашивает меня про кольцо, то, что я ношу на шнурке, и меня накрывает ярость. Когда кто-то спрашивает про него, то такое со мной происходит всегда. Есть секреты, более грязные или более хрупкие, те, что предпочитаю держать при себе.

Но когда прижимаю её к стене, я чувствую, как Пенни дрожит. Смотрю на неё, в горящие глаза, губы, словно цветок, и её грудь, поднимающуюся в рваном дыхании и... мне становятся неважными все мои секреты и кольцо. Я только знаю, что хочу поцеловать её. Слегка её облизываю, срываю эти свежие лепестки кончиком своего языка и очень хочу войти внутрь. Чёрт, я хочу попасть внутрь во всех смыслах.

Не должен поддаваться этому желанию. Это всё бессмысленно, это похоже на опьянение от алкоголя и наркотика, словно меня трахнули, даже если я не пью и не курю ничего странного много лет, и никто и никогда меня не трахал. Не могу пробовать целовать такую и чувствовать шум в ушах, уплывающий из-под ног пол, и член, который просит меня, умоляет меня, пытает и превращается в каменного монстра. Я должен найти решение: или я ухожу или делаю. Позднее, возможно, после того как я её трахну, и избавлюсь от желания, я начну думать о ней, как о киске без лица и без имени.

Глава 13

У Пенни не хватило бы денег, чтобы купить новое платье, а закладывать в ломбард ей больше было нечего. Пришлось выкручиваться.

К счастью, в шкафу у бабушки висело много старых платьев, которые она могла одеть. В моду начали возвращаться пятидесятые? Ну, тогда у неё будет абсолютно оригинальный комплект из пятидесятых, а не улучшенная и скорректированная имитация.

Слава Богу, у неё и Барби был один размер и когда она примерила платье перед зеркалом, то увидела в нём свою бабушку в молодости – худую и маленькую девочку-шалунью, но с более короткими и более причудливыми волосами и менее спонтанной улыбкой.

Платье солнечно-жёлтого цвета, было узким в талии и с широкой юбкой, похожей на перевёрнутый колокольчик, с тремя нижними юбками из органзы, которые щекотали ноги и тихо шелестели, в случае, если кто-то попытается их поднять. Эта нежная и грубая мысль, повернула её размышления к Маркусу, к тому поцелую-не поцелую, который, больше походил на вторжение в личное пространство, чем на поцелуй или на наказание за её греховное любопытство. Что было такого секретного в этом кольце, завязанном на кожаный шнур?

У неё создалось лёгкое впечатление, что он начинает её ненавидеть, даже если и не понимала почему. Во время последующих ночей, тех, что предшествовали вечеринке, сопровождая Пенни домой, чтобы заработать свои еженедельные пятьдесят долларов, Маркус применил на практике терапию полного безразличия. Она даже не пробовала разговаривать с ним, и они шли рядом как две немые и немного злые статуи. Каждый прятал руки в своих карманах и Пенни, иногда наблюдала за ним краем глаза и спрашивала себя: был ли он с другими на задворках дискотеки? Отдавал своё тело кому-то случайному? Что он чувствовал, когда делал это, а главное что чувствовало его сердце в такие моменты? И потом спрашивала себя, что было написано в письме, адресованном Франческе, и когда он обращался к своей женщины, то возможно, его душа начинала трепетать и разговаривать, а не тихо ненавидеть, как зарезервировано для неё?

Она задавала все эти вопросы и чувствовала себя грустной, отвергнутой, словно остатки старого хлеба, которые никогда даже не попробуешь откусить, потому что хлеб без ничего, не имеет никакого вкуса.

Пока она готовилась к походу на вечеринку, у Пенни появился огромный соблазн вообще туда неходить. Какой смысл? Маркус игнорировал её, вероятно и на вечеринке будет вести себя ужасно, доказывая всем, что это лишь жалкая фальшивка, и её желание подняться на ноги, превратится в глубокое падение.

Она внимательно посмотрела на себя. Платье хорошо сидело на фигуре, и было довольно грациозным. Свои волосы Пенни собрала обручем со стразами, так же принадлежащим бабушке, настоящий винтаж, который убирал назад её чёлку с розовой прядью, со временем становившийся все бледнее и бледнее. Она производила впечатление милой, не «горячей штучки», как выражался Маркус, но и не выглядела отвратительно. И, тем не менее, она чувствовала себя подавленной.

«Мне пришлось отпроситься с работы ради тупой вечеринки, на которой, уверена, я опозорюсь. А если я никуда не пойду, всё равно не думаю, что они заметят моё отсутствие».

Но когда она вышла из комнаты, в туфлях на каблуках в белую и жёлтую клетку, то обнаружила в квартире Маркуса, которого впустила бабушка, даже не предупредив её, отчего Пенни чуть не упала на пол, как оступившийся цирковой акробат.

— Боже, как ты красива, любовь моя! — трещала с искренней любовью бабушка.

Пенни на этот комплимент ответила улыбкой, наполненной ответной любовью. Она была уверена, что даже если бы она вышла из комнаты, одетая в костюм банана, Барби всё равно посчитала бы её красавицей. Маркус, наоборот, не выглядел склонным дарить какой-либо комплимент и, по правде говоря, какой-либо взгляд. Она же напротив, хорошо его рассмотрела. Невозможно смотреть на него и не почувствовать, где-то в глубине самой себя, головокружительную мёртвую петлю сделанную сердцем.

Он был одет в тёмно-серые джинсы и жемчужного цвета свитер, из тонкой шерсти, с V-образным вырезом, который подобно гидрокостюму, плотно прилегал к его телу.

Виднелись некоторые из его тату, те, которые покрывали шею, придавая этому участку кожи опасный шарм. На ногах у него были одеты ботинки в байкерском стиле, устрашающего вида, чёрные и низкие. В завершении комплекта он одел длинное и видавшее виды кожаное пальто, выглядящее дико, как и его глаза. Подонок был чертовски сексуален. И она это знала. У её бывших одноклассниц могли быть парни с толстыми кошельками, но Пенни была уверена, что, как только бы они заметили Маркуса, то начали тут же придумывать лучший способ, каким можно содрать с него штаны.

«Эти идиотки умрут с пеной у рта. Однако надеюсь, что я не умру прежде них».

Она инстинктивно ему улыбнулась, но он лишь бросил быстрый взгляд, сказав поспешно и без всякой любезности, — Пойдём.

Пенни схватила своё любимое розовое пальто, сшитое из варёной шерсти, с пуговицами из ткани в форме цветка, и последовала за ним, готовясь к вечеру который сложно будет забыть.

— Давай возьмем такси, — сказал Маркус, когда они вышли на улицу.

— У меня недостаточно денег, — возразила она с раздражением.

— Тогда скажем, что я тебя угощаю.

— И откуда взялась такая щедрость?

— Я ненавижу автобусы. С меня хватит одной занозы в заднице — сопровождать тебя.

— Я же тебя не заставляю. Если ты не хочешь идти, то будем, как и раньше — врагами.

— И упустить удовольствие сопроводить тебя в стадо идиотов? Нет, я просто не могу отказаться, — иронично заметил он.

Они добрались до более оживленной улицы, рядом с «Магаја». И хотя он не сказал Пенни не единого вежливого слова, на самом деле он вообще больше ничего не сказал, Маркус оставался рядом, но не как обычно по ночам, когда иногда ускорялся и оставлял её позади, а затем останавливался и наблюдал за ней, словно за немного настырной улиткой. В какой-то момент они остановили машину. Дали адрес таксисту, на что последний воскликнул:

— На окраине города, верно?

Затем через зеркало заднего вида его взгляд поймал взгляд Маркуса и, не отпуская больше никаких комментариев, он отправился в путь.

Всю дорогу они молчали. Маркус выглядел как убийца покрытый татуировками, с враждебным взглядом и плотно сжатой челюстью. Спонтанно хотелось поинтересоваться: не спрятал ли он под пальто длинный ствол, с калибром 357?

Незадолго до прибытия, Пенни почувствовала себя настолько подавленной от повисшей тишины, что задержала на мгновение дыхание, а потом, чтобы не услышал водитель, заговорила шёпотом:

— Слушай-ка. Не знаю, что я тебе сделала. Если ты обиделся, потому что я спросила тебя про кольцо, тогда прости меня, я тебя больше ни о чём не спрошу. На самом деле, если я тебя так раздражаю, то с завтрашнего дня мы можем вообще больше не разговаривать. Но сегодня ты сделаешь то, что я тебе говорю. Если ты хочешь получить двести пятьдесят долларов, о которых мы договаривались, тебе придётся их заработать. Я не хочу, чтобы ты выглядел иначе, меня устраивает то, что ты выглядишь как подлец, но со мной ты должен быть милым. Все должны завидовать, воображая как круто мы трахаемся. Даже если они и помолвлены с парнем, у которого много денег, то мой парень будет с самым большим членом, мы договорились?

В темноте глаза Маркуса блестели, как ониксы.

— Я уверен, что мой член самый большой, — сказал он холодно, без самодовольства, как будто только подтверждал истину.

— Я знаю, я видела его, но не в этом дело. Главное, что ты должен притвориться влюбленным в меня или, если это простирается слишком далеко за пределами твоей досягаемости, по крайней мере, притворись увлечённым мной, понимаешь? Они должны видеть нас вместе и думать: «Счастливица, как он на неё смотрит...»

Такси остановилось, они прибыли к месту назначения. Вокруг них простирался жилой район, с чистейшими тротуарами и виллами колониального стиля, с окружающими их обширными участками зелени. По сравнению с местом, где жила Пенни, всё здесь выглядело как другая планета. На мгновение она испугалась, что делает ошибку и что могла каким-то образом загрязнить этот, такой далёкий от неё мир, или что ещё хуже, этот мир мог заставить её вернуться назад во времени, когда она была шестнадцатилетней девушки, такой несчастной и переполненной гневом. Маркус заплатил таксисту и вышел из машины, а она осталась внутри, сидеть на сидении почти парализованная, в своём дурацком платье, золотистом и поношенном.

Но, в этот момент, Маркус наклонился внутрь салона и прошептал ей на ухо то, что придало ей неожиданное мужество:

— Будешь хорошо обслужена. Эти сучки захотят быть тобой.

* * *

На самом деле дом выглядел как дворец и уже был полон людей. Снаружи слышалась музыка и гул голосов. Сердце Пенни билось быстро-быстро и, казалось, вот-вот лопнет. Маркус взял её за руку. Рука Пенни потерялась в его.

— Тебе больше не шестнадцать лет. Пошли их всех куда подальше, — сказал он сердито.

Пенелопа согласно кивнула, но только не внутри себя. Внутри неё страх и гнев сменялись дрожащими волнами.

Дверь открыла Ребекка вместе со своим хваленым женихом. Пенни испытала первое чувство победы этого вечера, и этой жизни, по отношению к своей бывшей однокласснице и хозяйке.

Не только Ребекка выглядела анорексичной, с искусственной красотой своих осветлённых волос и черных как дёготь ресниц, явно искусственных, но и её мужчина, которому было около тридцати, выглядел весьма искусственным. Красиво и по последней моде одетый, с двумя ракитичными плечами и оттопыренными ушами. Согласна, вместе они от волос и до кончиков ботинок излучали запах денег, но это были только две гротескные фигуры двух смертных, хорошо отполированные, но полные ничто.

Без сомнения, как только они увидели Маркуса, то оба слегка отшатнулись назад, словно готовясь к взрыву. Ребекка широко раскрыла глаза, как будто её ослепил агрессивный свет. Её парень, которого звали Мордехай, бледнея, вздрогнул. Пенелопа спросила себя: может, в конечном счёте, он тоже в детстве стал жертвой какого-то хулигана? В любом случае, они немедленно взяли себя в руки и симулировали две радушные улыбки, пожали им руки и пригласили пройти.

Для Пенни это походило на погружение в собственное прошлое. Там были все, кто вдвоём, а кто без пары, но каждый из них считал своим долгом поделиться своими истинными и мнимыми успехами. Пришла Гая, умная, только что окончившая Йельский университет. Пришёл Роберт, бунтарь, который перестал бунтовать и работал в компании отца. Там была и Джессика, сука, делавшая практически каждому минет в туалетах, теперь почти адвокат. Так же пришёл Игорь, который на расстоянии ей улыбнулся и с плохо скрываемым подозрением уставился на Маркуса.

По правде говоря, все рассматривали Маркуса с различными оттенками любопытства. Он говорил мало, как настоящий подонок, но не отпускал её руку, как поступает мужчина, который намерен отметить границы своей территории. Чувствовать его так близко было приятно и возбуждающе. Играя свою роль на «отлично». Даже Аль Пачино в своё золотое время не погружался настолько точно в образ пылкого влюбленного. Ничего волнившего или далекого от его истинной сущности: никакого милашки, ни улыбочек, ничего, что не соответствовало его внешности каменотёса. Но, например, неожиданно, на фоне песни «*Trying Not to Love You*» в исполнении «*Nickelback*», когда некоторые пары танцевали в комнате, окрашенной в тёплые оранжевые тона, ничего не спрашивая и ни ничего не говоря, положил одну руку вокруг её талии и повёл танцевать. Он прижал её к себе так близко, что заставил ощутить тело Пенни продолжением его. Пенелопа за одно мгновение осознала истинный смысл слова «мука». И если бы кто-то из её бывших одноклассников присмотрелся с большим вниманием, то не возникло бы никаких сомнений во всепоглощающей страсти, которую она испытывала по отношению к своему спутнику. А он всерьёз пожирал её глазами, заставляя чувствовать себя одновременно маленькой и пульсирующей, беспомощной и воином, безумно желанной, и стыдливо напуганной от этого желания.

— Прекрати душить меня, — прошептала она во время танца.

Маркус немного наклонился и заговорил рядом с её ухом:

— Если ты хочешь, чтобы они всё проглотили, ты должна позволить мне прикасаться к тебе. Когда мне кто-то нравиться, я не читаю стихи. Я трогаю тело.

— Да, окей, но...

— Если тебя это раздражает, то я перестану.

«Меня не раздражает, проблема в том, что мне нравится».

— Я понимаю, но если ты так будешь продолжать, то через девять месяцев у нас будет четверо близнецов, — ответила сквозь стиснутые зубы.

Он усмехнулся как настоящий негодяй.

— Мне кажется, я должен напомнить тебе о том, как рождаются дети.

— Я не хочу от тебя напоминаний.

— Я предлагаю тебе притвориться, что ты этого хочешь, потому что приближается сучка.

В этот момент Пенелопа услышала вблизи голос Ребекки:

— Дорогие мои! — воскликнула она снисходительным тоном первой леди, которая приветствует на пресс-конференции работников сталелитейного завода. — Кто-то предложил поиграть в старую тупую бутылочку. Хотите принять участие?

Короче говоря, практически все, оказываются сидящими в круг на полу, подобно тринадцатилетним, с той лишь разницей, что среди них вращается бутылка не Кока-Колы, а Möet & Chandon. В этом хороводе, Маркус выделялся как баобаб среди маков.

Правила немного отличались от обычных. Тот, на кого указывало горлышко в первом круге бутылки, может задать вопрос или попросить что-то сделать того, на кого падал жребий в последующих раундах. Пенни и Маркус сидели рядом и некоторое время не принимали участия. Наблюдали за вихрем нескромных вопросов и желаний, типа поцелуев, пощупать сиськи, чтобы проверить, настоящие они или нет, расстегнуть брюки, чтобы показать какие трусы носили, боксеры или плавки, и другие похотливые глупости. Затем, неожиданно, бутылка шампанского выбрала Ребекку, а за ней Маркуса. Сучка была слишком умна, чтобы не умолять его на глазах у всех засунуть язык ей в рот, хотя было очевидно, что она очень этого хотела. Мордехай не участвовал в игре, он ушёл в другую комнату, но Ребекка, в любом случае, была беспринципным человеком и слишком хитрой, чтобы рисковать обидеть своего жениха. Тогда, на первый взгляд, с улыбкой мягкой и романтичной спросила у Маркуса:

— Что ты испытываешь к Пенни?

Пенелопа содрогнулась подобно соломенному домику, на который дунул серый волк. Маркус даже не дрогнул. Уставился на Ребекку и, не отрывая взгляда, произнёс твёрдым голосом:

— Я без ума от неё и хочу трахать её двадцать четыре часа в сутки, тебе этого хватит?

Щёки Пенелопы покраснели, как и у Ребекки, хотя у каждой из них по разным причинам. Пенелопа чувствовала себя расстроенной и шокированной, а Ребекка скрывалась за своей неизменной улыбкой с красным от гнева лицом.

Игра продолжалась с другими вопросами и другими желаниями, до тех пор, пока жребий вновь не выпал на них. Бутылка выбрала Игоря, а затем Пенни.

Игорь, сидел напротив и весь вечер, не переставая пялился на неё, провозгласил с видом, словно бросал вызов:

— Хочу поцелуй.

Посмотрел также на Маркуса, который расположился рядом с Пенни, положив одну руку на своё колено и в свою очередь смотрел на Игоря глазами полными стали. Все вокруг зааплодировали, за исключением Ребекки, которая, казалась на грани нервного срыва. Игорь на четвереньках добрался до Пенелопы, пробираясь сквозь круг друзей, которые смеялись и толкали его с непристойными шутками.

— Но только если хочешь, — сказал он, когда приблизился достаточно близко.

Пенелопа вспомнила, что в шестнадцать лет, она дала бы бог знает что за поцелуй с Игорем или, просто за небольшой жест внимания с его стороны. Заметила, что Ребекка становилась всё более мрачной, словно этот вечер вообще не шёл, как она ожидала. Пенни почувствовала внутри себя дрожь возбуждения от мысли позлить её. Поэтому, даже если губы Игоря сейчас не были самыми приятными, как когда-то, ответила решительно:

— Согласна.

Взгляд Игоря мерцал, словно в глубине горела свеча.

Но никто из них двоих не посчитался с хозяином.

Пока Игорь над ней наклонялся, а Пенни предлагала свой невинный рот, Маркус, даже не прикладывая своему жесту особой силы, одной рукой оттолкнул Игоря назад. В то же самое время, другой рукой прижал Пенни к себе и поцеловал сам.

Это не был поверхностный или кроткий поцелуй. Произошло глубокое погружение, вторжение до её нёба, с битвой языков. Пенни почувствовала своё тело, как будто сделанное из мягкого хлопка и раскалённой лавы. Слышала вокруг себя гул голосов, но это было, как если бы жизнь отгородила всё вокруг скобками. Она не могла замечать ничего другого, чувствовать что-то другое, желать другого. Так что, в одно мгновение, даже испытала страх быть оставленной, который у всех на глазах вырвался стоном. Этот поцелуй не был просто поцелуем. Он произошёл как яркое проявление любви.

Но Пенни понимала, что это не была любовь. Она прекрасно знала, что Маркус просто проявил себя, подобно вожаку стаи, который не позволит какому-либо ведомому приблизиться к своей женщине, наказывая унижением и разрушая её. Она знала, что он не сильно беспокоится о ней и поцеловал её, как поцеловал бы миллион других. И что никогда бы он не поцеловал её, как целовал Франческу – не только с языком, но и с сердцем. Но в любом случае, для данного момента, её это устраивало.

Когда поцелуй закончился – потому что: к сожалению, закончился – Пенни осознала что все, действительно все, смотрели на неё, в том числе и Мордехай, который появился неизвестно откуда, с улыбающимся и немного мутным взглядом, как если бы он до этого момента пил по-чёрному.

Тогда Ребекка, которая не смирилась с тем, что не она являлась центром внимания – объявила об окончании игры. Пенни поднялась последней. У неё всё ещё кружилась голова.

Маркус протянул руку, чтобы помочь ей встать. Когда они замерли друг напротив друга, несмотря на разный рост, он сказал жёстким тоном:

— Мне приходится попотеть за те двести пятьдесят долларов, не думаешь?

— Если тебе так трудно, старайся меньше. Тебя никто не просил о такой реалистичной интерпретации.

— До тех пор, пока ты со мной, избегай тискаться с тем парнем. Моя женщина не засовывает язык в рот другого.

— Ни с кем я не тискаюсь! И я не твоя женщина!

— Для них ты моя. И для этого мудака со светлыми волосами – ты моя. Никто не тронет то, что принадлежит мне и точка. Однако если ты хочешь чтобы мы прекратили, можешь рассказать что это только спектакль, валяй, иди трахайся со своим другом, не делая из меня рогоносца. С самого начала вечера он смотрит на тебя, словно хочет вылизать на глазах у всех.

Пенни от удивления широко распахнула глаза.

— О чём... — промямлила заикаясь. — Ну ты знаешь, что ты...

— Вульгарный? Грубый? Невоспитанный?

— Именно такой!

— Я никогда не выдавал себя за принца, твою мать. И кстати, тебе безумно понравилось целовать этого вульгарного и невоспитанного.

— Это неправда! Я просто должна... должна играть с тобой в эти игры, чтобы...

Он подошел к ней и улыбнулся как тигр.

— Пенелопа, тебе понравилось, бесполезно придумывать сказки. Однако позволь мне заметить – ты целуешься так, словно мало работала языком. Твой романтичный жених предпочитал смотреть телевизор?

Пенни гневно уставилась на него. Она собиралась с пылом повторить защиту своего воображаемого жениха, когда в комнату вошла Ребекка.

— Конечно, вы двое не можете быть не вместе! — воскликнула она наигранно весёлым тоном. — Твой парень выдержит пять минут без тебя, не так ли? — громко и ворчливо спросила она Пенни. — Ненадолго, посидим только среди девочек?

Потащила её наверх, в сторону одной из многочисленных ванных комнат, которыми этот дом, казалось, оборудован. Перед зеркалами в обрамлении нефрита и такими большими, какие Пенни когда-либо видела, прежняя Ребекка сняла маску.

— Объясни мне, кто это? Платный жиголо?

Пенни приказала своим щекам, чтобы не краснели, а собственному голосу оставаться на высоте. Лучшим поводом упасть лицом, чем признаться, что да, этот абсолютно сексуальный парень не был её бойфрендом и к тому же был жиголо не в прямом смысле этого слова, поскольку взимал плату за каждый вздох.

— Но как ты смеешь? — ответила в ужасе.

— Слушай, невозможно, чтобы, такой как он, хотел тебя! Ты себя видела?

— Почему невозможно? Между мной и Маркусом есть особая связь, такая, что ты и этот недоумок Мордехай не сможете понять, потому что вас связывают только деньги.

Ребекка гнусаво засмеялась, пискляво и зло.

— А вас, что именно связывает вас? Послушаем... — провоцировала её.

Пенни и так выдержала больше, чем могла, она собрала всё своё мужество. Толкнула Ребекку назад и добралась до двери ванной. За мгновение, до выхода, она заявила надменным тоном:

— Любовь с большой буквы «Л», любовь имеющая глубокие корни, то, что ты никогда не испытываешь.

Выйдя из ванной, она закрылась на несколько минут в одной из комнат этого дома. Она должна была позволить своему дыханию вернуться к нормальному ритму. Лицо горело, руки дрожали, и свои ноги она чувствовала как резиновые. Ребекка была хитрой гарпиией, она наверняка также намекнула о своих же сомнениях и другим девушкам. Они будут смеяться за её спиной и эта встреча превратиться в очередное поражение.

Она осмотрелась и поняла, что вошла в спальню, просторную и роскошную, скорее всего, родителей Мордехая. Пенни посмотрела в овальное зеркало, укрепленное на одной ноге льва, которая, не только казалась позолоченной, а действительно была выполнена из золота, и увидела себя в полный рост. Она увидела, как жалкая маленькая девочка, преследуемая в течение шести лет стаей ведьм, которые вместо метлы сверкали шелковистыми конскими хвостами, оскорбляли, потому что скромная, потому что добиралась до школы на автобусе, носила всегда одни и те же туфли, и даже не была особенно в чём-то хороша. Не преуспевала ни по одному предмету, была неудачницей с парнями, но в основном, потому что молчаливо не поддавалась их запугиваниям. Реагировала, проявляя свою ненависть, смотрела на них всех не опуская подбородка и при возможности, на практике тонко им мстила. Однажды, они её заперли в тёмном чулане, надеясь заставить умолять, но Пенни не кричала, не звала на помощь, не плакала. Она молча ждала, пока смотритель случайно не обнаружил и выпустил её, настолько поздно, что пропустила последний автобус и была вынуждена возвращаться домой пешком.

Бог знает, сколько страха она испытала, пока находилась в этом тесном и тёмном пространстве. До тошноты. До потери сознания. Но Пенни не доставила им удовольствие

увидеть или почувствовать свои слёзы и своё отчаяние. Впрочем, через несколько дней, униформа девочек чирлидеров была украдена и затем найдена во дворе вся изрезанная.

Месть всегда позволяла ей чувствовать себя лучше, но не в этот раз. На самом деле, никто не смог поверить, что Маркус был её парнем. Было очевидно, что всё это является жалким обманом. В нормальном мире такие вещи не происходят. В нормальном мире такие парни как он, остаются с такими девушками как Франческа, и параллельно трахают большинство других девушек, в том числе типа Ребекки, но точно не типа Пенелопы Миллер.

Она застонала и, рухнув, села на большую двуспальнюю кровать с балдахином, закреплённым к жемчужно-белому дереву, и покрывалом из шёлка цвета бронзы.

В этот момент она услышала стук в дверь. В страхе, что это пришла хозяйка дома – даже если ей не нужна причина для стука, – она вскочила на ноги, покраснев ещё больше и испытывая неловкость. Она уже собралась оправдаться под любым предлогом, когда в дверь вошел Игорь.

Улыбнулся, сказав:

— Я искал именно тебя. Я видел, как ты поднялась сюда вместе с сучкой, а потом видел, как она спустилась одна. Всё в порядке?

Пенни кивнула, вновь машинально сев на кровать.

— Она заставила тебя плакать? Твои глаза... — продолжал Игорь.

— Никто не заставлял меня плакать.

— Я знаю и всегда восхищался тобой за это. Хотя, мне кажется, что ты выглядишь расстроенной.

— Когда это ты восхищался мной? — воскликнула Пенелопа с ироничным тоном.

— Когда мы вместе ходили в школу. Ты была крепкий орешек. И даже, если у меня никогда не было доказательств, и я не могу себе представить как, чёрт возьми, ты это сделала, я уверен, что именно ты – уничтожила абсолютно новый мобильный телефон Ребекки, в день, когда та пришла в школу со своим эксклюзивным ювелирным изделием, которым так много хвасталась. Как ты умудрилась стащить и засунуть его в унитаз в мужском туалете?

Пенни покачала головой.

— Если бы это действительно сделала я, то не буду рассказывать тебе, потому что ты её сообщник.

— Это не так. Я только наблюдал и никогда не участвовал в её фигне.

— Тот факт, что ты называешь «фигня» её гадости, показывает, что ничего ты не понял. Это не фигня, подстроить, чтобы кусочек торта, содержащий арахис попал в еду человека с аллергией на арахис, заставляя её обратиться в отделение неотложной помощи. Это не фигня, несправедливо обвинить кого-то в том, что списал задачу или унизить его перед всеми, потому что на рубашке имеется заплатка. И потом, кто не участвует во всём этом, но ничего и не делает для того, чтобы предотвратить зло, ответственен в той же мере. Напротив – это ещё хуже.

— Пенни, мне было всего шестнадцать лет.

— Даже Менгеле было шестнадцать лет, но я уверена, что добрый день у него начинался с утра. (Прим.пер: Автор говорит о Йо зефе Мэнгеле -немецком враче, проводившем медицинские опыты на узниках концлагеря Освенцим во время Второй мировой войны).

Игорь весело засмеялся.

— Ты сравниваешь меня с Менгеле? Окей, я тоже был осмотрительным маленьkim засранцем, но клянусь тебе – я изменился.

— Как же так? Почему ты изменил свои взгляды?

— Я просто повзрослел и понял истину.

— Ах, да? И позволь узнать какую?

— Большинство из присутствующих там — всего лишь кучка неудачников. Бывшие школьные королевы красоты преждевременно увядают, бывшие квотербеки провалились, а папины сыночки нюхают кокаин. Ребекка в тридцать лет будет выглядеть как твоя бабушка, вот увидишь.

— Моя бабушка лучше, чем она.

— Я всегда любил этот твой боевой дух.

— Спасибо Игорь, ты вообще офигенный лжец. Подожди немножко, — Ребекку не устраивает то, как складывается вечер. Она хотела увидеть меня долбаной нищебродкой и с более уродливым чем у неё парнем и так как этого не случилось то она перешла к плану «Б»?

— Что за план «Б»?

— Я не знаю, например, убедить тебя прийти сюда, делая вид, что ты на моей стороне, а потом сделать какую-то подставу? Типа затащить меня в постель и в самый приятный момент сделать несколько снимков, чтобы выложить в Твиттер?

— Ты не можешь действительно думать о чём-то подобном.

— Думаю, и ещё как. Яблоко не падает далеко от дерева. И я советую тебе сейчас же валить ко всем чертам. Если ты записываешь наш разговор, или если Ребекка стоит за дверью чтобы посмеяться, то вы оба должны знать, что...

— Слушай, Пенни, — перебил он твердо. — Ты мне очень нравишься, и нравилась уже в школе. Ты с первого дня меня заинтриговала, потому что среди кучки фальшивых бунтарей, ты была единственной настоящей бунтаркой. И потом, ты была хорошенъкая. Я всегда думал, что твои глаза и губы самые сексуальные в мире. Ранее, во время игры, я чертовски хотел поцеловать тебя. Жаль, что Маркус такой собственник. На мгновение я испугался, что он хочет меня убить.

— Перестань говорить ерунду. Меня ты не обманешь.

— Я не хочу обмануть тебя и это не ерунда. Хочу только объяснить, почему я никогда не сделал шаг вперед. Ребекка мне призналась что ты лесбиянка.

— Что?

— На самом деле, ты была такой особой, замкнутой и не встречалась с парнями. Не вини меня, если я поверил.

— Ты знаешь, как мне плевать на то, во что ты верил. Для меня вы оба, можете пойти и повеситься на своих кишках. А теперь я ухожу, этот праздник полное дерьмо.

— Без сомнения. Но насчет Ребекки... насчёт одной вещи ты угадала. Я думаю, она действительно собирается перейти к плану «Б», потому что ты не дала ей удовлетворение унизить тебя перед всеми.

— Я была уверена. И теперь, какой ход ты сделаешь?

— Я никакой. Она сама будет предпринимать следующий шаг.

— Конечно, я боюсь этой палки от метлы. Пусть начинает.

— Я... э-э... в это время она уже вступила в действие.

— В действие? Что ты имеешь ввиду? — спросила Пенни, оглядываясь вокруг, словно Ребекка действительно могла бы спрятаться где-то в этой большой комнате, полной настенных росписей.

— Не то чтобы она призналась в своих намерениях, мы не самые хорошие друзья какими были раньше. Но некоторое время тому назад она сказала Мордехаю, что спуститься в подвал, чтобы взять несколько бутылок хорошего вина.

— Надеюсь, что её съедят мыши.

Игорь покачал головой, наблюдая за Пенелопой с сожалением.

— Она попросила Маркуса сопровождать её.

Пенелопа быстро встала на ноги, с хаотичным биением сердца, отдававшимся по всему телу.

— А он? — спросила, прерывающимся от одышки голосом.

— И он согласился.

Она была уверена, что Игорь продолжал рассказывать что-то, поскольку слышала за спиной его голос, но не способна была бы пересказать о чём. Спустилась по лестнице на автомате с мышлением робота и такой же раскованностью движений. Напряжённая и отчаянная. Боль, словно туман просочилась внутрь через уши.

Внизу продолжался праздник без какого-либо интереса к её проблемам. Они усилили громкость музыки, ели, пили, танцевали, курили. Кто-то, полностью одетый нырнул в бассейн. Кто-то ещё листал альбом со старыми фотографиями.

Похожая на многие другие встречи — немного ностальгическая и немного циничная.

За исключением того, что Ребекка и Маркус в подвале, без сомнения, трахались. В этом она была полностью уверена.

Первая реакция была спросить у Игоря, где этот проклятый подвал.

— Я провожу тебя, — ответил он. — Но если ты туда спустишься и покажешь, что произошедшее заставляет тебя страдать, то позволишь ей выиграть, ты так не думаешь?

— Прекрати изображать советника, сукин ты сын, — огрызнулась Пенни. Проходя мимо шведского стола, она на лету схватила бокал с сухим Мартини и залпом проглотила его. Потом уставилась на Игоря с ненавистью, на которую была в этот момент способна, хотя большая её часть адресовывалась Маркусу.

— Так, я поняла — ты пришёл наверх, чтобы отвлечь меня своей болтовней, только для того, чтобы дать время этой суке сделать мне подножку.

— Нет, клянусь! Поверь мне!

— Да пошёл ты на хер! Скажи мне только, где подвал и проваливай.

Он ей объяснил, а потом Пенни категорично послала его куда подальше, так что Игорь отстал.

Спустилась вниз на один лестничный пролет. Нашла деревянную дверь, про которую объяснял Игорь. И обнаружила её запертой изнутри. Не было причин запираться там, если бы они не преследовали плохие намерения.

Пенни остановилась перед этим препятствием, и поняла, что плачет. Гнев, тщетные ожидания, разочарование. Испытывала всё вместе, как в кружащемся калейдоскопе и не могла перестать плакать.

Тогда она поняла, что войти и устроить сцену, было бы очень смешно.

«Он не твой парень.

И ты ему ешё даже не заплатила».

Покачала головой, как будто стояла напротив того, кого могла видеть и поняла из этого жеста, что её решительность прошла. Развернулась спиной к двери и вышла из дома, даже не оглядываясь случайно. Балансируя на своих туфлях в клетку, она оставила внутри своё пальто, но за всё золото в мире не хотела возвращаться за ним. Холод пронизывал до костей, а воздух был влажный после дождя, и Пенни хотела найти какой-нибудь транспорт, всё равно какой, только бы вернуться домой, прежде чем превратиться в сталагмит.

Спросила у прохожего, который выгуливал собаку, где находится автобусная остановка, и ей пришлось пройти ещё немного, чтобы туда добраться. В это время начался дождь. Дождь бил, как если бы Бог начал стрелять по земле гвоздями.

Она села под навесом на пластиковую скамейку. Капли дождя просачивались и попадали на лицо, на одежду, на обувь, уцелевшие в скуке на протяжении половины века и обречённые теперь на то, чтобы умереть за один дурацкий вечер. Пенни не хотела даже поднимать взгляд, сидела, сгорбившись, как страдающая тряпичная кукла, с заметными каплями слёз, которые, казались, сделаны из крема – такие они были плотные. Она больше не чувствовала своего сердца, не так как раньше, когда оно ощущалось повсюду, – теперь его не было даже там где должно находиться.

Он провела ледяной ладонью по щеке, и поняла, что руки тоже замёрзли.

«Я подхвачу бронхопневмонию. И надеюсь, что за это расплатятся все. А вы, по крайней мере, подхватите вирус эбола».

Автобус пришел когда её зубы стучали, а она сильно сжимала плечи. Она встала, чтобы подойти к дверям, насквозь промокшая и размазанной тушью для ресниц.

В это момент кто-то дотронулся до неё. Пенни закричала, инстинктивно бросившись в море из дождя.

Позади неё, нависая стоял Маркус.

Глава 14

Маркус

Если ждёт, когда я скажу, что она красивая, то глубоко ошибается. Хотя, возможно, она и не ждёт комплиментов. Пенни производит впечатление той, кто не считает себя милой, не говоря уже о том, чтобы ожидать такой оценки от других. Нервная и слишком резкая. Не хочет от меня ничего, кроме как хорошо сыграть свою роль в нужное время. Не притязает на второстепенную фигню, типа – браслеты, сделанные из цветов и позирование для фотографий с ослепляющими вспышками. Она просто хочет, чтобы мы сходили, и затем выбросить из мыслей и навсегда послать на хер все воспоминания молодости.

Берем такси и плачу я, или вернее – платит она, если учитывать, что за два часа мыльной оперы я получу двести пятьдесят долларов. В машине трясётся как листок. Терпеть не могу, когда она ведёт себя так, предпочитаю видеть её бойцом. Когда мне кажется, что она сделана из тонкого стекла, я инстинктивно пытаюсь удержать её от падения. Пенни, чёрт возьми, они вовсе не монстры с семью головами! Несколько идиотов! Ты знаешь, что они были ими тогда и остались такими же сейчас.

Когда мы приходим, у меня появляется подтверждение этого. Жених, тот, что с именем как у мудака – самый настоящий мудак. А так же сидит на чём-то – не лёгкие наркотики, никакой травы, судя по всему, нюхает кокаин. Враг Пенни, Ребекка, отлично одетая шлюха, но она навсегда останется шлюхой. Учитывая что она одного с Пенни возраста, то выглядит хреново. По крайней мере, я бы ей дал лет тридцать. Она не выглядит такой же помятой, как и её карлик-жених, но я, собственно, не сомневаюсь, что и она что-то принимает. Едва меня видят – у них проявляется нормальная реакция. Он чувствует угрозу, она возбуждается. Я уже привык. Ничего нового.

Итак, представление начинается. Вплетаю свои пальцы в пальцы Пенни – я ни разу не оставался с кем-то так долго рука об руку. Франческу это дерьмо не беспокоит, потому как чаще всего, руки нам необходимы свободными, чтобы надрать кому-нибудь задницу или держать в руках нож. На мгновение, только на одно, его не достаточно даже чтобы опустить ресницы, у меня возникает странное ощущение, заставляющее вспомнить как в первый раз, когда мне было десять лет, я пил алкоголь. Первый глоток пива. Бодрость, дрожь и головокружение. Но потом оно прошло, также пройдёт и сейчас.

В одном Пенни не ошиблась – Ребекка её ненавидит, и я вижу, что парень с вьющимися волосами её хочет. Не упускает её ни на минуту из виду и зло смотрит на меня, когда думает, что я не вижу.

Замечаю, что Пенни обращает на него внимание и краснеет, и этот факт меня бесит.

Почему это меня злит так сильно?

Это не имеет никакого смысла.

Окей, сбрасываем всё: бодрость и дрожь от холодного пива, и раздражение.

Я тут лишь только для того, чтобы заработать двести пятьдесят долларов, а не для того, чтобы выдвигать предположения о том, кто кого хочет трахнуть, и, глядя на кого, она краснеет, потому что кто-то на неё смотрит.

Вполне вероятно, этот тип нравился ей в школе, а он никогда не обращал на неё внимание. Может быть, в дополнение к тому, чтобы разозлить Ребекку, Пенни возлагала надежду получить ещё и это: морально отомстить этому придурку, который её продинамил. Почему в школе он её игнорировал, я не знаю, но дело в том, что теперь он её хочет и это вызывает отвращение.

Танцевать с Пенни – странно, прежде я ни разу ни с кем не танцевал. Лишь однажды, когда-то, в детстве, с мамой. У меня пронеслось молниеносное и внезапное воспоминание: мне восемь или девять лет, но я уже выше, чем мама, протягиваю ей руку и делаю нелепый реверанс. Я уже об этом позабыл. Но теперь эти воспоминания вернулись все вместе. Я помню даже её слова. Она сказала: « В один прекрасный день пригласишь свою даму на вальс». Это безумно сентиментально, учитывая обстоятельства. Придумывала для меня будущее, полное сердцеиений, венских вальсов и алых роз для единственной и совершенной женщины, которая появилась бы неожиданно, словно Золушка, потерявшая хрустальную туфельку на ступеньках дворца. Верила в то, что где-то существует любовь, снаружи своей комнаты, за пределами собственного тела и жизни. Она сделала всё возможное, чтобы убедить меня в этом, но так никогда и не смогла. Мне нравилось её слушать, как безнадёжно больному нравиться враньё жалкого врача, но я прекрасно понимал, что всё это была ложь начинаяющей принцессы, разочарованной в жизни. Любовь для меня соответствовала пачке купюр на тумбочке, целому ряду ругательств, запаху пота и запаху крови.

Впрочем, пока танцуя с Пенни, я ощущаю лишь только запах её волос. Они пахнут земляникой. Обнимаю её и чувствую твёрдое и нерешительное тело. Спрашиваю самого себя – она напряжена из-за меня или же всей ситуацией в целом. Мне интересно, может быть она хотела потанцевать с этим придурком с золотыми кудрями, и от этого предположения , я вновь прихожу в бешенство.

Так что, когда мы играем, сидя в кругу словно дети-идиоты, я её целую и всё. Инстинктивно, едва только кретин приближается, я чувствую, как пена безумия заполняет мои лёгкие. «Ты не тронешь её, ублюдок». И пока её целую я ни о чём не думаю. Я думаю только о её губах, её языке, её дыхании и её волосах, пахнущих земляникой. Будь мы одни, то я бы уже задрал её юбку и взял бы мощными толчками. Но мы не одни и вскоре фоновый шум возвращается, чтобы доминировать на сцене, и я чувствую себя в замешательстве, начинаю испытывать ярость, а себя ощущаю плохим парнем.

Когда я так себя чувствую, то начинаю оскорблять. И с Пенни у меня выходит проще всего вести себя, как дермо и не знаю почему. Правда в том, что я действительно хочу затащить её за дверь, за занавеску, за любую ширму и проскользнуть между её бёдер, без единого звука в объяснение. Окей, это уже понятно, девушка меня привлекает. Ничего загадочного, я молодой мужчина, у которого всё хорошо работает. Я мысленно повторяю себе это раз десять, в то время как выливаю на неё целую канистру дерма. Я всего лишь мужчина.

Вдруг Ребекка утащила её от меня.

Я остаюсь внизу, но подхожу к лестнице, ведущей наверх. Не следую за ними, но остаюсь поблизости. Через некоторое время спускается Ребекка и, как только замечает меня, ведёт себя словно шлюха. Приоткрытый рот, высовывает кончик языка, расширенные зрачки, самодовольная ухмылка. Схватила меня за руку и говорит, что Пенни скоро спуститься, а я тем временем, не мог бы вместе с ней спуститься в погреб и взять вина?

Конечно, я составлю тебе компанию, моя дорогая шлюшка.

Её жених, с лицом придурка, ничего даже не замечает или возможно счастлив, что иногда кто-то трахает красотку, потому что, наверняка, у него не встанет со всем этим коксом, что посыпает себе в нос.

Идём вниз, в прохладное помещение наполненное рядами бутылок, отделанное деревом и окрашенное в цвет льда. Мы подошли к самой дальней стене, где хранятся более редкие и дорогие сорта.

Ребекка начинает скользить руками по горлышкам бутылок и смотрит на меня, затем берёт одну и начинает гладить со смыслом. Её глаза блестят странным синим светом, она приближается ко мне и трётся, похотливо извиваясь. Трогает мои руки, живот, ширинку брюк.

— У тебя очень хорошая фигура Маркус.

— У меня да, а у тебя?

— Я лучше, чем Пенни.

Я её оглядел с кривой ухмылкой.

— Серьёзно?

— Да.

— Давай посмотрим. Раздевайся.

Ребекка смеётся и начинает опускать на боку молнию. Медленно, плавным движением снимает своё платье, делая всё сексуально. Платье падает на пыльный пол. Остаётся стоять в кружевном боди, сидящем на ней как на селёдке, засунутой в игольное ушко.

— Снимай всё, — приказываю ей.

Моя решительность ей нравиться — она облизывает губы, а её лицо краснеет. Остаётся стоять голая: с небольшими, но полными сиськами и полностью выбритым лобком.

Качаю головой.

— Нет — говорю, оценивая её с лицом мудака. — Ты не лучше Пенни.

Она широко раскрывает глаза, словно кролик, пойманный в центр от фар внедорожника.

— Но как...

— Мне очень жаль, но мой член не хочет сотрудничать, — говорю спокойно я. — Напротив, видя тебя, мне ещё больше захотелось трахнуть Пенни.

— Эту суку! Всё равно я уверена, что она тебе заплатила! Но я дам тебе больше! Наверху у меня чековая книжка, две тысячи долларов тебя устроит?

— Если хочешь мне заплатить, то тебе это будет стоить гораздо дороже, чем две тысячи долларов. Но тут не вопрос денег. Дело в том, что меня от тебя тошнит. Я не хочу засовывать себя в канализацию.

Сказав это, поворачиваюсь спиной и ухожу, оставляя её голой и злой. Кажется, я слышу ругань, но мне всё равно, поскольку для меня это имеет меньшее значение, чем ничего, чтобы попытаться точно выяснить, что она сказала.

Я не могу найти Пенни. На мгновение меня посещают мысли, что возможно она тоже где-то зависла с тем типом, что смотрел на неё как на шоколад. От этого не могу прекратить сжимать кулаки.

Затем я вижу его и останавливаюсь.

— Где она? — спрашиваю его, и мой злой голос заставляет его нахмуриться.

— Если ты имеешь в виду Пенни, то она ушла. Если ты имеешь в виду Ребекку, то ты должен знать лучше меня.

— Она ушла? Когда?

— Примерно десять минут назад, после того как узнала какой ты подлец.

В другой раз я бы больше заострил своё внимание на его комментарий, но я волнуюсь за Пенни, и его тон проходит сквозь меня, но оставляет странно равнодушным.

— Куда она пошла?

— Откуда я знаю? Она не захотела, чтобы я её проводил.

— Она взяла такси или что?

— Она даже не взяла пальто. Вышла и всё. Уверен, что ты кусок дерьяма. Если ты с Пенни, что ты забыл с такой как Ребекка? Но возможно, это правда — чем больше мышцы, тем меньше мозг.

Я хватаю его за воротник рубашки.

— Надейся, что с ней ничего не случилось.

— Надейся ты тоже.

Он не ошибается. Это же не его вина. Я был с Пенни. Это я тот, кто должен думать о ней. Сдерживаю сильное желание врезать ему по яйцам, чтобы стереть с его лица это обвинительное выражение, и выхожу из дурного дома.

Идёт дождь. Я смотрю вокруг, но её и след простыл. У меня сердце ушло в пятки.

Окей, успокойся. Она не маленькая девочка, а взрослая и с хорошим иммунитетом. Да, мы пришли вместе, но мы же не заключили договор на крови. Если она ушла? Её дело.

Но до конца я не могу в это поверить. Часть меня понимает, что я грёбаный лжец. Вспоминаю напуганное выражение её лица до прибытия, её влажные и кристально чистые глаза, и прихожу в ярость, злясь на самого себя.

Я пытаюсь дозвониться ей на сотовый, но никто не отвечает. Из меня вырывается куча ругательств.

У неё с собой не было достаточно денег, и поэтому она не могла взять такси. Станция метро находится слишком далеко отсюда. Может быть автобус?

Спрашиваю, где находится ближайшая остановка у пары прохожих, которые пробегают в надежде укрыться от проливной воды. И бегу как сумасшедший.

Потом под навесом, который ни от чего не защищает, вижу её. Сидит на скамейке, а взгляд направлен на грязную дорогу. Приезжает автобус, разбрызгивая повсюду воду. Пенни встает, чтобы сесть в него. До конца не понимаю что делаю, но в основном, толком не понимаю, что я чувствую: осознаю только то, что как только обнял её сзади, сильно сжимая, чувствуя себя, словно завоевал что-то очень важное.

Глава 15

Увидев его, Пенни сильно вздрогнула, а вырвавшийся крик несколькими мгновениями раньше, превратился в удушающую икоту.

— Мудак! — выкрикнула она ему, извиваясь, пока не оттолкнула его. Села в автобус и Маркус последовал за ней.

В салоне автобуса было мало людей, всего несколько человек, сидящих на передних сиденьях. Пенелопа села на первое попавшее место. С волос ручьями стекала вода, словно из трубы, полной дыр. Она принялась смотреть в окно, с гротескно показным безразличием. У её ног собралась лужа из дождевой воды, но она продолжала смотреть на дождь за окном, как будто хотела ещё и ещё, а присутствие Маркуса являлось эквивалентом невидимки или вымерших животных.

На самом деле всё было вверх дном. Она дрожала, немного от холода и немного от гнева. Сжимала кулаки, демонстрируя свою волю к надвигающейся вечной войне.

— Ты должна была меня подождать, — сказал Маркус.

Она повернулась и бросила ему взгляд, который источал жестокость. Но это была жестокость, лишённая уверенности, рискующая закончиться морем слёз. Затем она представила себе его и Ребекку, как они занимаются в подвале сексом и потешаются над ней. Гнев с новой силой закипел в Пенни.

— Убирайся, — фамильярно сказала ему. — Между нами разрывается любое соглашение. Иди и сядь с другой стороны, не хочу видеть тебя рядом со мной. Меня от тебя тошнит.

— Перестань говорить ерунду, — ответил он холодным тоном, что разозлило её ещё больше.

Поднявшись с сиденья, прошла мимо него, красноречиво показывая свою неприязнь, и остановилась рядом с одной из дверей, держась за металлический поручень. Практически с той же скоростью Маркус встал рядом с ней. Они так и оставались стоять — не разговаривая, она насквозь промокшая и уязвимая, едва не падая при каждом торможении и повороте, но всегда оказывалась в его руках, поддерживающих её. Каждый раз Пенни требовала её не трогать, и каждый раз её сердце делало сальто, заставляя чувствовать себя не только несчастной, но и беспомощной.

На одной из многочисленных остановок, Маркус взял её за руку.

— Сойдём здесь, — сказал он, потянув её из автобуса.

— Нет! Это ещё далеко от дома!

Он никак не показал, что услышал её. Продолжал держать и тянуть за руку, словно был уверен и точно знал куда направляется. Дождь немного ослаб, но создавал вокруг безжалостный холод.

Маркус остановился перед закусочной, которая, казалось, вышла пряником из эпохи брюк клёш и причёсок в виде ласточкиного гнезда. Они прошли через стеклянную дверь в широком металлическом каркасе из полированной латуни, над которым высилась надпись «GOLD CAT». Задушевным тоном Маркус поприветствовал далеко немолодую даму, стоящую за прилавком.

— Шерри, можешь дать нам полотенце?

Женщина с готовностью кивнула. Ей было около шестидесяти, маленькая и пухленькая, с гребнем цвета жёлтого золота в светлых волосах, слишком ярких, чтобы быть натуральными, и подстриженная как Фэрра Фосетт в «Ангелах Чарли». Вся закусочная от пола и до люстр, была выполнена в жёлтых тонах, а в зале за столиками сидели три или четыре клиента, которые поедали горы пюре, тонувшие в соусе и

пирожные, покрытые глазурью. Кто-то сидел за барной стойкой, уставившись в старый, тихо работающий телевизор.

Маркус продолжал её тащить, направляясь в дамскую комнату: маленькое помещение, лишённое изысканной плитки как в доме Мордехая, но чистое и без ползающих тараканов. Он вошёл вместе с ней, не обращая внимания на стилизованный символ женщины в юбке, висящий на двери. Словно точно знал что делать, Маркус направился к одной из сушилок, закреплённых на стенах и подающих горячий воздух, и звучно ударил. Сушилка для рук включилась, выбрасывая струю горячего воздуха, способную выкорчевать дуб.

— Иди сюда, — приказал ей. — Высуши волосы. Сейчас придёт Шерри.

Пенни, расстроенная и шокированная наблюдала за ним.

— Но где мы находимся? И кто эта Шерри?

Именно в это момент вошла дама с белыми, словно сахар волосами.

— Ты вся мокрая! Обсушись, иначе заболеешь! А ты убирайся отсюда, негодяй, это же дамская комната.

Маркус ей улыбнулся добром улыбкой и вышел сопровождаемый женщиной. Пенни осталась в компании горячего потока воздуха, под которым чувствовала себя заново рождающейся. Через некоторое время она услышал стук в дверь.

— Я могу войти? — спросил Маркус.

Пенни посмотрела в зеркало, и увидела картину полного беспорядка, как после урагана. Её волосы стояли торчком вверх, макияж расплылся, а нос покраснел, как кожура у яблока. Она попыталась расчесать волосы пальцами, но конечный результат не показался ей лучше того, с чего она начала.

«Кого это заботит».

Он вошёл без разрешения.

— Лучше стало? — спросил он. — Иди в зал, мы что-нибудь поедим.

— Я поем дома.

— Поешь здесь. Хотя бы один кусочек пирога.

— Ты ненормальный.

— Никогда и не говорил ничего подобного. Платье высохло?

— Да, но...

Он подошёл к сушилке с горячим воздухом и снова ударил. Та замолчала, как убитый лев.

— Это единственный способ, чтобы включить и выключить её.

— И когда нет тебя, прокравшегося в женский туалет, как дамы это делают? — спросила его иронично.

— Никак. Пойдём.

— Прекрати тащить меня повсюду как пакет, меня это раздражает.

— Я не хочу, чтобы ты снова сбежала.

— Я никогда не сбегала.

— Да, во-первых, из дома этих уродов.

— Я не сбежала. Я ушла. И если я захочу повторить ещё раз, то сделаю вновь.

— Даже не думай.

— Ты угрожаешь мне?

— Я просто хочу, чтобы ты что-нибудь съела, пару минут отдохнула и выслушала меня. Идём, Шерри уже подготовила горячий кофе и отличный яблочный пирог.

Несмотря на всё, Пенни испытывала голод и не могла противиться этому предложению. Через пять минут они уже сидели за столом, расположенным рядом с

витриной, на которой, золотым маркером, кто-то нарисовал кота с длинными усами и мурлыкающей улыбкой.

Пенни поглощала пирог и пила кофе, словно завтра никогда не наступит.

— Сколько ты ешь? Похоже, что ты голодашь уже месяц. Будешь ещё кофе?

— Нет, достаточно.

— Теперь ты не такая идиотка как раньше?

— Я никогда не была идиоткой!

— Раньше да, когда ты *сбежала*. Ты удосужишься выслушать меня?

— Нет.

Неожиданно, Маркус протянул руку через стол и взял её за руку. Пенни отдернула её назад, словно получила удар от электрического тока. Он фыркнул, а затем сказал:

— Я не трахался с Ребеккой.

— Знаешь, как мне насрать на то, что ты сделал! — воскликнула она. Однако, непосредственно в следующий момент вспыхнула мысль, что она в состоянии вспомнить о своих правах в их договоре и поэтому выпалила: — Знаешь, что я тебе скажу? Напротив, мне не насрать, да ещё как! Мы договорились на деньги! Поэтому ты должен осознавать всё то, что ты делал за время, пока работал на меня!

— Пенни, не перегибай палку. Я ни от кого не зависим. Однако Ребекку я не трахал. Довольна?

— Можно не трахать, но сделать многими другими способами, — расстроено фыркнула она, глядя в окно.

— Ничего не произошло.

— Ничего? И тогда зачем ты ходил с ней в погреб?

— Потому что я понял, чего она от меня хочет. Мне было интересно увидеть, как далеко она готова зайти, а затем послать её на хер.

— И...

— И я послал её на хер.

— Ты говоришь... правду?

— Почему ты удивляешься? Она космический унитаз и сука, каких мало.

— Ты находишь, что... она уродина?

— Я считаю, что она гнилая и уже начинает плесневеть снаружи.

— Но как ты узнал, что... что тебе не понравиться? И если потом, пока находился там...

— Ничего не произошло. Пока я там находился, то думал лишь о том, что этот чёртов подвал воняет сыростью.

— Ты определённо ненормальный, Маркус.

— Я не трахаю всё, что имеет отверстие. Минимальный выбор делаю даже я.

— Она меня сейчас возненавидит ещё больше, чем раньше.

— Тебя это волнует?

— Ни капли. Угостишь меня ещё одним кусочком пирога?

— Всё равно ты платишь.

— Я поняла, мне придёт отдельный счёт за расходы.

— Что-то в этом роде.

— Какой же ты кретин. Я никогда не встречала кого-то, более привязанного к деньгам.

Он кивнул Шерри, и та принесла другой кусок пирога. Пенни заметила, что он смотрел и улыбался ей как любящий сын. Когда они вновь остались одни, то спросила его:

— Кто она? Откуда ты её знаешь?

Несколько секунд Маркус помолчал, и Пенни подумала, что спросила что-то не то, а это молчание означает «занимайся своими делами». Вместо этого, просто чудо, но он ей ответил.

— В детстве я называл её тётей, даже если она не моя тётя в действительности.

— В детстве? — удивлено воскликнула она. — Значит, ты уже кого-то знал в этом городе?

— Да. Я остановился здесь ещё и по причине — узнать как она. Ничего особенного.

— Напротив, я считаю, что это фантастика. Иметь кого-то, кто напоминает нам о детстве. Если бы не моя бабушка, то я тоже была бы без семьи.

— Я, наоборот, предпочитаю забыть своё детство. Но её обожаю по-прежнему. Это была не её вина.

— Её вина?

— Ты закончила набивать брюхо?

— Да.

— Дождь перестал. Попробуем добраться до дома. Мы недалеко.

Незадолго перед выходом на улицу, добрая Шерри подошла к Пенелопе и обняла её.

— Спасибо, — сказала она и Пенни вышла с сомнением, что, по какой-то тайной причине, её разыгрывают.

«Почему я чувствую себя так хорошо рядом с ним?»

Она спрашивала себя десятки раз, пока они шли вместе в темноте, густой, словно патока.

По пути они обменялись несколькими словами, как вдруг Маркус спросил:

— Тебе холодно?

— Немного, но мы почти пришли.

Ничего больше не говоря, он снял пальто и протянул ей.

— Всё в порядке, спасибо, — ответила Пенни, отталкивая его рукой.

— Надень это чёртово пальто.

— У тебя добрые намерения, но ты выражашь их как портовый грузчик.

— Если не хочешь, я его заберу.

Пенни закусила нижнюю губу. Было холодно, ещё как.

— Окей, спасибо.

Надела пальто и ей показалось, что оно сделано из металла и имело шлейф. Огромное, тяжёлое и длинное. Но сохраняло тепло и пахло Маркусом.

Ещё часть пути они продолжили в молчании. Небо становилось светлее, а звезды казались осколками стекла.

— Я думаю, что знаю, почему Ребекка доставала тебя в школе, — через некоторое время сказал Маркус.

— Я знаю, почему она доставала меня. Потому что я не была богатой и красивой, и она чувствовала себя запачканной просто моим существованием.

— А также и в основном, потому, что ты нравилась тому парню... как там его зовут?

— Кому?

— Парень с выющимиися волосами.

— Игорь?

— Но, что за дермовые имена у всех них?

— Перестаньте все болтать о том, что я нравилась Игорю.

— Кто ещё тебе сказал?

— Хм... он.

— Он сказал, что ты ему нравилась?

— Да, но он меня разыгрывал.

— И когда он сказал тебе об этом?

— В то время когда ты вёл себя как мудак с Ребеккой.

— И он сказал, что ты ему всё ещё нравишься?

— Что это такое? Допрос?

— Я хочу знать.

— Ты хочешь, хочешь... ты всегда приказываешь. В любом случае, да, я ему всё ещё нравлюсь. Но думаешь, я ему верю?

— А тебе?

— Что?

— Он тебе нравится?

— Прекрати, — проворчала она, думая о том, насколько бессмысленный этот разговор.

«Нет, мне не нравится, потому что мне нравишься ты, засранец».

— В любом случае, Ребекка ревновала к тебе, — заключил Маркус. Достал из кармана пачку «Честерфилд» и взял сигарету. Она подумала, что вот уже несколько часов как он не курил, и было странно видеть его без этого белого приданка, висящего на губе. Последующие несколько минут он яростно курил.

— Подобное предположение — полный абсурд. Я надеюсь, мне не придётся больше иметь дело со всеми ними, от первого до последнего, — заключила Пенни.

— Включая Игоря?

— Я же не дура, чтобы позволить очаровать меня двумя коровыми глазками.

Он закурил ещё одну сигарету, они заканчивались так молниеносно, словно были сделаны из воздуха. Глотки отравленного кислорода. Через несколько минут Маркус повернулся к ней и вернулся к расспросам:

— Он строил тебе глазки?

— Ах, да, представляешь, я нравлюсь парню? Возможно, я не вызываю мгновенного разрыва сердца, но на длинных дистанциях произвожу запоминающееся впечатление. Конечно, до сих пор речь шла в основном о психопатах, но это не моя вина. Не делай лицо, как будто тебе интересно, что такого остальные могут во мне найти.

— У тебя короткая память.

— Да?

— Мне казалось, было ясно, что я тоже тебя считаю... как бы это сказать... трахабельной.

— Ах, правда и раз тебя не привлекают все существующие дырки, то мне следует чувствовать себя польщённой этой уступкой. Но, кто знает почему, я думаю, что включу тебя в группу психопатов.

Маркус засмеялся, впервые за этот странный вечер.

— Ты недалека от истины, — признал он.

— На самом деле я тебе нравлюсь... в этом смысле?

— Трахнул бы тебя? Да, но я этого не сделаю.

— Почему нет?

— Потому что ты станешь ловушкой.

— Ловушкой?

— Ты не на одну ночь. И я не ищу историй. Они у меня уже есть.

— А если я поклянусь тебе что хочу того же? Секс и бай-бай – подразумеваю.

Маркус нахмурился.

— Пенни, не играй.

— Кто играет? Мне двадцать два года, а не восемь, и я сделана из плоти и крови. Конечно, я не трахаюсь с любым за баром, такое никогда, но в определённый момент я тоже могу иметь необходимость... в быстрой встрече и без осложнений, ты так не думаешь? И я знаю тебя достаточно, но не слишком хорошо. Это не будет чем-то грязным, но в тоже время и неважкое. Что-то среднее.

— Я сказал тебе завязывать.

— Правда, в том, что я тебе не нравлюсь. Твои слова просто отговорки.

Они подошли к дому, который стоял в темноте как старый сломанный монолит. Снова не хватало света, и Пенни достала мобильный телефон из сумки.

Было несколько пропущенных звонков от Маркуса, три с неизвестных номеров, и столько же смс. Она начала читать перед входной дверью, пока Маркус курил и курил, в состоянии яростного безумия.

Написал Игорь.

Как он раздобыл номер телефона?

«Всё в порядке, Пенни? Ты вернулась домой? Это я, Игорь».

«Не заставляй меня волноваться, я видел тебя слишком расстроенной».

«Если Маркус оскорбляет или злит тебя, помни обо мне».

— Вот, видишь? Учитывая, что ты такой бесценный, как принцесса-девственница, я уже нашла кого-то для утешения. Может быть, Игорь говорил искренне.

Она игриво подняла мобильный телефон, показывая сообщения. Он не смотрел на них, не смотрел ни на что, кроме её глаз. Бросил на землю сигарету жестом, который, показался акробатическим, и она приземлилась в дальнюю лужу. Затем он схватил Пенни за запястье и с угрожающе близкого расстояния сказал ей:

— «Принцесса-девственница» мне никто и никогда такого не говорил. Окей, выиграла ты. Поднимайся ко мне, я покажу тебе, кто принцесса.

Через десять минут они были уже в мансарде, и сердце Пенни угрожало задушить её за горло. Маркус снял ботинки и свитер и ходил по дому полуголый. В тусклом свете его татуировки казались тёмными сигналами опасности. Сегодня он не надел свой кожаный шнурок и когда повернулся спиной, то Пенни увидела ещё одного морского ската, больше чем на груди, который развернул крылья до ягодиц. Она смотрела загипнотизировано, на нанесённые на загорелую кожу татуировки, и казалось, что они ожидают при каждом движении.

— Хочешь кофе? — спросил он, пока возился со старой электрической кофеваркой.

— Я да. Сегодня ночью хочу поразвлечься.

Пенни ответила согласием, молчаливо кивнув. Она в свою очередь сняла пальто и обувь и стояла посреди комнаты, как пустая и неустойчивая вешалка.

— Устраивайся поудобнее, — пригласил ещё раз Маркус. Он говорил ироничным тоном, а глаза сияли, как в темноте они сияют у хищных птиц.

— Я устроюсь поудобнее когда мне заблагорассудиться, — пробормотала она ему.

«Я знаю, что ты делаешь. Ты провоцируешь меня. Думаешь, что мне не хватит мужества довести до конца это безумие, что я никогда не пересплю с тобой. Ты меня

пугаешь, чтобы я убежала. Но я не убегу. И потом, есть одна вещь, которую ты не знаешь. Ты не знаешь, что я люблю тебя».

Это признание пронеслось в её мыслях, словно пистолетный выстрел.

«Я люблю тебя».

Когда это случилось? Как? Почему? Этого она не знала, но понимала, что уже произошло. Это был первый раз, когда она признавала с такой откровенностью. Всё это не являлось новым чувством, неоперившимся, ужасающим, которое исходило от чёртова яблока, истекающего кровью на его груди, и перемешивало всё остальное.

«Если я буду ждать, когда ты меня полюбишь, то умру девственницей. Так что достаточно того что люблю я, а с тобя довольно ощущений».

Тогда, решительным шагом она подошла к кровати и села. Маркус наливал кофе в чашки и не сразу обратил на это внимание. Когда он увидел её на кровати, то нахмурился, вместо того, чтобы позлорадствовать. Кофе вытек на стол.

— Какого чёрта...

— Ты принесёшь мне этот кофе? Я тоже собираюсь сегодня ночью поразвлечься.

Он подошёл, серъёзный и яростный.

— Скажи, что ты пошутила, и мы закончим на этом.

— Я вообще не шутила. Не ошибайся на мой счёт. Я не крылатая фея и не хочу твоей любви, я просто хочу секса. Трахни меня, как ты делаешь с другими и перестань создавать угрызения для совести.

— Пенни, ты не понимаешь, какой огонь собираешься зажечь.

— Я понимаю, ещё как. Я разглядела огонь.

Она указала на его джинсы, где совершенно чётко виднелся знак огня, о котором говорили. Очевидная эрекция натягивала ткань его брюк.

«Из-за меня?»

Итак, Маркус сел на кровать. Бросил на неё последний яростный взгляд и затем, без каких-либо других остановок, сжал рукой её затылок и поцеловал. В итоге, Пенни лежала, а его язык вновь, в течение нескольких последних странных часов, бороздил её губы, рот, зубы. Мягкий, проникающий, лишающий девственности. Она облизывала его в свою очередь, тяжело дыша, как та, что знает чего хочет, даже если была не совсем в здравом уме. Может быть, она должна сказать ему, что ещё девственница, но, если бы она это сделала, то он бы отступил, Пенни была в этом уверена. А она не хотела, чтобы Маркус отступал.

Маркус проскользнул рукой под платье, которое шумело, как рой пчёл. Должно быть, мудак раздел многих женщин. Или, возможно, только одну, но внимательно. Он двигался, как если бы точно знал, где всё находится: петли, крючки, то, что необходимо поднять и то, что необходимо заставить скользнуть. Снял с неё платье через голову, и Пенелопа покрылась мурашками от абсолютной любви и скрытого страха. Сердце стучало так, как оно бьётся в мгновение перед смертью, с силой последнего прощай. Она оказалась в трусиках и лифчике перед его глазами, рассматривающими её, и спросила себя: был ли это только один из многих снов, которые она видела по ночам за последний месяц? Его руки снимали всю одежду, а его язык, медленно, но импульсивно дегустировал кожу, и говорили ей, что всё реально, слишком реально. Маркус нежно надкусил её соски. Гладил их кончиками пальцев, наполняя её лёгким ознобом, бьющимся с сердцем в одном и том же темпе.

Затем скользнул к бёдрам. Он поцеловал и там, зафиксировав её ноги. Пенни ненадолго потеряла чувство реальности, места, времени. С взглядом, зафиксированным на окне в крыше, мокром от лёгкого и тихого дождя, и на самом деле ничего не видя, потому

что её глаза наполнились крошечными искрами удовольствия и счастья. Она наслаждалась этим ненасытным прикосновением к центру её тела, которым угощала как полной чашей. Ничто её не волновало, и если бы она могла, то, осталась так на всю оставшуюся жизнь. Однако, немного погодя, Маркус оторвался от неё. Он поднялся на ноги и посмотрел на неё глазами голодного хищника. Замер рядом с кроватью, в полумраке. Наконец он испустил вздох, который был почти как хрип и снял штаны. На мгновение Пенни затрясло, как это случилось в переулке. Но страх того что он будет внутри, был меньше чем нужда и желание чувствовать его внутри.

Маркус достал из ящика презерватив. Быстро открыл зубами. Собрался раскатать, но Пенни остановила его.

— Могу это сделать я? — спросила она.

«В какой части меня пряталась эта бесстыдная тварь? Из какого романа, фильма или сериала я научилась такой наглости?!»

Он кивнул, и она увидела, что его горло дернулось при глотании, как будто смотрел на происходящее и видел что-то новое и таинственное, хотя, должно быть делал в миллионный раз. Пенни попыталась сдержать дрожь своих неуклюжих рук. Попыталась не показаться глупой, той, что никогда не делала такого. Никогда этого не делала, и поэтому чувствовала себя немного глупо, но справилась лучше, чем ожидалось.

Затем они вновь легли. Маркус поцеловал её снова, целовал так хорошо, что она могла бы испытать оргазм только от его языка, переплетающегося с её собственным. Затем стиснул бедра, подняв немного, и вошёл в её тело.

Спустя мгновение, удовольствие исчезло, уступив место острой боли. Это было, как если бы кожу ранили лезвием раскалённого металла. Она имела полное право закричать: «Остановись, подожди, двигайся медленно, я сделана из стекла».

Однако не сказала. Вырвался только небольшой крик, который мог быть ошибочно принят за звук удовольствия, и сдерживала слёзы.

Маркус начал двигаться с порывом мужчины, кто не лишает девственности. Путешествовал внутри неё, вперёд и назад, как неумолимый таран, и в то же время целовал, лизал горло, сжимал грудь, сжимал бёдра, заставляя её выгибаться. Пенни держала глаза открытыми, чтобы видеть его — его руки, грудь, живот, словно прилипший к её, его живой ключ, открывающий её в первый раз в жизни.

В какое-то мгновение он прошептал:

— Я кончу.

И Пенни ответила ему:

— Да.

Взволнованная, словно он преподносил ей удивительный дар, она почувствовала, как он вошёл глубже. Пенни показалось, что он постучал в дверь её рёбер, после чего ритм стал ещё более возбуждённым. Его голос был рычанием, язык был копьём и, наконец, он взорвался внутри, как звезда.

Маркус упал на неё, хрипло дыша, как спортсмен, который пересекает финишную черту. Пенни затаила жизненно необходимое желание сказать: « Я люблю тебя, я люблю тебя, я люблю тебя».

Они немного так полежали, слившись в клубок из кожи и пота. До тех пор, пока Маркус не перевернулся на бок и лёг рядом.

Пенни спросила себя: «Я должна уйти немедленно или могу подождать? Могу сказать спасибо или покажусь идиоткой? Сколько у него займёт времени, чтобы забыть меня?»

Что-то произошло прерывающее это хрупкое очарование. Маркус сел на кровати. Собрался снять презерватив и его, по-прежнему затуманенный взгляд, превратился в маску беспокойства.

— Пенни!

Она тоже вскочила и не сразу поняла, смысла этого ужаса, отражённого между его бровей и губ.

— Что...

Потом дошло.

Презерватив был в крови, а между её приоткрытых ног увеличивалось пятно малинового цвета. С кожи капало и окрашивало покрывало на кровати. Не было возможности сохранить тайну, потому что пятно выглядело обильным.

— Пенни! — ещё раз воскликнул Маркус. — Скажи мне, что это не то, о чём я думаю.

Она пожала хрупкими плечами.

— Мне кажется это то, что ты думаешь.

Маркус закрыл ладонями лицо, и начал дышать рывками, находясь в шоке без всякого притворства.

— Ты злишься, потому что я испачкала покрывало? — спросила Пенни, заставив себя улыбнуться. — Я заплачу за прачечную.

— Ты что, думаешь — меня волнует покрывало? — выпалил он, вставая на ноги.

— Если это не проблема для меня, то не должно быть проблемой и для тебя. Я же не умерла. Произошло естественное событие.

Маркус начал ходить по комнате, как разозлившийся и посаженный на цепь лев. Пенни оделась в мгновение ока, оставаясь без нижнего белья. Закрывая свою рану, она надеялась, что больше ничего не видя, Маркус перестанет её за это ненавидеть.

Вдруг он остановился, а она очарованно за ним наблюдала и думала о том, что произошло, о его теле, погружённом в её собственное, о них двоих, как вначале были каждый по себе и потом казались одним целым, и поэтому сразу не услышала вопрос. Она услышала только тогда, когда он повторил во второй раз.

— Я сделал тебе больно? — спросил он хриплым шёпотом.

— Немного. Честно.

Маркус начал рыться в поисках сигарет. Он бродил по дому, голый и красивый, а его руки дрожали от бешенства. Закурил одну, после трёх холостых щелчков зажигалки и вдохнул дым одной длинной затяжкой.

— Надо было сказать.

— Ничего трагического не произошло, я всё ещё жива, не так ли?

— Проклятие, я не заметил. То есть я чувствовал, что ты очень тесная, но думал это потому, что ты не делала этого часто, и не потому что ты не делала *никогда*. И потом, у меня не было лакмусовой бумажки для сравнения. Как правило, цыпочки кому я вставляю, имеют широкие двери.

— Действительно?

— Тебе кажется, я похож на парня, который трахает девственниц?

— Тогда сегодня у каждого из нас был свой первый раз.

— Почему ты рассказала мне прежде всё это дермо?

— У меня необузданная фантазия. Но я знаю, что она дермо.

— Конечно, дермо.

— Я умею отличить сон от реальности, и понимаю, что это никогда не произошло бы таким образом. Прекрасный принц, музыка, цветы, бьющиеся сердца, — я знаю, что все эти вещи не существуют.

— А что существует? Тот, кто откроет тебя без лишних слов?

— Для меня это произошло красиво, на самом деле.

— Ты испытала наслаждение пока...

Пенни закусила губы.

— Я... э-э... я думаю, что нет, не в том смысле, что подразумеваешь ты.

— Пенни, есть только один смысл. Ты испытала удовольствие?

— Я была счастлива...

— Я не говорю о счастье. Я говорю про оргазм.

— Нет, это нет, но...

Маркус падая сел на кровать. Начал потирать свой лоб рукой. Пенни поднялась, собрала свои немногочисленные вещи и пригладила растрёпанные волосы.

— Я ухожу, — сказала она, демонстрируя улыбку. — Не волнуйся, я в порядке, и всё равно счастлива.

— Проклятье, из-за чего ты счастлива? — воскликнул он с раздражением.

«Что сделала это с тобой. Что это ты стал первым. До сих пор чувствовать твой вкус во рту».

— Выбросила девственность из мыслей. Почти в двадцать три года она превратилась во что-то нелепое. Теперь всё будет проще. Надеюсь, я не очень разочаровала тебя.

Маркус последовал за ней взглядом, пока она приближалась к двери.

— Ты не стала разочарованием, мужчина не может лгать.

Она не сказала ему, что имела в виду не своё тело. Он знала, что её тело было желанно. Хотела спросить его, что он чувствовал: испытывал ли он единство целуя её? Чувствовался ли вкус её языка более сладким, чем какой-либо другой аромат, и входя в неё он ощущал её частью своей души?

Но не могла спросить его, ни о чём подобном. И особенно не хотела знать ответы. Она была уверена, что они её убьют.

Таким образом просто открыла дверь и сказала за секунду, перед тем как выйти:

— Спасибо, Маркус.

Глава 16

Маркус

Пенни отталкивает меня, извивается, отворачивается как испуганная газель. Если я позволю снова сбежать, она улизнет с автобуса прямо на ходу. Я не хочу, чтобы она выходила такой промокшой, и если не высушит одежду в ближайшее время, то рискует серьезно заболеть.

Но почему я всегда должен заботиться о ней? У меня сложилось впечатление, что она значительно превышает допустимые пределы от той ничтожной суммы, что мне платит. Я должен защищать её задницу от Гранта и притворяться прекрасным женихом, а не заботиться также о её здоровье.

Возможно, я ей сочувствую. Да, безусловно, причина в этом – мне её жаль. Иногда Пенни действительно выглядит жалкой. Особенно сейчас. Она выглядит как кошка, попавшая под грозу. Конечно, нет ничего большего, только – жалость, та, что приурочки как я по-прежнему испытывают.

Поэтому, веду её в «Gold Cat». Пока Пенни сушит одежду, Шерри подходит ко мне близко и подмигивает.

— Эта мне нравится, — говорит она, улыбаясь. Она всегда была привязана ко мне. Это её заслуга, что всё произошедшие в моей судьбе, имело менее серьезные последствия, чем могло.

— Что ты имеешь в виду?

— Эта девушка та самая, правильная.

— Она не моя девушка.

— Я знаю, твоя девушка – Франческа и bla-bla-bla. Чушь, ты просто привык к Франческе. Это единственное, что на протяжении многих лет стабильно в твоей жизни, вы вдвоём разделили трудные моменты и поэтому ты думаешь, что любишь её. Но любовь – не то, что разрушает тебя.

— Франческа не разрушает меня.

— Нет, но ты отправился в тюрьму.

— Прошу тебя, Шерри, покончим с этим. В любом случае, Пенни ничего не значит.

— Мне так не показалось, судя по тому, как ты на неё смотришь.

— Я? — воскликнул, искренне озадаченный. Несмотря что Шерри бывшая проститутка, она не избавляет меня от уроков маленького романтизма. Из неё и моей матери, получилась отличная пара шлюх, полных нелепых мечтаний. — Как я на неё смотрю?

— С нежностью.

— Нежность – это слово, которое мне незнакомо, старушка моя. Сострадание – более правильный синоним, поверь мне. Ты видела, как она выглядит?

— Я видела многое за свою жизнь, и в одном уверена точно. Сострадание может стать любовью, но месть никогда.

— Иди, приготовь скорее горячий кофе и что-нибудь на зуб, в противном случае со всем этим состраданием, она рискует подхватить пневмонию.

Я терпеть не могу, когда она говорит об Игоре. Но она настойчиво шутит о нём, а меня эта шутка совсем не смешит.

Если бы я не так устал и не был сильно раздражён после дермового вечера, проведённого в погоне за дурой, чтобы объяснить – как будто обязан, – что я не трахнул её бывшую одноклассницу, то вспышка разума спровоцировала бы меня спросить себя почему, чёрт возьми, меня это беспокоит. Но я устал и раздражён и не задаю себе вопросы. Думаю только быть осторожным, чтобы не раскрыть ничего о предложении в две тысячи долларов, от которого отказался, не моргнув глазом. Не хочу, чтобы подумала, что за моим «нет», стоит какая-то романтическая причина. Никакой романтики, только немного здравого смысла. Мне эти деньги пригодились бы, но грязные деньги не часто попадали в мои руки и, возможно, пришло время заработать, не закапывая свою совесть.

Не знаю, как это происходит, но вдруг, наш разговор принимает странный оборот. Не дразни меня, детка, не делай этого. Не жду иного уже несколько недель.

Если добавить к этому разочарованию так же дермовые сообщения от этого придурка, которыми она хвастается. Пенни делает всё чтобы заставить меня прочитать их, а мне хочется поднять её платье и вставить ей прямо сейчас.

Не дразни Пенни, мне нужен только повод. Только один вызов. И тогда я больше не поверну назад.

Я хочу Пенни. Но оставлю за ней свободу выбора, возможность уйти. Всё равно, ещё раз немного подумает и поймёт, какое дермо собирается сделать, и что я не подходящий мужчина для той, кто ищет рыцаря на белом коне и сказку. Я не знаю страстных слов. Если ты ждешь шёпота и поэзии, то лучше проходи мимо.

Я начал раздеваться, убежденный что напугаю.

Но она не пугается. Смотрит на меня, словно я энigma без решения, располагается на кровати и глазами зовет меня.

И тогда всё, хватит. Она же не девочка. И если всё нормально для неё, то кто я такой, чтобы сказать «нет»?

Проникаю языком в её рот. Какой хороший вкус, сладкая и сочная, я пожираю её своими губами. Я хотел бы на час остановить время, чтобы целовать её, кусать её соски, лизать киску, погрузиться в неё на всю оставшуюся ночь, трахать её в каждом углу кровати.

Но это невозможно, нет, нет времени, да и глупо, и не нужно поддаваться на эту чушь. Я должен просто трахнуть её. Слишком длинные прелюдии – увлечения педиков.

Пока её раздеваю, чувствую, как расширяются лёгкие, словно вдохнул тонну воздуха за один раз. Когда Пенни оказывается передо мной голая, понимаю что моя эрекция сильнее, чем когда либо. Я чувствую, как кровь шумит в ушах, чувствую, как она бурлит от мысли об её ногах. Больше не понимаю ничего, буквально.

Узкая, такая узкая и чувственная, что я увеличиваюсь внутри неё. Смотрю на Пенни, она как горячая ракушка, и я толкаюсь снова и снова, и снова, в полную силу, а потом кончаю, кончу и кричу, кончу, и мне хочется назвать её по имени, её полным именем, «Пенелопа», но я останавливаюсь и превращаю искушение в хрип без обещаний.

Я не хочу, чтобы она уходила. Мы должны повторить. Мне недостаточно, так недостаточно для меня. Есть ещё много вещей, которые...

Тогда я вижу кровь.

Кровь на презервативе, на кровати, на её коже.

На мгновение остаюсь парализованным, глядя на этот недвусмысленный сигнал. Она была девственницей.

Память прокручивает назад кадры нашего секса, и я вижу своё безумство, с каким насилием я вошёл, ритм с каким я двигался, и чувствую себя, как тот, кто разорвал голыми руками ягнёнка на куски.

— Ты должна была сказать мне!

Мысль, что она меня сейчас ненавидит и подозрение быть ей противным, одновременно меня бесит и лишает сил. Мне нужна чёртова сигарета, я должен сделать несколько затяжек. Я должен подумать.

Подумать о чём?

Я здесь тону в болоте паранойи, но это же не моя вина! Она говорила, что уже занималась сексом. Ко всему прочему, она даже не попыталась заставить меня почувствовать себя виноватым.

И тогда почему, чёрт возьми, я чувствую себя виноватым?

В то время как она одевается, я удерживаюсь от желания подойти ближе. Хотел бы обнять её.

Раньше со мной такого никогда не случалось: желание обнять женщину после секса. Даже с Франческой, в конце каждый из нас отдалялся, изолируя себя, словно после того, как доверившись самой крайней интимности, мы восстанавливали наше личное пространство. Но сейчас я смотрю на Пенни, и она мне кажется такой маленькой, ещё более хрупкой, чем прежде. Я вспоминаю её белую кожу, вспоминаю её кровь рубинового цвета, и мне на ум приходит момент, когда она вскрикнула — крикнула, потому что делал ей больно, крикнула, потому что я воровал её юность, даже не зная об этом.

Мне нужно перестать зацикливаться на этом. Сделано, конечно, свершилось.

Мы трахнулись, Пенни больше не девственница, спокойно, она это хотела, она сделала выбор. Мне понравилось — и это всё. Как часто я переживал о чувствах цыпочек, которым вставляю?

Тем не менее, когда она уходит одетая наспех, с туфлями в руке, с растрепанными волосами и улыбкой *от Пенни*, улыбкой характерной только для неё, и даже благодарит меня, я почти поддаюсь искущению сказать: «Подожди, останься ещё, скажи мне правду, как ты действительно себя чувствуешь, позволь коснуться тебя снова, но медленно, медленно, без боли. Позволь подарить тебе наслаждение».

К счастью, я этого не делаю. Смотрю, как она исчезает за дверью и курю, и закрываю глаза. Перестань, Маркус, хватит. Закончи прямо здесь и сейчас эту историю, которая длилась даже слишком долго.

Глава 17

Пенни не сомкнула глаз на протяжении всей ночи. Вернулась домой на дрожащих ногах, и это внутреннее ощущение не было единственным. У неё болело, как если бы она села на шпагат подобно балерине в пуантах.

«Я сделала шпагат как балерина».

Она легла одетая в платье и голая под ним, не принимая душ. Хотела по-прежнему чувствовать на своём теле след Маркуса. Пенни вспомнила каждое мгновение этих, только что ушедших минут. Было странно, что их соединённые тела теперь являлись не только плодом её воображения, а стали реальным событием, которое произошло именно с ней.

Она заплакала, как плачет сожалеющая о чём-то женщина, даже если она на самом деле не жалеет, поскольку это безумие стало результатом обдуманного решения.

«Я больше не девственница. Я другая? Стала лучшая или хуже?»

Этого она не знала и не могла ответить с уверенностью. Возможно, была всего лишь она сама с целостной девственной плевой, а потом с порванной девственной плевой. Что менялось?

Пенни вспомнила также выражение лица Маркуса, когда он сделал *это* открытие. Потрясение? Отвращение? Что было в глазах? Хотела бы лучше понять и интерпретировать его сразу. Но у неё не получалось легко со всем разобраться: да, он казался сожалеющим, но из-за чего именно? Из-за того, что сделал ей больно или из-за того, позорного для некоторых мужчин факта, что не доставил ей оргазм?

Пенни совершенно не волновало отсутствие этого. Для неё имела значение только мысль – как трудно будет жить с этого момента. Не из-за того, что случилось с её телом, а того, что произошло в её сердце. Маркус наверное сделает вид, что ничего не произошло – для него, помимо неудобства с непредвиденно испачканным кровью покрывалом, секс был обычным, как любой другой. Почти как всегда.

«Я никогда не стану такой как Франческа. Но это не великое открытие. Я уже знала об этом, и всё равно выбрала то, что выбрала».

Она плакала из-за этого, а не от боли вызванной особой раной. Как вести себя завтра? О чём они будут говорить, возвращаясь ночью домой? Он займётся сексом с какими-нибудь другими женщинами?

«Я как одна из тех цыпочек, которых он трахает на задворках дискотеки?

Все те, кто не Франческа подобны одна другой?

И после того, когда он уйдёт с ней, как я буду дышать?»

Не сумев заснуть, она встала на рассвете. Навела в доме порядок и приготовила для бабушки завтрак. Наконец, переоделась и вымылась, но не для того, чтобы удалить ощущение Маркуса, а только для того, чтобы попытаться избавиться от меланхолии.

Пока она, как всегда, расчёсывала длинные волосы Барби, спонтанно решила спросить её:

— Бабушка, ты помнишь, Джона?

Бабушка улыбнулась и Пенни увидела её отражение в круглом зеркале, которое та держала в руке.

— Конечно, я его помню. Как я могу его забыть? Великую любовь не забывают.

— Он был влюблён в тебя?

— Конечно, маленькая моя, иначе, я бы не сделала того, что сделала.

— Что ты сделала?

— Одну вещь, которую ты не должна делать. Мне немного стыдно об этом говорить. Никто и никогда не знал об этом.

На мгновение Пенни перестала её расчёсывать.

— О чём ты? Мне можешь сказать, ты ведь знаешь.

Бабушка издала томный вздох, подобно тинэйджеру.

— Он был моей первой любовью, во всех смыслах.

— Ты хочешь сказать, что вы...

— Да, именно это.

— Ты никогда мне не говорила.

— Потому что ты никогда не была влюблена.

— Но я... не знаю, если... если я влюблена.

— Да, ты влюблена, но помни – без кольца никаких поцелуев. В противном случае, потом мужчина уходит, и ты вынуждена выходить замуж за другого, потому что беременна.

У Пенни из рук упал гребень. Он оказался на полу и чтобы поднять его, она медленно наклонилась, испытывая шок.

— Что? Ты осталась беременная?

— Да, но я никогда и никому не говорила. Я сразу же согласилась выйти замуж за твоего деда, так что никто не имел ничего против.

— Ты хочешь сказать, что мой отец... не был сыном дедушки Эрнеста, а... Джона?

Бабушка повернулась и посмотрела на неё блестящими глазами.

— Ты сердишься, девочка моя? Возможно, я не должна была тебе говорить?

Пенелопа встала перед ней на колени и взяла её за руки.

— Не волнуйся, всё в порядке, если ты была влюблена, то поступила правильно, и я счастлива, когда ты раскрываешь мне душу.

На лице у Барби вновь засияла улыбка и Пенни нанесла ей на волосы тальк, с ароматом розы.

А сама размышляла, что было истинным в этой откровенности. Вероятно, немного, а, возможно, и ничего. Барби часто переделывала воспоминания по-своему, сплетала прошлое и настоящее, приправляя хорошей дозой воображения. Возможно, Джон вообще не существовал, а это был Джон Уэйн, актер, в которого девушкой, она была влюблена. И кого она превратила в этот миф, чтобы сделать легче своё прошлое. Жизнь для Барби не была лёгкой. Когда Пенни потеряла своих родителей, она была слишком мала, чтобы запомнить их. Бабушка потеряла сына, когда могла ещё всё отлично помнить. Кто знает, возможно, постепенное снижение её умственных способностей и началось именно тогда, когда ей пришлось справляться с этой невыносимой болью. А ишемия лишь дополнительно ухудшила её сознание, уже отягощённое тяжестью случившегося. И вот теперь, она рассказывала историю, тысячи историй, всегда новые, всегда обогащённые каким-нибудь новым, не раскрывавшимся ранее нюансом.

Всё было возможно.

Только одна вещь была невозможна – сдержать обещание, которое она дала. Потому что, даже при отсутствии кольца и клятвы, она уже отдала Маркусу всё, что могла бы дать.

Она увидела письмо, когда выходила из дома, направляясь в библиотеку. Лежало на полу, возможно, просунутое почтальоном под дверь. Сомнений не было – написала Франческа.

Пенни подняла его и уставилась на лестницу, ведущую на мансарду к Маркусу. Она могла бы поступить также как и почтальон, но не стала этого делать. Положила конверт в сумку и пошла на работу.

Весь день она чувствовала, как будто скрывает тикающую бомбу. Ощущала себя виновной, словно могла взорвать библиотеку. Виновной, потому что на мгновение поддалась коварному искушению сжечь письмо и сказать, что никогда его не получала.

Она отошла в редко посещаемую зону, посвящённую русским писателям, которых почти никто не читал, и достала письмо. Понюхала: оно было лишено любого запаха. Почерк Франчески был острым, с сильным нажимом на бумагу. Кто знает, что там было написано, но, самое главное, кто знает, что бы ответил Маркус. Он расскажет о ней?

«Ты знаешь, я трахнул ту идиотку, которая приходила навестить тебя в тюрьме. Что ты хочешь, из-за одолжения, что она делает, мне нужно было дать ей жалкую подачку. Но не волнуйся, она не была на высоте. Цыпочка была холоднее статуи. И ты не повериши – она к тому же оказалась девственницей! Сучка, ко всему прочему, мне испачкала покрывало!»

Нет, Маркус не мог ничего ей рассказать и он не думал о ней все эти вещи. Пенелопа была уверена, что по-своему, он любил её. Эта странная ночь целомудренного и дикого секса, безусловно, не станет запоминающейся для него, если не учитывать деталь, которую он обнаружил в финале. Эта ночь станет их секретом.

«У нас есть секрет».

Когда Пенни вновь убирала письмо в сумку, за спиной раздался мужской голос.

— Привет.

Её первой мыслью было: Грант. Он пропал на несколько недель, но это не значило, что он сдался. У неё ничего не было под рукой для защиты, лишь обычные для этого места книги. Она могла бы ударить его копией «Война и мир». Этой книгой могла бы сделать ему очень больно. Протянула руку и схватила объёмный том, а затем резко обернулась.

Тогда и обнаружила – это Игорь.

Она была настолько ошеломлена, что секунд тридцать внимательно смотрела на него, как на причудливую галлюцинацию. Игорь первым прервал этот ступор.

— Мне кажется, что ты удивлена меня увидеть, — констатировал он с улыбкой. — Только не знаю насколько приятно. Думала дать этим мне по голове?

Пенни, замерла в позе толкателя ядра готового бросить свой металлический шар, покачала головой и положила книгу на полку.

Игорь держал в руках пакет с логотипом магазина сладостей, очень хорошо известного в городе, который изображал кекс, превращающийся в корону. Он был одет в стиль, похожем на тот, который использовал, когда ходил в школу – смесь креативности и традиций – джинсы и твидовый пиджак, одетый на футболку, с напечатанным лицом Моны Лизы, которая состроила рожицу.

— Э... да, — призналась Пенелопа. — Я думала, что больше никогда тебя не увижу.

— И почему ты так думала? Я надеялся, что дал тебе понять, что... в общем...

— Я не восприняла всерьёз тот бред, вчера вечером.

Игорь не прокомментировал, что она подразумевала под бредом, а спросил:

— Как дела с Маркусом?

Пенни пожала плечами в попытке изобразить безразличие.

— Не знаю.

— В любом случае, с Ребби у него ничего не было.

— А ты откуда знаешь?

— Потому что после того, как вы ушли, она вернулась из погреба злая как чёрт. Я имею в виду, она не производила впечатление той, что развлекалась, не уверен, понятно ли я объясняю.

— Ты объясняешь.

— Прости, что послал тебе эти сообщения. Я немного волновался.

— Откуда у тебя мой номер?

— Он был у Ребекки, и я взял его тайком.

— Мне кажется, что должна изменить номер телефона, никогда не знаешь, вдруг ей придёт идея пригласить меня на какой-нибудь другой праздник.

— Не переживай, при случае она скажет тебе об этом в лицо, чтобы сделать твой отказ более затруднительным, и в то же время проверить, насколько сильно ты подурнела. Но вместо этого ты прекрасна, что до смерти её злит.

— Предпочла бы избежать комментариев относительно моего внешнего вида. Мне кажется, что это чушь, знаешь, как и всё остальное.

— Рано или поздно ты поймешь, что я не хочу тебя обманывать. В любом случае, я пришёл не только для того, чтобы сказать, как ты великолепна. Я пришёл, чтобы принести тебе две вещи.

— Мне?

Игорь подошел к одному из длинных столов для чтения, совершенно свободному в этой пустынной зоне. Он достал из пакета картонную коробку, похожую на ларец с сокровищами и её пальто.

— Ой, спасибо! — воскликнула Пенни, очень довольная возвращению своего пальто. — А там что?

Игорь подмигнул и толкнул к ней коробку. На ней виднелся такой же логотип, как и на пакете. Пенелопа подняла крышку и не могла не улыбнуться. Внутри коробки, аккуратно выложенные на тонкую папиросную бумагу, красовались девять кексов, больших как теннисные мячики. На них идеально, из сахарной глазури были воспроизведены обложки многих известных книг.

— Они съедобные? — спросила Пенелопа, пораженная этой красотой. Казалось преступлением просто коснуться их.

— Да, и они вкусные. С какой ты хочешь начать? «Маленькие женщины» или «Гарри Поттер»?

— Я думаю, что попробую «Собаку Баскервилей». Мне кажется, что там есть шоколад.

Они сели за стол очень близко, и разговаривали, пробуя сладости. Не говорили ни о вечеринке, ни о прошлом. Пенни узнала, что Игорь только что получил диплом по истории искусства и рисовал декорации для небольшого театра.

— Я никогда бы не подумала, мне казалось, что ты станешь адвокатом.

— Как мой отец? Ни за что и никогда! А ты?

— Я ничего, работаю здесь и там, и стараюсь немного накопить денег.

— Чтобы добиться чего?

— Для того чтобы просто их иметь.

— Это неправда, на одно мгновение твои глаза засияли. У тебя есть тайная мечта, и ты не хочешь мне сказать.

— Я не выдаю свои тайные мечты первому встречному.

— Но мы знакомы с шестнадцати лет!

— Но мы никогда не были друзьями.

— Тогда станем ими, а потом я попрошу тебя рассказать, что скрываешь.

— Кто знает, что скрываешь ты, Игорь.

— Ничего, я клянусь. Я не выполняю миссию по поручению Ребекки, если ты думаешь об этом. Она вызывает во мне отвращение. Мне противна она и её торчок жених.

— Он наркоман? Подумать только какой прогресс — я думала, он просто мудак.

Они вместе рассмеялись, и Игорь указал на кекс с обложкой «Анна Каренина».

— Эта мне кажется подходящая, не находишь? — сказал он, показывая на надпись «РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА», прикрепленную немного криво и чуть выше полки за его спиной.

— Согласна, в любом случае там плохой финал. Лучше закончить в моём животе, чем на железнодорожном пути.

При этих словах Пенни откусила от книги из сахарной глазури, и начинка из мягкого крема брызнула на её подбородок. С весёлым видом, Игорь протянул руку, указывая на пятно возле рта.

— Анна Каренина на твоей совести!

— Не на моей, а этого ублюдка Вронского.

Игорь достал из кармана носовой платок, настоящий носовой платок, сделанный из ткани, а не бумаги.

— Там, под нижней губой. Позволь мне. — С особой деликатностью он промокнул большую жёлтую каплю, пачкавшую её.

— Спасибо.

— Теперь очередь «Божественной Комедии».

— И потом, спорю, «Гензель и Гретель». Ты, как та ведьма, которая хочет меня раскормить?

— Мне нравится женщина, которая не питается воздухом и амфетаминами. Глядя на тебя, не скажешь, что ты много ешь.

— Мы возвращаемся к комплиментам, а я их ненавижу.

— Согласен и признаюсь, перестану хотя бы потому, что прилично боюсь Маркуса.

— Почему?

— Не обижайся, но выглядит он опасно.

Пенни положила кекс с надписью «АД ДАНТЕ» и покачала головой.

— Нет, ты ошибаешься на его счет. Он вообще не опасен. Это самый хороший человек в мире.

Игорь улыбнулся.

— Когда наступает слепота, заканчиваются надежды других людей.

— Надежды? Какие надежды?

— Никакие, я процитировал стих из театрального произведения, для которого сейчас создаю декорации. Оно называется «Чертополох — это не цветы». А теперь давай разделим «Волшебника из страны Оз», внутри абрикосовое варенье.

— Хорошо, но прежде чем это сделать, я загадаю желание. Трусливый лев хотел отваги, железный дровосек мечтал о сердце, а пугало стремилось иметь мозг. У меня тоже есть желание

— Какое?

— О загаданных желаниях не говорят вслух, иначе существует риск того, что они не сбудутся.

Она опустила веки и загадала своё, прежде чем съесть изысканное пирожное с сердцевиной из марципана.

— Спасибо за сладости и пальто. Но теперь я должна работать.

Игорь кивнул. Он протянул ей руку и пожал её ладонь.

— У тебя есть номер моего сотового телефона. Если хочешь, позвони мне. Без обязательств, я всё понимаю. В любом случае, я надеюсь.

Оставшимися сладостями она угостила мисс Миллиган, которая приняла их с застенчивой радостью, характерной для прошлых эпох. Когда она откусывала гиппогрифа с обложки «Узника Азкабана», пожилая директриса спросила её:

— Чего хотел этот парень?

— Он мой бывший одноклассник, которого я очень долго не видела. Мы немного поболтали.

— Нет, я не имела в виду парня в твидовом пиджаке, который подарил тебе эти вкусные угощения. Я говорила о высоком мускулистом молодом человеке в синей куртке.

Пенелопа поморщилась и озадаченно посмотрела на неё.

— Кто... кого ты имеешь в виду?

— Того, кто пришёл когда ты была там и болтала с твоим одноклассником. Он спросил меня, где ты, и я сказала ему.

— Я не... я его не видела... Он ушёл?

— Я знаю, думаю что да.

С сердцем в горле Пенни прервала свою работу и начала бродить по библиотеке, в поисках Маркуса. Она нигде его не нашла. У неё звенело в ушах, пока спрашивала себя, удивляясь, почему он пришёл, и главным образом: почему он ушёл, не поговорив с ней.

«Хотел сказать мне что-то важное?

Он беспокоился обо мне?»

Её доверчивая улыбка исчезла, когда она вспомнила про деньги, которые, по-прежнему, была ему должна.

Возможно, он просто хотел попросить её об оговорённых двухстах пятидесяти долларах.

Обманывать себя тем, что он искал её по какой-то причине, отдалённо связанной с намёком на беспокойство об её здоровье или простого удовольствия от её компании, было лучшим способом рассказать сказку, предназначенную для того, чтобы заставить её упасть задницей на землю.

Она стояла на мансарде перед закрытой дверью, уже одетая, чтобы пойти на работу в «Well Purple». В одной руке она держала письмо от Франчески, а в другой — конверт с деньгами. Она проделала этот короткий путь несколько раз. Поднялась и затем спустилась, и снова поднялась, не решаясь принять какое-либо решение.

«Стучать или не стучать?»

Она чувствовала себя ужасно неловко.

Неожиданно решила засунуть всё под дверь и перенести на другое время необходимость встретиться с неловким «после», которое появляется когда двое, вначале бывшие друзьями, или почти друзьями, однажды решают заняться сексом.

Но в момент, когда она наклонилась, дверь резко открылась.

Маркус появился перед ней и показался ещё более огромным, чем всегда. С голым торсом, он должно быть занимался спортом, потому что стоял потный, с перевязанными длинными белыми бинтами ладонями.

— Чёрт, Пенни! — воскликнул он. — Избегай создавать подозрительный шум за моей дверью! Я собирался тебя ударить!

— Я не шумела подозрительно...

— Для меня шаги и вдохи, где должна быть тишина — подозрительные шумы.

— У тебя исключительный слух. Могу я войти?

Он нахмурил лоб и вошёл в квартиру, оставив дверь открытой — прямое приглашение не уходить.

В течение последующих нескольких минут Маркус не снизошёл до какого-либо внимания к ней. Он начал бить до крови красный кожаный мешок, нанося удары кулаками и ногами. Пенни слышала только звуки от его дыхания, которое следовало ритму тела и вибрирующего пола мансарды. Всё это время она разглядывала его: мышцы, которые напрягались и выбрасывали чудовищную энергию, пот на спине, суровое лицо и казавшиеся танцовщиками татуировки.

Когда он закончил, она наблюдала, как Маркус прошёл на кухню и начал пить большими глотками воду прямо из бутылки. Он провел тыльной стороной руки по губам, а затем, казалось, вспомнил о её присутствии.

Он уставился на неё. Пенни почувствовала отчаянную потребность оказаться вновь голой на его кровати. Проглотила слону, прикусила губы и вспомнила истинную причину, по которой поднялась.

— Я принесла тебе вот это, — сказала она, протягивая руки и показывая свою небольшую добычу. — Тебе написала Франческа. А здесь те двести пятьдесят долларов за то, что ты сделал вчера. — Сразу же почувствовала, как покраснели её щеки, думая о непристойном смысле этого утверждения. Казалось, что она платила за его сексуальные услуги.

— За то, что сопровождал меня на вечеринку, я имею в виду, — поспешил и взволнованно добавила она.

Взгляд Маркуса был твердый и холодный как железо.

— Положи всё на стол, — приказал ей. Она кивнула и когда, практически, положила письмо на стол, ей показалось, что оно не хотело отрываться, словно было приклеено к кончикам пальцев.

— Окей, тогда я пойду.

Когда она приблизилась к двери, Маркус догнал её тремя большими шагами. Он был потный, но его запах не был неприятным, а казался чем-то опасным. Ей нравилось. Ей нравилось даже слишком. Он оказался так близко, такой высокий, что для того, чтобы посмотреть на него, ей пришлось наклонить голову так, как цветок пригибается от ветра.

Она надеялась, что это произойдёт, но, как всегда, Маркус удивил её. Пенни должна смириться с тем, что он и романтика не являлись братьями и даже не дальними родственниками. Или, возможно, он и романтика презирали друг друга, когда он не был влюблен. И так как он не был влюблен, то не терял времени на болтовню. Почти заблокировав её у стены, но, не касаясь, он сказал:

— Я хочу трахаться. Ты не против?

Она должна бы сказать: «Нет, вчера произошла ошибка и лучше всего, если забудем, и с такими вещами не шутят», и бла-бла-бла. Вместо этого сказала только:

— Да.

Одну руку, всё ещё покрытую бинтами, Маркус положил на её плечо и привлёк ближе к себе. Его язык исследовал Пенни, как пальцы вора прощупывают секретный ящик. Другой рукой он возился с её нижним бельём, и в одно мгновение Пенни снова очутилась без колготок и без трусиков, с задранной до пупка юбкой, показывая свой голый живот.

Не поняла, как попала на диван, но на самом деле оказалась там, сидя на одеяле глубокого синего цвета, с широко раскрытыми ногами, как открываются лепестки ириса, а губы Маркуса целовали между бёдер её влажные складки. Стоя на полу на коленях и с лицом, погружённым в неё, он ей казался богом, прекрасным и добрым, и она погладила его волосы.

Пенни откинула голову на спинку дивана и испустила вздох чистого наслаждения. Она чувствовала себя влажной, как трава на заре, жидкой, как расплавленное золото, а рот Маркуса на её теле, похоже, был точно создан, чтобы заставить её всё позабыть, всё кроме его покоряющего языка.

В какой-то момент, он взял её на руки и понес на кровать. Покрывало испачканное кровью испарились, была только белая простынь. Она лежала головой на подушке, а Маркус прилёг рядом с ней, снова развел её ноги и начал прикасаться пальцами. Пенни закусила губы и не смогла сдержать застенчивый стон, когда его указательный палец вошёл в её нежную плоть. Но он не причинял ей боль. Это было неописуемое ощущение, как покалывание, дрожь, биение, лишающее дыхания желание. С самого начала палец Маркуса двигался медленно и осторожно. Настолько нежно, что, кажется, не являлся частью той же самой руки, что, незадолго до этого, наносила могучие удары по кожаному мешку.

Она едва услышала в ухе его голос, который спросил:

— Тебе больно?

Прошептала ему в ответ абсолютно искреннее «нет».

Тогда он начал двигаться с большей решительностью, дотрагиваясь до неё внутри так искусно, как если бы в одном пальце были сто рук. Пенни закрыла глаза, испытывая эти чувства, это удовольствие, которое раскрывалось как роза. Вначале бутон, потом открытый цветок — живой и пульсирующий. Это было, как будто сердце находилось там, внизу, ещё одно спрятанное сердце. Оргазм вырвал из неё ошеломлённый крик, вышедший наружу странным звуком — чувственный как древний звук, который издаёт женщина, испытывая наслаждение.

Когда она издавала последние тяжёлые вздохи, хватая ртом воздух, Маркус поцеловал её в губы, как будто хотел проглотить её голос, и было трудно, так трудно не закричать: «я люблю тебя» прямо ему в рот.

Она думала, однако, об этом она только думала.

«Я люблю тебя я люблю тебя я люблю тебя я люблю тебя».

При этих мыслях она открыла глаза и посмотрела на него, и увидела, что он наблюдает за ней.

— Я задолжал тебе оргазм, — сказал он и его взгляд был странный — возбуждённый и потерянный в одно и то же время.

Он собрался подняться, но Пенни воскликнула:

— Подожди! — слово вырвалось из её души, — я хочу... я тоже хочу...

Он нахмурился и покачал головой.

— Ты мне ничего не должна.

— Не потому что должна! Я хочу это сделать! Хочу прикоснуться к тебе... как ты это сделал со мной.

Не давая ему времени сказать что-нибудь ещё, потянула его за руку и заставила вновь лечь, а затем развязала тонкий шнурок в его спортивных штанах. Затаила дыхание, когда касалась его и в этот момент испытывала возышенное чувство — это было, словно она сжимала драгоценный объект имеющий корень, покрытый тонкой бархатной тканью. Она хотела целовать его, хотела чувствовать вкус. Пенни хотела узнать его во всех отношениях, все тайники и секреты. Чувствовала себя незнакомкой, ощущала себя потерянной женщиной из-за этого непристойного желания, но, в то же время, она не хотела возвращаться назад. Приблизилась лицом, а потом посмотрела на Маркуса и сказала:

— Прости меня, если не буду на высоте. Я никогда не делала этого раньше, но... я хочу попробовать.

Он отчаянно прошептал:

— Пенни, мой Бог, — смысл этой фразы она не поняла.

— Не хочешь? — спросила она его удивленная и немного расстроившись.

— Ты никогда не делала даже этого?

— Нет. Мне очень жаль.

Таким образом, решительно сделала то, что никогда не делала. Неуверенная, она стеснялась, и его желание намного превосходило по длине её возможности. В Маркусе ей нравилось всё, каждая часть его тела, каждый укромный уголок. Она попыталась не думать о том, когда и насколько она может сделать неправильно, когда и насколько ему может быть неприятно от её неопытности. Посмотрела мгновение на него и поняла, что он абсолютно не испытывал неудобство.

Маркус приподнялся на локтях и слегка расставил свои могучие ноги. Склонил голову, а глубоко в горле зазвучал хриплый стон. Он нежился от её неумелых поцелуев и наслаждался ласками её пальцев. Как будто, несмотря на всё, ему удалось получить немного эфемерного счастья.

Неожиданно, Маркус положил свою руку вокруг руки Пенни, задавая своим жестом более быстрый темп, будто хотел подтолкнуть её, привести его к оргазму. Она кивнула, и, повторствуя его молчаливому запросу, наблюдала за ним с преданностью и очарованием: губы слегка приоткрыты и сдерживаемое дыхание, как будто он живое произведение искусства. Как если бы это движение и его стоны, всё время менее приглушённые, стали б драгоценными воспоминаниями, которые она хотела собрать, сохраняя эти моменты навечно, не забывая никогда.

В самом конце, после того как он издал хриплый, более длинный стон и грязно выругался, Маркус упал спиной на кровать. Он провел по голове рукой, растирая лоб, веки и щёки.

Пенелопа подумала, что, возможно, он хотел попросить её уйти, не говоря об этом, открыто.

«Почему хорошие вещи делятся так мало, и когда заканчиваются, то тьма, кажется ещё темнее?»

Она соскользнула с постели и собрала колготки вместе со всем остальным. Она бы навела немного порядок собственно и в квартире. Сердце в её грудиказалось пересмешником, который умирает после того, как спел свою последнюю ноту.

Когда она направлялась к двери, Маркус её окликнул:

— Пенни.

Резко обернулась, почти испугавшись голоса, который не ожидала.

— Что?

Маркус сел и уставился на неё. Он выглядел так вызывающе, обнаженный и сильный, так похожий на статую, увенчанную знаками предков, что хотелось бы повторить каждый жест, вернуться в постель, и повторить, по крайней мере, миллион раз, все поцелуи и объятия руками, и язык внутри, и его тело повсюду. Но она бы также довольствовалась, сделав лишь его фото и сохраняя его навсегда.

Маркус открыл рот, как будто хотел добавить что-то важное.

Но сказал только:

— Ничего, — и упал на кровать всем своим весом.

Она спросила его той ночью, по возвращении с работы, под необычайно звездным небом, зачем он приходил в библиотеку. Они молчали, Маркус курил, а Пенни думала. Затем она его спросила и тишина разбилась.

Он вдохнул большой глоток дыма и сказал:

— Хотел понять, почему ещё не пришёл ответ от Франчески и напомнить, тебе принести эти деньги. Но я видел, что ты была занята, и предпочел отвалить.

— Я не была занята. Я только разговаривала с Игорем о том, что...

Маркус ей бросил неприятную ухмылку, с натянутыми вверх уголками губ, а через расширенные ноздри выпустил дым, и его глаза были бесцветны, если не считать незначительного отражения от уличных фонарей.

— Ты думаешь, меня волнует то, о чём ты и Игорь говорите?

— Ты мог бы остаться.

— О, нет, я понял твои трюки, и предпочел позволить тебе доиграть.

— Какие трюки?

— Очевидно, что ты ищешь богатого идиота, так же, как и та шлюха Ребекка. Ты пробовала с Грантом, но для тебя плохо закончилось. Поэтому теперь ты ставишь на Игоря. Ведь я не виню же тебя, верно? Все варианты хороши, чтобы убраться из этого дерзкого места, когда тебе не хватает мозгов, чтобы добиться этого другим способом.

Пенелопа вздрогнула с такой яростью, что ей пришлось слегка развести в стороны руки, чтобы не потерять равновесие.

— Но что такое ты несёшь?

— Не делай такое расстроенное лицо, я на это не куплюсь.

— Я не бросаюсь на Игоря, также как раньше я не прыгала на Гранта! Как ты смеешь? Ты действительно мудак!

— Ты посмотри, какая великая новость.

— Маркус, иногда ты кажешься почти человеком, но иногда ты заставляешь меня жалеть....

— Что отсосала мне?

— Прекрати!

— Это то, что ты сделала, разве нет? И я должен признать – несмотря, что интуитивно видно полное отсутствие практики, ты справилась не плохо. Сразу видно, что ты создана для этого вида работ.

Пенни резко развернулась и подняла руку, готовая его ударить. Но Маркус был быстрее и сильнее и заблокировал её, медленно заведя запястье за спину.

— Я понял твою игру, Пенелопа, и знай, что мне подходит, даже очень, — сказал он. Они остановились на середине тротуара, в той части, где тень делала их лица мрачными.

— Я не веду никакую игру! И отпусти мою руку.

— Я повторяю, что мне подходит. Демонстрируй Игорю свое лицо хорошей девушки, а меня используй для секса. Лучшее использование меня ты не смогла бы найти. Мы в совершенной гармонии. Конечно, возможно, тебе было бы лучше лишиться девственности с ним, просто чтобы дать ему некоторое удовлетворение. Я уверен, что ты бы заработала красивое кольцо, и кто знает, сколько ещё дорогих подарков.

Пенни открыла рот и в ужасе уставилась на него. Почувствовала свои щёки в огне, а в сердце — что-то похожее на воткнутый меч. Но она не намеревалась позволить ему выиграть, плача или унижаясь. Хотела ответить ему взаимностью с таким же цинизмом, чтобы не показаться слабой и потерпевшей поражение. Она предпочитала считаться шлюхой, а не жертвой.

— Отпусти руку, — ещё раз спокойно сказала ему. А потом добавила, пытаясь сохранить тот же уверенный вид, — я рада, что мы сошлись хотя бы по одному пункту, а именно том факте, что секс — это приятно. Ты используешь меня, и я использую тебя. Всё остальное, это наши дела.

— Мне нравится, что всё прояснилось. Утвердив это, давай займёмся этим?

— Да.

Они начали прикасаться к друг другу поднимаясь по лестнице. На каждом этаже, как правило, тёмных в этот час, Пенни чувствовала руки Маркуса под юбкой. В первый раз в своей жизни она не боялась темноты. Вдруг он прислонил её спиной к стене и поцеловал так, что зажёг кровь. Она стояла с удерживаемыми над головой руками, прижатая к стене и обездвиженная его руками, с его ногой между её ног, чувствуя его язык как мягкий и густой шоколад, глубокий и горячий, а его губы, кусали её губы.

Затем они поднялись по лестнице и вошли в мансарду, быстро добираясь до дивана. Там он с силой стянул её колготки, почти со злостью, разрывая капрон на маленькие кусочки. Достал из кармана презерватив и открыл с обычной яростью. Пенни почувствовала мгновенный гнев при мысли, оттого что он носил его с собой, и спросила себя, были ли и другие в том же кармане, или у него уже был секс, а она была только последней этой ночью. Несмотря на эти вопросы, которые ранили её и наполняли отвращением, она впустила его внутрь себя, и в этот раз было легче. Он скользил без сопротивления и без боли. При каждом ударе казалось, что мир сжался, как будто вселенная исчезла, и более ничего не существовало за исключением его жадной части, которая наполняла её возбуждением. Они кончили вместе и их дыхания смешались в единый крик.

Сразу же после этого Пенни встала и подняла с пола пальто. Маркус всё ещё сидел на диване, со спущенными до бёдер брюками, в кармане которых он искал зажигалку. С одной стороны, между губ уже криво повисла сигарета.

Пенни заставила себя игнорировать его. Вышла из мансарды в молчании, без поцелуя, без улыбки, без слов, закрыв дверь с достаточной силой, символично давая ему таким образом понять, что презирала его, несмотря на то, что только что отдала себя.

И, тем не менее, она была уверена, что любит его.

Как эти две вещи были совместимы – испытывать в равной степени раздирающую ненависть и разрывающую нужду в нём, не только физическую – ей ещё предстояло выяснить.

Глава18

Маркус

Как только встаю, сразу выхожу на пробежку. Выматываю себя до истощения. Я совершенно не хочу ни о чём думать и особенно не хочу думать о Пенни и о крови, которую украл. Когда возвращаюсь и поднимаюсь по лестнице, на мгновение останавливаюсь перед её дверью.

Что я собираюсь сделать?

Постучать?

Для того чтобы сказать, что?

«Тебе всё ещё больно, учитывая, что вчера я трахнул тебя, как будто я насильник? Как ты? Тебя тошнит от одного взгляда на меня?»

Ну, а если я вызываю у тебя отвращение, то знаешь, насколько мне пофиг! Я не насиловал на самом деле. Если бы ты сразу сказала мне, то я был бы менее агрессивным.

Нет, если бы она меня предупредила об этом, то я открыл бы дверь и выставил её вон. Такой как я парень не может взять на себя определенные обязанности. У меня нет времени, чтобы тратить его на нежность и поцелуи шестнадцатилетних. Что приятного, если ты не можешь жёстко трахнуться?

Не стучу, поднимаюсь в мансарду, а тупой соблазн поговорить с ней посылаю на хер.

Мой взгляд падает на покрывало, всё ещё запятнанное кровью. Я с яростью его снимаю, засовываю под воду и стираю. Потом сам принимаю душ. Стою под струей минимум полчаса, временами как статуя, неподвижно. И хотя я стараюсь, и пытаюсь, и устал, и должен иметь в голове пустоту и чёрную дыру, я совершенно не могу выбросить из мыслей Пенни.

«Что. Такое. Со мной. Происходит?»

Вновь выхожу и иду перекусить к Шерри. Кафе переполнено посетителями. Здесь можно хорошо поесть и стоит недорого. Сажусь за свободный столик и ко мне, подмигивая, приближается Шерри.

— Сегодня ты один, малыш? — спрашивает меня, протягивая меню, покрытое пластиком, которое я уже знаю наизусть.

— Я всегда один, — отзываюсь я. — Принеси мне не сильно прожаренный стейк и кружку пива. А потом кусочек того замечательного чизкейка, что ты готовишь.

— Хорошо милый. Однако в следующий раз приводи так же и Пенни.

— Я не хочу тебя разочаровывать, тётя Шерилин, но между мной и Пенни есть только абсолютный нуль. Я не только не приведу её сюда, но и никуда вообще.

— И поступаешь плохо. Эта девушка... свежий воздух. Чистая. Она похожа на восход солнца в марте, в штате Монтана, который я видела маленькой девочкой. Я рано вставала, чтобы помогать моим с работой в хлеву. Добрых пять минут я оставалась на открытом воздухе, на снегу, который ещё не таял на солнце, и глотала чистый кислород! Даже сейчас, когда кто-то спрашивает меня о том, что самое вкусное я когда-либо ела, то думаю, это был тот воздух. Воздух моего детства. Ну, забудем об этом... я хотела тебе сказать: тот тип, твой инспектор, он разнюхивал здесь.

От мыслей об этом надоедливом Малковиче, мой рот искривляется.

— Я его избегаю. Можно подумать, что он за мной следит. Он в курсе, что я написал Франческе, потому что об этом ему сообщила администрация тюрьмы, но он не может следить за всеми, кто освобождается условно-досрочно.

— Если бы он узнал, то не остался бы доволен.

— Шерилин, ты — моя семья, — категорично возражаю я. — И если этот говнюк сунет свой клюв, то я клянусь, что он запомнит причину, по которой я снова сяду.

— Не говори ерунду, малыш, веди себя хорошо. У тебя вся жизнь впереди, а теперь есть Пенни, о которой нужно думать. Не просри своё будущее из-за прошлого, не снова.

— Ты же знаешь, что я забочусь о тебе, однако хватит этого бреда о Пенни. И принеси мне поесть, я голоден.

С улыбкой Шерри удалилась. Смотрю на неё — ей перевалило за шестьдесят, хотя и выглядит она на много старше. В молодости была красивой, она показывала мне некоторые свои фотографии, хранящиеся в металлической коробке. На них она выглядела как куколка из кинематографа. И она даже попыталась стать актрисой. Шерри покинула горы и тот воздух, о котором теперь сожалеет и переехала в Нью-Йорк. Но вместо того, чтобы стать зездой большого экрана она стала шлюхой. Шаг между мечтой и кошмаром может быть опасно коротким, особенно когда наступает голод, и нет ничего другого, более подходящего. Потом она встретила мою мать и их пути объединились. Кто знает, как давно судьба решила превратить их в шлюх. И когда я называю их шлюхами, то именно это и имею в виду.

Поглощаю стейк и всё остальное. Потом Шерри приносит мне чашку кофе. Садится за мой стол, напротив и странно смотрит на меня.

— Я наблюдала за тобой, малыш, — говорит она мне.

— В каком смысле?

— Ты здесь уже около часа и я не спускала с тебя глаз.

— Я сделал что-то, что тебе не понравилось? — спросил её, с провокационной улыбкой.

— Ну, во-первых, у тебя ужасное лицо. Тёмные круги под глазами и теперь, когда я сижу напротив, то хорошо их вижу, и они меня почти пугают.

— Время не щадит даже меня.

— О, нет, я боюсь, что это плохие мысли съедают тебя. Не вляпайся в неприятности, ты мне это обещаешь? Никаких драк, ни связывайся со шварлью и никакого алкоголя.

— Не общаюсь ни с кем и честен, как мальчик из церковного хора.

— До тех пор, пока не выйдет эта.

— Эта — должно быть Франческа? — спросил её раздражённый.

— Очевидно. Как только выйдет, то всё начнётся сначала, да? Таким образом, ты ещё немного отдохнёшь за государственный счёт и навсегда себя разрушишь.

— Ты, как Малкович, не понимаешь одну фундаментальную вещь — я уже был разрушен до встречи с Франческой.

— Это неправда. Ты рос проблемным, да, был своенравный, и, по сути —тонул в отчаянии, но ты никогда никого не убивал.

— По чистой случайности. Это дермо я бы убил, не вмешайся ты.

— Это дермо хотел сделать больно твоей маме, а ты её защищал.

— Так же и то дермо, что я убил, хотел сделать больно Франческе. Только ты её на дух не переносишь.

— Малыш, дело не в том, что я её терпеть не могу, постарайся понять: я думаю, что в жизни каждый из нас должен искать свою недостающую половину. Ты знаешь эту

историю? Нет? Говорят, что каждый человек в самом начале, много веков тому назад, был каким-то монстром. Две головы, четыре ноги, четыре руки, и так далее. Возможно это так, но нам было хорошо, и мы чувствовали себя завершёнными. Дышали ещё лучше, чем я дышала в Монтане, а я знаю, о чём говорю. Затем ревнивый бог, один из тех, которые если видят счастливых людей, то у них сразу же образуется язва, взял и разделил нас на две части. Из одного человека сделал двух, только с двумя руками и двумя ногами и одной головой. Но прежде всего, только с одним сердцем, ты понимаешь, о чём я говорю? И заскинул одну половину от другой далеко в разные стороны, как фокусник, тасующий карты. И теперь, эти, сначала объединённые части, теперь ищут возможность вернуться друг к другу. И пока не найдут того кого ищут, остаются половинками яблока, половинками апельсина, половинками чего-то. Вот видишь, я ничего не имею против Франчески, просто уверена, что не она твоя половина, которая прежде делала тебя целостным. Это похоже на то, когда берёшь кусочки пазла, и они сводят тебя с ума потому, что ты не можешь совместить их и тогда ты ставишь их вместе, применяя силу. Соединяешь полоску неба с кончиком хвоста кота, но понятно, что получается абсурдный рисунок, не имеющий никакого смысла. Ты меня понимаешь?

— Единственное что я понимаю так это то, что ты должна была открыть брачное агентство, а не закусочную. С этими абсурдными историями ты кого-нибудь обведёшь вокруг пальца.

— Поверь мне, это не абсурдные истории.

— И моя половинка должна быть Пенни?

— Да, думаю именно так. Я заметила прекрасное притяжение между вами.

— Это было не притяжение, а начало бронхита.

— Тогда ответь мне на этот вопрос.

Смеюсь над причудами Шерри. Она внимательно смотрит на меня, с полуулыбкой, а потом задает очень странный вопрос:

— Не поворачивайся, оставайся сидеть так и ответь мне вот на что. Как одеты две красивые девушки, сидящие рядом с твоим столиком, справа?

Я вновь смеюсь, не понимая к чему, она клонит.

— Нет никаких красивых девушек, сидящих за столом справа от меня. Что это? Вопрос с подвохом?

— Мой мальчик, с момента, когда ты вошёл, эти двое не делали ничего другого, как посыпали тебе сигналы. Понятно, что они мечтают о приглашении за твой стол. Но ты даже не заметил их. Ты уже час сидишь с застывшим выражением между печалью, усталостью и зверским раздражением. И чтобы не заметить двоих как эти, или ты ослеп, или у тебя другое на уме. И у меня ощущение, что это *другое* зовут Пенни.

В очередной раз качаю головой. Не то, чтобы она ошибалась, я действительно думал о Пенни, но не в том смысле, который она подразумевает. И нет никаких красивых девушек, я бы заметил. У меня есть радар настроенный на тёлок, где бы они не находились и с кем бы не находился я. Мы часто играли с Франческой, она находила самую красивую девушку в баре, в который мы входили, и спрашивала, была ли та более красивой, чем она. До сих пор ни одна не выглядела красивее, чем она.

Всё ещё в недоумении оглядываюсь за спину Шерри и едва не давлюсь последним глотком кофе.

За столом справа от меня, действительно, сидят две цыпочки. Около двадцати, одетые по минимуму и довольно вызывающие. Они пришли не только что, я понимаю это по остатку от обеда. Я здесь, по меньшей мере, полчаса, даже если они и пришли не раньше.

И я не заметил их.

С момента, когда я вошёл, я не делал ничего другого, как думал о Пенни и о том, что произошло вчера ночью.

Не хотелось бы повторяться, но...

«Что. Твою мать. Такое. Со мной. Происходит?»

Я потерял немного времени, но потом решаю все-таки сделать это. Не имею ни малейшего понятия, что я ей скажу, но не могу не войти. Библиотека тёплая и гостеприимная и окутана странной атмосферой, почти священной, как в церкви. Я оглядываюсь вокруг, но не вижу её. Все на меня смотрят и следят за мной взглядами, как будто я инопланетянин. Это мой приговор, не оставаться незамеченным. Если я попытаюсь совершить ограбление, то мое тело выдаст меня.

В итоге я вынужден попросить нужную мне информацию у пожилой женщины и та посыпает меня в отдел русской литературы. Я чувствую себя полным идиотом. У меня всё ещё есть время, чтобы уйти. Я и Пенни, можно подумать нам нужно многое сказать друг другу.

Я проскользнул в соседний отдел, посвященный литературе в стиле фэнтези. Два мальчика стоят с носами, приклеенными к страницам. Кажутся влюбленными в то, что они читают. Быстрое, как ослепляющая вспышка воспоминание, возвращает меня в прошлое, на много лет назад, когда я также прятался среди книг в поисках лучшего места для жизни. Не посещал регулярно школу и не мог считать себя гением, но мне нравилось читать. До определенного возраста, прежде чем понять, насколько бессмысленно пытаться сбежать от реальной жизни, потому как реальная жизнь была всегда, даже когда сбегал, как эти загипнотизированные дети. Я читал и выходил за пределы моей пыльной комнаты и мне казалось, что всё становилось более терпимым, менее пропитанным дертьмом и кровью. Это не длилось очень долго: вскоре я перешёл от этапа Маркус-который-мечтает-иметь-крылья-и-откопать-спрятанные-сокровища-и-путешествовать-по-реке-на-плоту, к Маркусу, который засаживает-ножницы-в-дряблую-спину-этого-грёбаного-куска-дерьма. Я надеюсь, что эти тринадцатилетние никогда не повторят мой смертельный прыжок.

Приблизившись к полкам, я заглянул в пустое пространство между двумя книгами. И тут же чувствую, как скручивается мой желудок, словно он решил избавиться от съеденного на обед стейка.

Пенни вместе с Игорем, если правильно помню имя этого придурка. Говорят, смеются и едят, не знаю что. Вдруг он нежно прикасается к уголку её губ. Крепко сажимаю между пальцами тонкую книгу, пока полностью её не комкаю.

Сука.

Всё о чём я могу думать.

Сука.

Я понял, какую игру она ведёт. Ведь не дура. Шлюха, но не дура. Посмотри, как ему улыбается. Видно как хочет этого, с деньгами.

Женщины все такие и это действительно, правда. В конечном счёте, все они шлюхи. А я волновался. Но нет, она определённо этого не стоит.

Теперь, когда всё понял, я дам тебе то, что ты хочешь. Я тебя уничтожу. Опустошу тебя. В конце концов, для того, который сейчас здесь, останется очень мало для наслаждения твоей утраченной невинностью.

В бешенстве я возвращаюсь домой. И мешок становится моим смертельным врагом. Я луплю по нему, как если бы хотел его убить. Стираю все мысли, остается только абсолютная пустота, чёрная как асфальт.

Вдруг я слышу за дверью звуки и внезапно её распахиваю. Пенни так сильно дрожит, кажется, что она на грани падения с лестницы.

Входит, но некоторое время я её игнорирую. Продолжаю наносить удары по мешку, чтобы успокоить пожирающую меня ярость. В конце концов, я действительно выдохся, вспотел и, наконец, немного успокоился. Спорт мне всегда помогал не убить всех тех, кого я хотел бы убить. В данном случае Игоря. Он и его сраные золотые кудри.

Смотрю на Пенни, как бы спрашивая, какого чёрта она хочет, и она показывает мне письмо от Франчески и деньги. Деньги? Какие деньги? Ах, деньги за вчерашний вечер. Заслуженные двести пятьдесят долларов.

На мгновение, в моих мыслях вновь вспыхивает кровь Пенни, её гримаса страдания, моя бессознательная жестокость, и я делаю быстрый выбор.

Я задолжал ей оргазм. Чтобы стереть вчерашнюю боль, я должен ей немного удовольствия.

И после начну её трахать как надо, без лишних глупостей.

Притворяюсь, что мне шестнадцать лет, и делаю вид, что остановился на второй базе. Трогаю её языком и пальцами. У неё вкус и нежность ангела.

Это абсурдно, но мне нравится. Мне нравится. Меня возбуждает думать о её плоти, которой только я один касался и взломал. Я думаю, что каждый мужчина, хоть раз в жизни хочет лишить девственности, чтобы испытать вкус чистоты и извращённое – быть единственным.

Но самое шокирующее происходит потом, после того, как она кончила с шёпотом, который меня соблазняет сам по себе сильнее, чем сто громких стонов. Происходит, когда, по своей воле, без лишних слов с моей стороны, спрашивает о том, чтобы взять в рот мой член. Она делает это так неуверенно и недоверчиво, с румянцем, заливающим щёки, испуганная и смелая в одно и то же время. Всё это, вместо того чтобы успокоить, заводит её больше. Её хрупкость и дерзость почти, что взрывают меня.

Что это такое я чувствую, я не знаю.

Не знаю...

Не знаю...

Это необычные ощущения.

Идут далеко за пределы облегчения моего члена зажатого между её пальцами и прикосновениям языка.

Это таинственное чувство, без имени.

Только полчаса назад я был в ярости, а сейчас смотрю и ничего больше не понимаю. Она сука, без сомнения стерва, но стерва, которая мне нравится больше, чем обычно мне нравится женщина, которая не является Франческой. В то время как она уходит, я должен задушить искушение попросить остаться и рассказать, что происходит между ней и Игорем и приказать ей никогда больше с ним не встречаться.

Но я не делаю ничего из этого, чёрт побери, я не делаю. Я никогда не был ревнивым. Будет нелепо, если начну прямо сейчас. Ревнуют неудачники и слабаки. Те, кто не уверены, те, которые нуждаются в защитной сети, чтобы не быть проглощенными пустотой этой сволочной жизни, но я не такой. Мне хватает самого себя, у меня нет сомнений, я не боюсь высоты, заполняю любое пространство и отрекаюсь от любого

страха. И я одержу победу над этими неизвестными чувствами, которые пытаются меня трахнуть.

Однако, весь вечер в клубе, даже во время работы, я думаю. Вспоминаю Пенни, как безумный. Красивая и провоцирующая цыпочка вертится у меня под носом, и я говорю, «нет». «Я говорю, нет?» Отвечаю, не задумываясь. «Нет, спасибо, вали отсюда, я занят». Та уходит, глядя на меня плохо. Я смотрю на самого себя ещё хуже, чем она. Она была горяча, как и те девушки из закусочной, которых я даже не заметил.

Я сам себе выношу мозг.

У меня всегда перед глазами губы Пенни, её прикрытые веки, звук её дыхания, аромат её кожи. Не получается выбросить её из головы. Даже среди громкой музыки, толкающихся людей, суматохи трудного вечера, фильм с её обнаженным телом, её дрожь и вздохи, маниакально крутится у меня в голове. Я схожу с ума. Я действительно псих.

Возможно, я должен перейти к грубым манерам.

Никакого насилия, нет, но необходимо покончить с этими бесполезными кавычками – замешательства и потрясения и различным враньём.

С этого момента только трахаюсь.

Где получится, как случится, с кем удастся.

Не только с ней. И с ней никакой деликатности, никаких отношений, никаких остановок, никаких воспоминаний. Мы трахаемся, а не занимаемся любовью.

Во всём этом самым загадочным является то, что когда в шесть утра Пенни от меня уходит, я всё ещё не прочитал письмо от Франчески.

Глава 19

Повсюду. Они занимались сексом везде. Во второй половине дня, прежде чем пойти в библиотеку, Пенни поднималась в мансарду и, не разговаривая, не сказав друг другу ни слова, они только трахались и ничего больше.

Он ждал, раздевал, и брал её, наслаждаясь внутри её тела.

Она поднималась, раздевала и принимала его, наслаждаясь им в своём теле.

Ночью они повторяли те же самые сцены. Секс, только секс, голодный, грубый, лишающий дыхания. Было только это и ничего другого.

Пенни, если и повторяла для себя это часто, то не подозревала что Маркус, повторял для себя эту фразу ещё чаще, чем она. Потому что, чем больше ты повторяешь одно и то же, тем больше тебе это кажется правдой.

Теперь, для неё тело Маркуса больше не имело секретов. Она научилась расшифровывать его татуировки и, поискав в интернете, узнала смысл многих из этих племенных знаков. Означали, как она и догадывалась – силу и бесстрашие. Она не поняла ещё смысла пронзённого сердца, но не думала, что наступил момент спросить его об этом. В конце концов, он вёл себя, как будто её ненавидит, словно использует тело, посылая при этом, куда подальше всё то, что было вокруг. Давал ей удовольствие, и этого было достаточно.

«Всё равно, ровно через три недели, он уйдет.

Кто знает, что написала в письме Франческа.

Почему он ей ещё не ответил?

Ровно через три недели он исчезнет.

Но сейчас я не хочу об этом думать.

В настоящий момент я просто хочу этого.

Ровно через три недели он исчезнет».

Барби собралась пойти к парикмахеру и Пенни её сопровождала. В последнюю неделю она уделяла бабушке мало внимания и в этот день Пенни полностью посвятила себя ей. Она подарила ей прекрасное, выполненное лаской утро, причудливый маникюр и помаду клубничного цвета. Самой себе она подарила новую цветную прядь – вместо прежней розовой, уже практически выцветшей, сейчас появилась изумрудно-зелёная, яркая и символизирующая надежду.

Однако по возвращении судьба преподнесла ей ещё кое-какой подарок. Пока Пенни готовила поесть, а бабушка любовалась на свои ногти украшенные цветочками, кто-то постучал в дверь.

Пенелопа сильно вздрогнула, увидев Маркуса. Он стоял опираясь одной рукой на дверной косяк, демонстрируя злое выражение. Кивнул ей, приглашая выйти на лестничную площадку.

Эта новизна сама по себе не беспокоила её – по крайней мере, они говорили, а не просто катались по любой доступной поверхности, которая могла бы их поддерживать, пока они дарили друг другу оргазмы. Но лицо Маркуса выдавало испытываемое им беспокойство, и это пугало её.

— Что происходит? — спросила она, вытирая мокрые руки о белый фартук завязанный на талии.

Это было так необычно, встретить его с видом добродетельной домохозяйки, посвящающей себя простым вещам как готовка и кормление пожилой родственницы. Это выглядело странно, после всех последних дней, переполненных потом, стенами и глубокими поцелуями.

— Мистер Малкович хотел бы тебя видеть. Он у меня наверху. Ты можешь подняться на минутку?

— Хорошо, сейчас приду, что-нибудь случилось?

— Случилось то, что если он не продолжает доставать меня, то не может хорошо себя чувствовать.

Комментарий Маркуса вскоре стал понятным. На самом деле, как только инспектор увидел Пенни, объяснил ей сразу, в нескольких словах причину своего визита.

— Моя жена и я, мы хотели бы пригласить вас на ужин в наш дом.

Пенни уставилась на Маркуса с удивлением, пока он, прислонившись спиной к двери ванной, в тайне от своего гостя, язвительно закатил глаза к небу.

— В ваш дом? И это... в общем, это обычная процедура?

Мужчина кивнул широко улыбаясь.

— Ну, конечно, как инспектору по наблюдению за поведением условно освобождённых заключённых, мне приходилось иногда брать кого-то, так сказать, под своё крыло. В частности, ребят которых я счёл наиболее достойными, тех, кто по моей интуиции были хорошими в душе и оказывались на плохой дороге по ряду печальных событий. Это позволяет контролировать их более тщательно, но также как бонус какого-то особого обращения. Моя жена помогает мне и поддерживает меня. И видя любовь, что связывает вас с нашим парнем, мне кажется естественным пригласить и вас, мисс Миллер.

— Ох... эм... конечно, мне кажется идея великолепная.

За спиной у Малковича, Маркус сстроил гримасу и поднял вверх средний палец.

— Итак, если вы не заняты сегодня вечером, хотели бы вы? Могли бы? Обещаю, что не опоздаете на работу и к десяти вечера освободитесь.

— В таком случае мне подходит. Я... иду туда, куда идёт Маркус. В настоящее время нас объединяет нерушимая любовь, — прокомментировала Пенни, надеясь, что инспектор не заметил румянец на её щеках. Напротив, инспектор его заметил и правильно истолковал — не как яркое указание на враньё, а как выражение робкого и правдивого чувства. Маркус, всё ещё стоявший за спиной мужчины, сказал в адрес Пенни — беззвучно и по слогам — «ложивая сука». Она удержала желание вернуть ему этот взгляд с другим, в точности таким же. Или подобным. Потому что она, так никогда бы и не сумела продемонстрировать похожую невовлечённость.

Таким образом, они договорились встретиться вечером и, когда гость ушёл, Маркус закурил и сказал сквозь зубы и дым:

— Он ищет способ получше, для того, чтобы отправить меня назад, но до сих пор не нашёл.

Пенни покачала головой, она не думала подобным образом. Ей удалось уловить спрятанную доброту в жесте мужчины, который только что ушёл.

— Думаешь так потому, что ты всегда видишь плохое, повсюду, в других и в себе. Не допускаешь, что кто-то может быть деликатным по отношению к тебе, потому что ты, так не поступаешь и даже не знаешь, что это. А я напротив, верю, что он, в свою очередь, хочет защитить тебя и серьёзно намерен вернуть на правильный путь. Мне кажется, что он ответственный служащий и хороший человек, тот, кто делает больше, чем его обязанность, оказывая помочь парню.

— Ты поняла это, всё сразу и за один разговор?

— Если окажешь больше доверия другим, то ты останешься удивлен.

— Даже не подумаю об этом.

— Да, для тебя всё вокруг дерньмо. Для тебя важны только три вещи. Франческа, трахаться и копить деньги, и не обязательно в этом порядке.

— Ты, вместо этого, имеешь великие идеалы, — ироничным тоном заметил Маркус. С сигаретой между губ, отросшей щетиной и взглядом без нежности, он казался таким, что, даже, если и приложит усилия, то не сможет выдавить из себя ничего, кроме ненависти. В последнюю неделю даже стал ещё хуже. Весь этот секс окончательно отдалил его от неё. Попадая внутрь и прикасаясь всеми возможными способами, они поднимались на две планеты, расположенные на астрономическом расстоянии друг от друга.

Пенелопа покачала головой, пережидая обычную боль внутри, ту, что разбивала ей сердце, в настоящее время хрупкое как стекло, каждый раз, когда она напоминала себе, что Маркус никогда не был действительно её.

— Я верю во что-то хорошее. Я хочу любить и быть любимой, делать что-то для других, и реализовать свою мечту.

Маркус рассмеялся. Смехом без радости.

— Теперь ты будешь мне это рассказывать. Интересно почему я думаю, что все эти красивые мечты включают в себя кучу денег.

— На что ты намекаешь? Да, если бы у меня были деньги, всё стало бы проще, но я стремлюсь к своим мечтам в равной степени, даже если у меня ничего нет.

— Если ты его окучишь, твоего золотокудрого Игоря, может быть и найдёшь деньги.

— Для тебя вполне нормально то, что ты называешь меня шлюхой, поскольку относишься ко мне как к шлюхе. Однако прошу тебя, не добавляй лишнего. Я не хочу ненавидеть тебя, потому что в таком случае буду не в состоянии притворяться перед Малковичем, что я без ума от тебя.

Он погасил окурок сигареты в стакан.

— Сделав это вступление, раздевайся — мне нужно немного разрядиться от стресса.

Пенни решительно подошла к двери.

— Нет, — ответила ей. — Если тебе нужно сбросить стресс, то делай это в одиночестве. Я женщина, а не резиновая кукла.

Она оделась в простом и целомудренном стиле, чтобы произвести впечатление хорошей девушки, хотя и знала, что больше не является такой. Юбка в складку и блузка как у студентки, гладко, до щёк зачёсанные волосы, минимум макияжа и туфли без каблуков. В рюкзак она положила менее целомудренную одежду, которая понадобится после ужина, чтобы пойти на работу. Она казалась себе одной из тех опасных убийц, кто отправляются на слушание в суд, который должен принять решение — оправдать их или отправить на электрический стул и поэтому одеваются таким образом, чтобы попытаться обмануть присяжных.

Напротив, Маркус, плевать хотел на свой внешний вид. Он надел чёрные джинсы, рваные на одном колене, кожаные ботинки и кожаную куртку, которая наводила мысли о банде головорезов на мотоциклах. Он не побрился, и производил ещё больше впечатление немного сволочного бандита.

Семья Малковича жила в пригородном районе; не роскошном, но утопающем в зелени, и это сделало их в глазах Пенни более симпатичными. Тот, кто выбирает в качестве своих соседей деревья, не может быть плохим человеком.

Маркус вошёл в дом, продолжая курить из вредности. Пенни протянула миссис Малкович поднос печенья, которое она приготовила для неё и хозяйка дома засияла от радости. Это была маленькая и тучная женщина, с прической двадцатых годов, образованной мягкими волнами волос, зафиксированных, кто знает, каким количеством лака и ртом, подведённым в форме сердца. Её глаза излучали искренность.

Она провела Пенни по всему дому, с гордостью показывая свои маленькие вещи – коллекцию стеклянных лебедей, красивые gobelены в спальне и фотографии сына. Особенно фотографии сына.

Пенни увидела крепкого мальчика, с двумя яркими тёмными глазами, и на мгновение она вдруг почувствовала, что уже его знает. Затем поняла. Его взгляд был похож на тот, как смотрит Маркус. С яростью на весь мир.

Когда миссис Малкович сказала ей грустным голосом, что Кэмерона, так его звали, больше нет, Пенни поняла, что он не просто уехал, а умер. Она так сильно расстроилась, что готова была расплакаться. Миссис Малкович увидела её блестящие глаза и растрогалась.

— Какая ты милая, Пенелопа. Когда Монти сказал мне, что наш Маркус, наконец, нашёл хорошую девушку, то я не сразу поверила. Но теперь, когда тебя вижу, я счастлива. Он нуждается в этом, ты знаешь, он так много страдал.

Пенни заколотило. Вероятно, это неправильно, напротив – абсолютно неправильно, потому что, если Маркус хотел рассказать ей о своём прошлом, то сделал бы это сам, но она не устояла перед любопытством. Она не знала другие способы, как можно узнать о нём больше и, учитывая, что они находились одни и миссис Малкович, казалась, склонной к беседе, бросила наугад:

— Я знаю, он рассказал мне кое-что... про свою мать.

Энни Малкович печально кивнула.

— Женщина не может делать... я хочу сказать... делать *этую работу*, если мы можем называть это работой, в доме с ребёнком в соседней комнате. Бедняга с трудом пошёл в школу. Дом часто наполнял всякий сброд, мужчины, часто жестокие. Потому что тот, кто делает такого рода вещи, конечно, не может называть себя хорошим человеком. В дополнение, Мэри, так её звали, но я уверена, ты это уже знаешь, пила. Какое кошмарное детство для нашего бедного Маркуса.

— Должно быть, ему жилось ужасно... — прошептала Пенни, глубоко задумавшись. Представила Маркуса ребёнком, закрытым в комнате и затыкающим уши, пока, не слишком далеко, его мать, может быть, пьяная, становилась жертвой жестоких мужчин. Она не испытывала неприязнь к этой женщине, как очевидно, не испытывала и Энни Малкович. Пенни стало её жаль. Ей показалось, она тоже стала жертвой несчастливых обстоятельств. Как маленький Маркус.

Не удалось помешать слезам, скатиться по щекам.

— Да, девочка, — продолжила хозяйка дома. — Я тоже, каждый раз начинаю плакать, когда вспоминаю эту историю. Особенно, когда случилось то, что случилось. И как удивляться тому, что мальчик, воспитывающийся в такой среде, кто помогает матери, которую часто избивают чередующиеся клиенты, однажды повзрослев, пытается убить одного из них?

Пенни задрожала, не переставая плакать.

— К счастью не убил, а только ранил, однако с этого момента проснулись социальные службы, они увидели то дерзко, что происходило в этом доме, и забрали мальчика. Государство поступило не плохо, имею в виду, что так не могло продолжаться и дальше, но я не уверена, что эта организация стала лучшим решением, учитывая также, что именно там он познакомился с Франческой Лопес.

— Она тоже была... — вырвалось у неё.

— Он тебе не рассказал про это? Я не удивлена, возможно, опасался вызвать у тебя ревность или что-то в этом роде. Франческа Лопес, вместо того, чтобы помочь ему, потащила ещё глубже на дно. Она была агрессивной девочкой, представь себе, что Франческа подожгла дом, в котором жила с отчимом после смерти матери. Она была настоящей бандиткой, одной из тех, кому нравиться бить людей, даже без всякой причины. Вместе с ней, Маркус нашёл в себе и выплеснул наружу худшее. Поэтому я и Монти почувствовали себя счастливыми, когда появилась ты. Ты знаешь, как дать ему любовь, ту, которую он никогда не имел. Франческа дала ему только ненависть.

Пенни положила руку на сердце. Она представила себе их обоих, одиноких как два далёких цветка в пустыне, полной песка, и растущих в наполненном насилием детстве. Погруженные в вечный мрак, они встретились, переплелись и зацвели. Вспомнила их фото — эти лица, лишённые молодости, даже если они и были молодые и гнев, который просачивался из их глаз. Она поняла раз и навсегда, с той же болью ребенка, который стал свидетелем смерти Санта-Клауса, что ничего из того, что она могла бы сказать или сделать, не заменило бы всё пережитое ими. Маркус и Франческа держались вместе на плаву, когда бушующее море бросало их вниз, вместе утоляли голод и жажду, они выросли вместе, и были предназначены, чтобы быть вместе навсегда, какой бы ни была продолжительность этого «навсегда».

Ей вновь захотелось плакать, потому что её любовь была обычной, эгоистичной. Она хотела его для себя и на этом всё. Но никогда не смогла бы получить.

Энни Малкович положила руку на её руку, немного приостановив грустные мысли Пенни.

— Жизнь ни для кого не легка. Каждый из нас имеет свой балласт. Но теперь у Маркуса есть ты. Давай пойдем вниз, моя дорогая, ужин готов.

Желудок Пенни скрутило, но она заставила себя отдать честь приготовленным блюдам миссис Малкович. У неё создалось впечатление, что порой, Маркус смотрел на неё вопросительно. Она отвечала ему широкими улыбками, всё ради хозяев дома, которые интерпретировали эти взгляды как обмен между влюблёнными и были более чем удовлетворены увиденным.

После обеда они оказались в гостиной, разговаривая обо всём на свете.

— Прошу тебя, мальчик мой, продолжай в том же духе, — сказал Монти Малкович.

— Работа, дом и Пенни. Я написал мировому судье очень удовлетворительный отчёт о твоих положительных достижениях. И могу рассказать тебе хорошие новости. Я выступил гарантом, что ты не попытаешься покинуть штат и у меня есть это для тебя.

Он достал из ящика пластиковую карточку. Это было водительское удостоверение Маркуса.

Он что-то проворчал, по всей вероятности — благодарность или, может быть, ничего и положил документ в карман.

— Спасибо, — вместо него открыто сказала Пенни.

— Конечно, я понимаю, что водительские права без машины бесполезны. Поэтому, я уже связался с продавцом недорогих подержанных автомобилей. Вот его адрес. Это честный человек и заслуживает доверия, продаст тебе машину на выгодных условиях, — и вручил Маркусу визитку со стилизованным рисунком автомобиля.

Маркус взял, продолжая хранить молчание.

Пенни вновь поблагодарила за него, и убедилась в одном — Малковичи, действительно пытались спасти ребят от пути погибели, но испытывали по отношению к Маркусу особое чувство покровительства потому, что он напоминал им сына, умершего, кто знает при каких обстоятельствах.

Около десяти часов, вызвали такси, и Малкович оплатил проезд до места назначения. Прежде чем уйти, Пенелопа импульсивно обняла жену и мужа с искренней симпатией. Маркус ограничился лишь двумя, молчаливыми рукопожатиями.

Когда они уходили, Пенни обернулась чтобы посмотреть на прощание, и увидела пожилую пару, выглядящую как два брошенных родителя, которые пытаются спасти чужих детей, потому что не сумели сохранить своего собственного.

В такси, Маркус смотрел на неё с любопытством.

— Могу я узнать, что с тобой не так? Ты бледна как смерть. Что ты делала почти полчаса с той наверху? Вы долго не возвращались и мне пришлось выслушать миллион всякого дерьяма со стороны Малковича.

— Они хорошие люди и не говори о них плохо.

— Я хочу знать, почему, когда ты спустилась, то выглядела заплаканной.

— Возможно, я растрогалась, восхищаясь коллекцией стеклянных лебедей дорогой Энни?

— Чушь собачья. Что случилось?

— Ничего серьёзного. Только... она рассказала мне о своём умершем сыне и я не смогла сдержать слёзы.

Маркус разглядывал её, не слишком убеждённый таким ответом.

— Уверена, что она не выдала тебе также какую-нибудь жалостливую историю на мой счёт?

— Ну, нет, конечно же, нет.

Он собирался ответить, когда Пенни увидела что-то за окном, что привлекло её внимание. Она потянулась в сторону Маркуса, в буквальном смысле перелезла через него и приставила ладони по бокам у глаз, чтобы лучше видеть.

— Остановитесь! — приказала таксисту и тот импульсивно затормозил.

— Что происходит? — спросил мужчина индус, выглядящий уставшим.

— Оставьте деньги за всю поездку. Мы сойдем здесь.

Потащила Маркуса в сторону красочного и грандиозного Луна-парка, который занимал территорию двух или трёх кварталов. В воздухе звучала весёлая музыка и, хотя наступило только начало ноября, Пенни показалось, что пришло Рождество.

— Пойдём? — спросила его с горящими глазами.

— Забудь об этом. Там неразбериха из детей и парочек. И потом, мне надо работать.

— Окей, тогда ты иди, а я останусь, — сказала она голосом, слегка покрытым вуалью печали. Она не собиралась уходить. Ей нравилась идея прогулки по Луна-парку,

такому большому, как те, что раньше видела в фильмах. Конечно, оставаться одной не было лучшим вариантом, но она бы приспособилась.

Маркус остановился посреди площади перед входом, где небольшая толпа выстроилась в очередь, чтобы попасть внутрь, положив одну руку на бедро, а другой держа только что зажжённую сигарету.

— Ты достающая маленькая стерва, — пробормотал он.

— Увидимся позже! — воскликнула она, направляясь к хвосту очереди.

На мгновение он остановил её за запястье.

— Только в одиннадцать, уходим.

— Ты хочешь сказать, что остаёшься?

Он не ответил, а только внимательно посмотрел на неё. Уголёк сигареты дрожал, пока Маркус затягивался, не отводя от неё глаз.

— Ты загадка и это в твоём стиле, — сказал он, наконец.

— В каком смысле?

— Я не могу понять, что находится в твоей голове. В определенные моменты ты вполне взрослая, твою мать, если так и есть, но потом, как сейчас, на лице появляется абсурдное выражение и у меня закрадывается ужасное подозрение, что занимался сексом с замаскированным ребенком. Тебе действительно уже стукнуло двадцать два года?

— Не волнуйся, тебя не посадят в тюрьму за развращение несовершеннолетних. Отпраздную двадцать три года двадцатого декабря. Во всяком случае, никто из нас не состоит из чего-то одного, не так ли? Ты тоже, думаешь, что состоишь из единого целого, но внутри имеешь огромное количество индивидуальностей, в чём я уверена. А теперь пойдем, не будем тратить время на болтовню.

Инстинктивно, она взяла его за руку, не задумываясь о смысле этого жеста и его возможной реакции, и только после того, как они зашли внутрь, она заметила, что он не убрал руку. Пенни сжала сильнее и подумала, что у счастья запах сахарной ваты и холодной ночи, и Маркуса, который курил и ворчал, но оставался рядом.

Пенни веселилась как ненормальная. У них не было времени, а также денег, для того чтобы покататься на всех аттракционах и поиграть во всё, но и просто смотреть доставляло удовольствие. Она позволила себе роскошь пострелять из деревянной винтовки по куче банок, и выиграла плюшевого утёнка на батарейках. И если нажать ему на спину, то он говорил ворчливым голосом: «Но, какой я крутой». Она не оставила приз для себя, а подарила ребёнку который плакал, потому что сахарная вата упала на землю, заставляя своим подарком снова его улыбаться.

Вдруг они оказались перед двумя высокими дворцами из папье-маше. Один, окрашенный в розовый цвет, имел сияющую вывеску «ТУННЕЛЬ ЛЮБВИ», а другой, весь чёрный, криво написанную «ЛАБИРИНТ УЖАСОВ».

— Даже не думай об этом, и я говорю серьёзно, — сказал Маркус, осматривая розовый замок, как будто это была бесформенная гора дымящегося навоза.

— Войти в тоннель любви, говоришь? Точно нет, — заверила она. — Но тот, ужасов — создан для нас. Давай посмотрим, достаточно ли ты храбрый?

— Чего я должен бояться? Какого-то скелета из пластмассы?

Она засмеялась.

— Никогда не знаешь, возможно, обнаружишь, что ты больший трус, чем ты думаешь. Если ты пойдёшь со мной, я обещаю, что после него мы сразу уйдём.

— Согласен, но если всё это лишь повод, чтобы потрогать меня, ты знаешь, что тебе не нужны предлоги. Просто скажи, и я сниму с тебя трусы.

— Маркус, ты, как всегда джентльмен. Деликатный, как немногие. Но не волнуйся, у меня нет скрытых намерений. Мне сегодня едва исполнилось десять лет, и я хочу просто повеселиться и съесть сахарную вату. А сейчас мы пойдём?

Клиенты Луна-парка, похоже, были очень романтичными, поскольку лабиринт ужасов представлял пустыню, за исключением какой-то мумии с завязанными глазами и пары поддельных зомби, которые неожиданно выскочили из темноты. Пенни и Маркус проследовали по длинному коридору, который постоянно разветвлялся, и они наталкивались на различных монстров, в сопровождении фоновой записи с дьявольским смехом и музыкой, соответствующей атмосфере.

Однако неожиданно, Пенни испустила крик в месте, слабо освещённом одним мигающим неоном. Когда она поняла, чего она испугалась, то нервно расхохоталась. Она увидела саму себя, отражающуюся в кривом зеркале. Выглядела в три раза выше и толще.

Отражение в этом же зеркале Маркуса и так уже больше её,казалось гигантским.

— Я говорил тебе, что всё это лишь предлог, — сказал он.

Пенелопа вздрогнула и только сейчас поняла, что прижимается к его груди.

— Прости, — прошептала она, отодвигаясь.

— Тебе не за что извиняться, — ответил ей с насмешливым тоном. — И что потом? Я дал тебе понять, что не хочу, чтобы меня трогали?

Она не ответила. Шагая вперёд, прикусила губу. В сопровождении одной и той же музыки, которая навязчиво повторялась, они некоторое время шли по лабиринту в молчании. Иногда высакивал какой-то новый монстр, но не вызывал страха. Пенни больше боялась того, что собиралась сказать.

— Раньше, я солгала тебе, — прошептала она, как будто не хотела, чтобы он действительно услышал.

— Когда? — спросил Маркус отдалённо встревоженным тоном.

— Миссис Малкович рассказывала мне о тебе, а я провоцировала, чтобы узнать больше. Прости меня. Я поступила бесцеремонно. Если ты хочешь убить и похоронить меня здесь, валяй.

Маркус ничего не сказал. Он попытался найти в карманах сигарету, но не нашёл ни одной.

— Что она тебе рассказала? — спросил он.

Пенни быстро и в общих чертах повторила услышанные откровения, стараясь не сыпать соль на рану и не добавляя негативные комментарии об его матери и Франческе.

— Прости меня — повторила в конце.

Пенни увидела, как в тусклом свете Маркус пожимает плечами.

— Выходит ты плакала из-за меня.

— Также.

— Там нет ничего, о чём стоит плакать. Можешь сэкономить свою жалость.

— Это не сострадание.

— Ах, нет? И что это такое?

«Это любовь, придурак».

— Мне жаль, потому что ты...

— Ударил в спину ножницами этого сукина сына? Облом, что я не убил. Но это не зависело от меня. Если бы мне позволили это сделать, то перерезал бы ему яремную вену. К сожалению, Шерри встала на моё пути.

— Она жила с вами?

— Рядом с нами. Она была с одним и перестала трахаться, когда услышала крики. Пришла и забрала у меня из рук ножницы. Я специально их заточил. Знаешь, это было предумышленное убийство. Этот тип уже пытался причинить матери вред, так что я подготовился. Когда я увидел брызги крови, то наслаждался. Мужик был бесполезным говном. Один из таких, кто идет к проституткам и бьёт тех ногами.

— Ты прав.

— Что?

— Ты прав, один из таких — полное дермо, это точно. Если бы он умер, то это не была бы большая потеря. Хотя я рада, что Шерри тебе помешала.

— После этого, меня закрыли в том чёртовом учреждении. Паршивое место. К счастью, пару лет спустя, там я встретил Франческу. Они не хотели, чтобы мы были вместе, но по ночам мы перелезали через ворота, которые отделяли мужские и женские половины, и делали то, что приходило в голову. Ведь это же не тюрьма с максимальной охраной. Эта часть жизни там была настоящим кайфом.

— Она первая девушка, с которой...

Маркус рассмеялся.

— О, нет. В первый раз я это сделал в четырнадцать лет с одной двадцатилетней шлюхой. Имею в виду настоящую шлюху, она была одной из многочисленных цыпочек, которые посещали мою маму. Но не воображай, что я был вынужден, или ещё что-нибудь подобное. Были шлюхи, порядочные, те, кто не прикасалась ко мне, даже случайно. Это я её попросил. Настаивал так сильно на этом, что, в конце концов, уговорил. С Франческой произошло гораздо позднее.

Мы очень много развлекались, она и я, мы становились едины, и когда трахались, то забывали обо всём что было вокруг. Так что мы много трахались, поскольку вещей, о которых хотелось забыть, также и для неё, накопилось больше чем пальцев на одной руке.

— Ты когда-нибудь занимался сексом только по любви? Просто для удовольствия быть с кем-то, а не для того чтобы позабыть или избавиться от мыслей?

Он снова засмеялся, так громко, что его голос, смешиваясь с жуткой музыкой, казался почти отвратительным.

— Секс служит для этого, Пенни. Пока наслаждаешься, ты забываешь то дермо, что сидит у тебя внутри. Нет другого вида секса.

Пенни опустила взгляд на неровный пол лабиринта, покрытый длинным черным ковром. Она почувствовала, насколько малосеньким стало сердце, таким, что могло потеряться в звёздном пространстве с копейку.

— И потом, ты видел свою мать? — спросила Пенни, меняя тему разговора.

— Да, после того, как я вышел из учреждения. Но она умирает.

— Она умирает?

— Её поймал рак матки, представь себе, как будто какой-то демон хотел наказать её.

— А твой отец?

— Сын шлюхи может когда-нибудь знать кто его отец? Даже она не имела ни малейшего понятия. Не то, чтобы меня это волновало.

— И ты и Франческа...

— Мы остались вместе. Жили с ней сумасшедшей жизнью. Мы делали самые глупые и опасные вещи. Потом случился тот хаос и нас закрыли.

— И ты оказался здесь.

— И я приехал сюда.

— Теперь уже недолго.

— До возвращения Франчески?

Пенни слабо покачала головой. Мысль об их сильной связи забрала все её силы. Она больше не хотела слушать, не хотела больше ничего знать. Не существовало никаких шансов на то, что настоящее может быть на высоте того необыкновенного, сумасшедшего, жестокого, эротичного и кровавого прошлого.

— Нет, конец лабиринта. Я вижу свет и музыка закончилась. Лучше поторопиться, или меня уволят. Не знаю как ты, но я не могу себе этого позволить.

— Ладно, я выйду здесь, увидимся позже, — сказала Пенни, выпрыгивая из другого такси, которое они были вынуждены поймать, чтобы не опоздать. Она всё ещё была одета как девочка из колледжа и должна была переодеться.

Тем не менее, едва выскочив из автомобиля, она почувствовала, как будто неожиданно катапультировала в колодец, полный пепла. Перед входом в «Well Purple» стоял Грант, и она была полностью уверена — поджидал её. Он нервно бродил, глядя на наручные часы и, возможно, спрашивал себя, почему это она ещё не приехала.

Пенелопа замерла, парализованная, у окна машины.

— Всё хорошо? — спросил Маркус.

— Да, — сорвала она, уставившись на Гранта, который до сих пор её не заметил.

Но Маркус должно быть услышал что-то в её голосе, какую-то неестественную вибрацию, ложь во спасение на заднем плане, потому что он также вышел из автомобиля и посмотрел в сторону Гранта.

— Что происходит? — спросил вновь. — И не пудри мне мозги.

Пенни заставила себя натянуть улыбку.

— Ничего, на самом деле, просто я опаздываю. Я пойду или мне устроят нагоняй.

Ускорилась, освобождаясь от объятия Маркуса, который положил ей на плечо руку, и прошла мимо Гранта, надеясь, что тот не заметит её и уйдёт, думая, что этим вечером она не появится на работе. Но он повернулся, и застукал именно тогда, когда она уже переступила порог. И губы хорошего парня исказила змеиная улыбка.

Пенни пробралась сквозь человеческий поток, который уже наполнил бар, вошла в крошечную комнату для персонала, чтобы переодеться. Помещение закрывалось раздвижной дверью без замка, и за всё время этой сумасшедшей операции она оставалась, прикована взглядом к этому гигантскому вееру из пластика, окрашенному в ядовито жёлтый цвет, опасаясь, что Грант преподнесёт ей какой-нибудь неприятный сюрприз. Вздохнув с облегчением, она начала надевать туфли, когда неожиданно увидела его перед собой. Музыка и голоса в зале заглушили скрип, производимый дверью, когда она открывалась. Сейчас он стоял напротив и смотрел на неё со своей обычной самодовольной ухмылкой угрожающего лицемера.

— Любовь моя, — сказал он. — Я волновался. — Приблизился, медленно и элегантно, как мужчина, который хочет подарить букет цветов, но при этом, из его глаз сочилась свирепость демона, с nimбом производимым пламенем.

Пенелопа встала и попыталась не показать свой глубокий страх.

— Проваливай нахер, мне надо работать.

Но Грант не остановился. Подошёл ещё ближе и Пенни пришлось отступить, хотя она и ненавидела быть добычей или жертвой.

— Ты стала ещё красивее. Ты что-то сделала? Запах секса. Ты чертовски сексуальна.

— Если ты не сдвинешься...

— Я двигаюсь, двигаюсь, не собираюсь же я делать это здесь. Хотел только поставить в известность, что я не исчез и действительно так сильно хочу тебя, что рано или поздно вставлю тебе до полусмерти.

Пенни отклонила голову набок, она ненавидела даже прикосновения его дыхания. От него исходил аромат насыщенного и дорогого парфюма, который вызывал у неё тошноту сильнее, чем реальная вонь. Он был слишком умён, чтобы напасть на неё там, куда в любую минуту кто-то мог войти, но его близость производила эффект равнозначный агрессии и вызывала отвращение.

Поэтому, когда Грант протянул руки чтобы дотронуться до её плеч, и несмотря, что этот жест не являлся прелюдией к прямой атаке, Пенни, вспоминая то, чему учил её Маркус, скинула обе руки, толкнула его в сторону, подняла колено и ударила его ногой в место, где она была уверена, сделает больше боли. Грант крикнул, согбаясь пополам и выплёвывая ей в лицо град оскорблений, перемешанных с жалобами.

Пенни ожидала, что в следующий момент он рухнет вниз, хватая воздух как отравленное насекомое, но Грант не рухнул на пол, а напротив, он остался стоять и начал двигаться в обратном направлении, как если бы тестировал своё неуклюжее движение назад. Именно тогда Пенни увидела Маркуса, подошедшего к Гранту сзади. Он был слишком высокий и внушительный, чтобы его не заметить. Маркус схватил Гранта за плечо, завёл и согнул ему руку за спину и ударил о стену с такой жестокостью, что она подумала – стена сломается.

— Но что такое... — прошепелявил Грант, с носом и ртом раздавленными об стену, практически целуя её. Из одной ноздри стекала струйка крови, в то время как слёзы от боли, которую ей нанесла она, продолжали стекать по щекам.

Маркус, нажимая с силой, удерживал его в такой позе.

— Кусок дерьяма, — сказал ему на ухо таким тоном, что даже без этой чудовищной хватки, вызывал страх только своим голосом, — сейчас я тебя выпотрошу, порежу на куски и потом сожгу, и от тебя ничего не найдут, даже ни одного зуба.

Грант продолжал мялить и ныть, как трус со сломанным носом и помятymi яйцами. Пенни положила одну руку на плечо Маркуса и сжала её.

В его глазах виднелся вооружённый убийца, там был маленький мальчик, который хочет полностью отрезать голову мужчины, нападающего на его мать, только взрослеем – намного больше – и более смертоносный.

Пенни не могла позволить ему это сделать. Она собиралась сделать то, что много лет тому назад сделала Шерри. Вынула символические ножницы из его рук. Сказала ему:

— Я прошу тебя, отпусти его.

Маркус ослабил хватку на руке Гранта. Уставился на Пенни, смотрящую на него, молчаливо умоляя не идти дальше и не разрушать себя, уничтожая Гранта. Глаза Пенни были блестящие, открытые и похожие на взгляд матери. Грант, между тем, воспользовался этой, воображаемой заминкой, чтобы вырваться и убежать. Бежал даже не оборачиваясь, заметно прихрамывая и проводя рукой по носу.

Маркус повернулся в его направлении, как будто собирался догнать, но Пенни удержала его обеими руками.

— Если его покалечишь, то тебе это выйдет дороже. Он дерьмо, но мне ничего не сделал.

— Всё ещё нет! Твою мать, Пенни, с некоторыми людьми не существует другого решения. Он должен умереть. Если он не умрет, то рано или поздно сделает больно тебе или кому-то ещё.

— Тогда будем надеяться, что он умрёт, но не от наших рук. Иди работать, я уверена, что он не вернётся.

Маркус покачал головой.

— Я уже позвонил в «Магаја», чтобы предупредить, что сегодня не приду. Я останусь здесь, и если он вернётся, клянусь, я отведу его в переулок и разобью о стену голову. Пенни, я не шучу.

— Я знаю, что не шутишь, но... не делай ничего подобного. Я не позволю тебе просрать свою жизнь. Через две недели выйдет Франческа, ты должен думать только об этом и тогда вы уедете из этого дерьямового места. Я справлюсь, как всегда делала по жизни. Теперь позволь, я пойду работать, или Дебби превратиться в настоящую ведьму.

Она направилась по направлению к барной стойке, но заметила что качается. У неё на ногах была одета только одна туфля. Пенни сделала второй и почувствовала себя уставшей, такой измотанной — ей казалось, она держит на своих плечах всю тяжесть этого здания, включая людей и их сердца, их мысли и выпитый алкоголь. И Маркус, который уставился на неё, не отрывая взгляда, Маркус с его глазами убийцы, который прошептал за мгновение, прежде чем выйти из комнаты:

— Если он прикоснётся к тебе, то умрёт и это обещание.

Как и сказал, в эту ночь Маркус не пошёл работать. Он оставался там до тех пор, пока Пенни не закончила, всегда рядом, настороженный и злой. Она и так уже расстроенная по более серьёзным причинам, была вынуждена наблюдать за бесчисленными попытками абордажа Маркуса со стороны других девушек. Однако все, в определенный момент уходили, как отправленные в отставку.

Вдруг, две из них подошли к стойке, чтобы заказать выпить.

— Но как ты это сделала? — спросила одна, после того как попросила джин с-tonиком.

— Прости? — не понимая, в свою очередь спросила Пенни.

— Замутить с тем красавчиком, — ответила та, делая кивок в сторону Маркуса. — И должно быть, к тому же, он влюблён. Не захотел дать мне даже номер телефона. Сказал что он с тобой. Объясни мне, как ты это сделала?

Пенни вздрогнула и на мгновение ощутила глупое опьянение от мысли, что она действительно подружка этого красавчика, а не выдуманная отговорка, чтобы этим вечером держать подальше девушек, потому что у него не было никакого желания развлекаться.

— У меня есть скрытые таланты, — хладнокровно ответила она, не поддаваясь искушению плюнуть в приготовленный напиток.

Грант больше не появился, и возвращение домой прошло спокойно. За исключением гнева Маркуса, который, хотя и остыл немного, но всё равно ещё кипел в нём, как жар под горячим пеплом.

— Вечером я тебя провожаю, а потом заберу. Если что-нибудь случится, то я хочу, чтобы ты позвонила мне на мобильный, — заявил он безоговорочным тоном.

— Маркус...

— Никаких возражений, это то, что ты делаешь.

— Наш контракт истекает, ты вправе больше не заботиться.

— Не принимай это всерьёз.

— Я принимаю это всерьёз, и ещё как. В конце концов, речь идёт о моей шкуре, — возразила она. — Но это моя проблема, а не твоя.

— Проблема также и моя! — проревел Маркус, останавливаясь на дороге. Притянул её к себе, и Пенни оказалась в его объятиях, внезапно, без предупреждения, без подготовки для своего бедного маленького сердца, такого наполненного и такого пустого.

— Почему? — спросила, вполголоса.

Он ответил как то неразборчиво.

— Я не знаю почему, но это так и на этом всё.

— Спасибо, что беспокоишься обо мне, но... не делай так больше, ладно? И сейчас мы пойдем домой. Я смертельно замёрзла и очень сильно устала.

Маркус кивнул, выглядя мрачнее тучи. Он шёл, спрятав руки в карманах, даже не курил. Казалось, что погрузился в миллиард мыслей — все его и только его.

Когда они дошли до дома, он освещал путь фонариком вплоть до двери квартиры, дождавшись, когда она войдет, а потом сразу пошёл прочь, не издав ни звука, не кивнув и даже не предложив ей подняться к нему.

Пенни переоделась и легла в постель за рекордное время. Она действительно была раздавлена. Сколько в один день сконцентрировалось эмоций. Она вспомнила то, что узнала о Маркусе, и заплакала, спрятав под подушку голову.

Через некоторое время её заставил подпрыгнуть шум. Села и ещё раз увидела его на пожарной лестнице. Испугалась, предполагая, что случилось что-то серьёзное, что, возможно, он разыскал Гранта и убил его. Пенни открыла окно наполненная ужасными опасениями. Он вошёл, принося запах мыла и холода.

— Заходи, ты замёрзнешь, — сказала она, заметив, что Маркус был одет только в футболку, джинсы и расстегнутые ботинки на босу ногу.

— Что случилось?

Он энергичным жестом провёл рукой по лбу, как если бы хотел навести порядок в море мыслей, которые там теснились, сваленные в беспорядке. Потом, он оказался перед ней, такой высокий, что казался колонной посреди комнаты, и сказал вполголоса:

— Пообещай мне, что даже когда я уеду, ты будешь осторожна.

Пенни кивнула, стараясь не думать об этом, таком близком моменте.

— Обещаю.

— До моего прихода он тебя трогал? Сделал с тобой что-нибудь?

— Он попытался, но я его остановила. Что случилось, Маркус?

— Ничего. То есть... не знаю.... — Он замолчал на несколько минут, затерявшись взглядом в бесконечности, и три горизонтальные морщины пролегли на лбу. Спустя некоторое время он внимательно посмотрел на неё и спросил на одном дыхании, — я такой же, как и тот, другой?

Пенни не смогла удержаться и не вздрогнуть.

— Как Грант? Но что такое ты говоришь?

— Я думал об этом и, в конце концов, мне не кажется что я лучше, чем он. На самом деле я даже хуже. Я наделал кучу дерьяма, Пенни. И у меня столько этого дерьяма внутри.

— Каждый из нас его имеет, поверь мне. И не сравнивай себя с Грантом, пожалуйста. Он сумасшедший маньяк.

— А я — нет? Я зверь, Пенни, и ты это знаешь.

— Ты на самом деле неутончённый кусочек — властный, сквернослов и в принципе мудак, и в постели ты... бандит. Хотя... это ты настоящий, ты не представляешься джентльменом, чтобы потом принуждать меня, если я скажу «нет». Я уверена, что если тебе сказать нет, то тебя это остановит. И, хотя это может показаться странным, но у тебя имеется вежливость, характерная для тебя. Всегда меня спрашиваешь, хочу ли сделать что-то, не словами, спрашиваешь глазами, и я вижу это. И ты хочешь... заставить меня чувствовать себя хорошо, когда... когда мы это делаем. Не думаешь только о себе. Ты желаешь, чтобы я тоже... я имею в виду, получила удовольствие. Кроме этого, знаешь, что я тебе скажу? Если зверь ты, то, по всей видимости, и я тоже, потому что мне нравится, что ты делаешь и как ты это делаешь. И я также, когда мне надо, выражаясь грубо, не так ли? Поэтому не сравнивай себя с ним, согласен?

Маркус улыбнулся, и это было, как если бы луч света неожиданно осветил угол, до этого погружённый в темноту.

— Так что, если я скажу, что в данный момент я хочу сделать это, ты не будешь осуждать меня?

Пенелопа подавилась смешком сквозь пальцы. Она заперла дверь и задернула на окне шторы. Затем вернулась в центр комнаты к Маркусу, который рассматривал её, и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала его в губы. Лёгким и невинным поцелуем, как только что выпавший снег.

Он, в ответ, взял её на руки, сел на кровать и посадил на свои колени. Держа её так, с осторожностью, расстегнул рубашку от пижамы Пенни и начал ласкать её грудь. Он наблюдал за ней, пока это делал, смотрел на её кожу в спокойном полумраке комнаты, на её возбуждённые соски и запрокинутую назад голову. Затем спустился ниже, слегка прикоснувшись к прессу, бёдрам и шелковистому чреву. Он опустил пижамные брюки, и нежно прикасаясь кончиками пальцев, опалял её ноги. Так продолжалось долго, долго и без попыток проникнуть в неё каким-либо образом, если только не силой своего взгляда.

Потом он раздел её полностью и разделся сам. Обнажённые они оказались на кровати Пенни, на кровати, не видевшей таких встреч, под одеялом и, даря прикосновения, как будто они не знали друг друга и, как если бы изучали карту, чтобы спасти свою жизнь.

— Я не принёс с собой презерватив, — прошептал ей на ухо, — я не могу войти внутрь.

Она кивнула, но на мгновение, только одно, она подумала, что всё равно хотела бы его внутри, хотела его плоть, и его семя, и его сына.

Сразу после этого подумала, что она сумасшедшая и довольствовалась его пальцами. Когда она кончила, Маркус закрыл её губы большим пальцем и лукаво улыбался, пока она двигала бёдрами, преследуемая этими изысканными спазмами. Когда кончил он в её руках, Пенни заглушила его поцелуем.

Она была уверена, что никогда не смогла бы получить больше — в эту ночь, эта медленная и молчаливая связь, эти поцелуи, эти ласки, были больше всего похожи на любовь, которую Маркус когда-либо мог дать.

Глава 20

Маркус

Я и Пенни трахаемся почти без остановки. Мне достаточно просто посмотреть на неё, чтобы больше ничего не понимать. Не могу думать ни о чём другом. Когда я на работе, то мечтаю как можно быстрее вернуться домой, чтобы находится рядом с ней. Я просыпаюсь утром и жду, когда она придёт. И когда приходит, то заташиваю внутрь и раздеваю и беру её, как если бы не обладал женщиной много лет.

Расходую две коробки презервативов за одну неделю – это рекорд даже для меня. Иногда я останавливаюсь, чтобы задуматься: это абсурд – я трахаюсь как проклятый с той, в которой нет ничего особенного и кто восемь дней тому назад была девственницей, и, тем не менее, это так. Я не могу серьёзно соображать, действительно, не могу ясно мыслить. Думаю только о ней и о том, что хочу с ней сделать, и когда я делаю, то представляю то, что сделаю в следующий раз.

Мне нравится, мне нравится даже слишком. Разумеется, это всего лишь секс, но я удивляюсь, почему раньше мне не доводилось трахаться так долго с одной и той же цыпочкой. За исключением Франчески, имею в виду. Но Франческа это Франческа – красивая, она моя женщина и нас объединяет цунами вещей и потребностей.

Пенни, напротив, кто она? Чего она хочет? Немного влажного и горячего секса, какой-нибудь оргазм для того, чтобы позабыть о грёбаной жизни снаружи? Или, возможно, это способ скоротать время, прежде чем пустить внутрь себя своего прекрасного принца?

Когда я думаю об этом, меня ослепляет гнев, и я сбрасываю мою злость, убивая ударами мешок, а не Игоря. Я всё ещё не понимаю, почему так злюсь, нет ни одной причины слетать с катушек, воображая Пенни вместе с другим.

И всё же... она моя, твою мать.

Я схожу с ума. Я определенно схожу с ума. Другого объяснения нет. И ещё эта фраза: «она моя», которая появилась как опухоль в моём мозгу и терзает меня. И трахаю её больше как шлюху, без единого слова и поцелуя, надеясь, что это заставит меня презирать её, надеясь, что это удержит меня прошептать ей на ухо, в то время когда вхожу в неё: «Пожалуйста, скажи, что хочешь только меня».

Стучат в дверь, но это не Пенни. Пришёл эта заноза в заднице – Малкович. Хочет пригласить на ужин к себе домой. И Пенни соглашается, как ни в чём не бывало, как будто это ей доставляет удовольствие.

Пока она с ним разговаривает, ненавижу её всем моим существом. Сука! Как притворяется в меня влюблённой, а сама тем временем подогревает интерес папиного сыночка. И, кроме того, читает мне лекцию о том, как жить, о доверии, о любви и прочем абсурде. И, в конце концов, отказывается мне дать. Абсолютная сука.

У Малковича сплошные проповеди о том, как себя вести и с кем встречаться. Неожиданно Пенни пропадает с его женой, и Монти берёт меня в оборот и начинает капать на мозг по поводу Пенни – какую удивительную девушку я выбрал и насколько она нежная, хорошая и правильная для меня. И потом, что он подразумевает, говоря – она правильная для меня? Что я должен сделать, согласно его Богу? Жениться, жить вместе с

её бабушкой, зачать с полдюжины детей и работать как грёбаная каторская крыса? Это была бы правильная жизнь для меня? Остаться в этом сраном городе? Это смерть, а не жизнь. Во мне всегда жило желание сбежать, или оставаться на одном и том же месте, по возможности, на самые короткие сроки. И тем более теперь, после того как я был закрыт на четыре года и дышал одним и тем же воздухом, чувствуя себя похороненным заживо.

Если Монти Малкович держит при себе идею такого для меня будущего, то вероятно он будет разочарован, потому что, как только вернётся Франческа, мы ускользнём из этого места.

Пенни смогу позабыть в ближайшее время. В этом я уверен. Как только увижу Франческу и смогу обнять, то мой мозг сразу очиститься. Я перестану себя чувствовать, как я чувствую сейчас, и вернусь к тому, кем был, к тому, кто я есть – обычному Маркусу Дрейку, кто стремится трахнуть жизнь прежде, чем жизнь трахнет его.

Пенни возвращается и сразу замечаю, что она плакала. Что случилось? На протяжении всего ужина я хотел бы узнать что такое с ней происходит, но у нас не получается остаться наедине. Эти двое представляют собой колossalную проблему.

Я спрашиваю её об этом, когда мы уходим, и она говорит мне, что миссис Малкович рассказала о своём умершем сыне. Знаю эту историю. Однажды она рассказала её и мне. Если не путаю – его звали Кэм. Изначально, со слов матери, он был хорошим парнем, но потом, из-за разочарования в любви, впал в депрессию и начал встречаться с дурной компанией. Наркотики, алкоголь, незаконные уличные гонки, и другие вещи такого рода. Один раз он пытался ограбить и его убил чувак, которого он чистил, тот оказался вооружен и защищался. История – одна из многих. Трагичная – да, но я не понимаю, почему Пенни должна плакать о парне, которого даже не знает.

Пока мы едем в машине, меняет тему разговора, почти выныривая из окна. Я не знаю, что она там увидела, но просит таксиста остановиться – выглядит как безумная.

Огни Луна-парка отражаются на её лице, а она смотрит на всё с улыбкой маленькой девочки.

Если она думает, что я пойду с ней, то сильно ошибается. Я никогда не был в подобном месте, даже маленьким, не говоря о том, чтобы войти туда сейчас.

Когда я ей об этом говорю, то читаю разочарование в её мерцающем взгляде. Что она собирается делать, начнёт плакать? Нет, не плачет, а говорит мне, чтобы уходил, но в глубине её глаз виднеется отблеск боли. Должен вообще наплевать, мне нужно на работу, а она вернётся сама. Но, мать вашу, не могу так поступить. Очень надеюсь, что тенденция влияния на меня женских слёз, даже тех, которые не проливаются, тех о которых подозреваю, но не вижу, закончится в самое ближайшее время. Я становлюсь мудаком. Тем, кто не может сказать «нет» девчонке, которая берёт его за руку и тянет внутрь, смеясь, как будто наступило Рождество.

Но оказывается, Луна-парк весёлый. Суматошно, но полно счастливых людей. Детей, родителей, подростков и влюбленных, разгуливающих с сахарной ватой.

Совершенно жалкие человечки, но, по крайней мере, не достают меня. Смотрю на неё, смотрю на Пенелопу в окружении всех этих огней, и держу за руку, потому что боюсь её потерять. Она играет, показывает мне то и это, выглядя опасно невинной и сбивая меня столку, выворачивая меня. Я чувствую себя на пороге чего-то такого, способного меня уничтожить. Я должен быть осторожным, я должен оставаться рациональным, не должен упасть в её ловушку.

Говоря честно, я даже не имею понятия, что представляет собой эта ловушка. Однако наблюдаю за ней, и когда она ведёт в лабиринт ужасов, думаю, что я боюсь. Не этих марионеток, которые выскакивают из темноты в сопровождении истерического смеха – я её боюсь. Я боюсь её сияющих глаз, того как она держит меня за руку, её губ, которые целовали только меня, я боюсь того, как сильно её хочу, я даже боюсь того, что признаваясь мне в том, что она высматривала о моём прошлом, она не выглядит шокированной. Я должен вызывать у неё отвращение, но я ей не противен. Она плакала из-за меня. Никто и никогда не плакал обо мне, даже Франческа, так же как и я – никогда не плакал о ней. Такова жизнь, вы идёте вперёд. Мы, те, кто живы, смеёмся позади тех, кто уже умер, потому что не знаем, как долго ещё будем жить.

Пенни вместо этого плачет. И она слушает меня. И держит меня за руку. И сжимает сильнее руку, когда рассказ становится сложнее.

Что она от меня хочет?

«Какого хера тебе от меня надо?»

Как только мы подъезжаем к «Well Purple», я сразу понимаю – что-то не так. Минуту назад она была счастлива, через мгновение выглядит расстроенной. Она лжёт мне, когда говорит, что ничего не случилось, она мне лжёт. Итак, вспоминаю, как Пенни описывала этого Гранта, мудака который её преследует. Полу сумасшедший пижон. Я уверен, что это тот, кто ждал у входа. Она посмотрела на него так, словно увидела ад. Более того, мне кажется знакомым его лицо, сразу перебираю в своей памяти и вспоминаю. Несколько недель тому назад, козёл приходил в «Магаја» и приставал к Грейс, одной из официанток. Джейсон вышвырнул его и предупредил, чтобы он больше не появлялся. Это дермо исправит только могила.

Быстро звоню, чтобы предупредить о том, что сегодня вечером не приду на работу. Если у них с этим проблемы, то нафиг эту ерунду. Между тем, я следую за мудаком, который входит в бар. На мгновение теряю его из вида в толпе наполняющей зал, а затем нахожу, когда он протискивается в зону для персонала. Кровь приливает к мозгу.

Вылавливаю его почти на ней, что-то говорящего на ухо. Я швыряю его к стене и чувствую, как у него хрустят кости, словно стеклянные шарики. А теперь я вышвырну его наружу, убью и сожгу, освобождая мир от дерма.

Но потом Пенни умоляет меня своими глазами.

Когда я взял за глотку мудака, который хотел обидеть Франческу, она меня подстрекала и натравливала: «Прикончи его, прибей его, кончай его!» Продолжая избивать в свою очередь. Пенни просит меня отпустить его. И тогда мудак извиваясь, умудряется вырваться и убегает, она удерживает меня.

Она не отдаёт себе отчёта, что он попытается ещё раз. Такие типы не должны жить. Они всегда будут причинять кому-то боль. Такие парни заслуживают только смерть.

Я остаюсь вместе с ней в «Well Purple», но не нахожу покоя. Всё время мне под носом тыкают тысячи кисок. В другое время я бы воспользовался ими, но не сейчас. В данный момент мне нужно держать под контролем Пенни, я должен быть внимательным и не пропустить, если этот урод вернётся. Если с ней что-нибудь случится, пока я трахаю любую из них, я себе этого не прощу.

И потом, честно говоря, я не хочу никого из них.

Вдруг обнаруживаю, что даже говорю одной:

— Слушай, я здесь с моей девушкой, ты меня совершенно не интересуешь.

— Думаешь, я тебе поверю, — заявляет эта. — Хочешь, чтобы тебя желали ещё сильнее? И кто бы это?

Указываю в направлении Пенни, которая в данный момент делает коктейль для одного идиота, который пытается на её декольте. Однако, как сложно. Я должен заставить себя оставаться там, где стою. Сколько декольте разглядывал сам? Это не преступление, если мужик только смотрит.

Девушка оценивает Пенни.

— Эта она? — спрашивает, потрясённая.

— Эта она. Что-то имеешь против?

— Нет, что ты... она мне не кажется твоего типа.

— Знаю я, кто мой тип.

— Может, ты оставишь мне свой номер телефона?

— Слушай куколка, я тебя не трахну ни сейчас, ни когда-либо, так что проваливай.

Девушка уходит покрасневшая и озабоченная, и я уверен, что ненавидит меня, но мне всё равно. Я могу, наконец, вернуться к контролированию ситуации. Если Грант вернётся, то чувак мёртв.

Но он не вернулся. Не то, чтобы это делало меня спокойным. Я боюсь, что он сможет сделать, когда я уеду.

Пока возвращался домой, чувствовал себя рассеянным. При воспоминании о том, что произошло, в меня постоянно врезается один неудобный вопрос.

Я хотел избавиться от Гранта – да, но я действительно лучше, чем он?

Когда я остаюсь один, то пытаюсь вспомнить, как себя веду, когда мы с Пенни вместе.

Принуждаю её? Заставляю её? Я сделал когда-нибудь что-то против её воли? Не могу вспомнить, твою мать, не могу вспомнить. Подозреваю, что если и не был жестоким, но вероятно слишком настойчивым, поскольку проигнорировал какой-то сигнал говорящий о неприятных ощущениях, какой-то отказ кивком. Так же, как я проигнорировал её боль в первый раз и это заставляет меня чувствовать себя настолько плохо, что я выхожу из душа, практически мокрый, одеваюсь в спешке и иду к Пенни.

Я не могу постучаться в квартиру, её бабушка может услышать. Выхожу из здания и добираюсь до неё по пожарной лестнице. Когда мне открывает окно, то выглядит удивленной и напуганной, и я сразу замечаю, что она снова плакала.

Для мужчины, признать, что он хуже своего врага – нелегко. Но я это признаю. Я большая дрянь, чем Грант. Я, ведущий себя как мститель, вызываю больше отвращения, чем он. Недостаточно использовать мелочное превосходство, заключающееся в том, что ты не наносишь побои и раны, для того, чтобы можно было не относится к типу мужчин, кто не насиливает женщин. Я насиловал её тысячью другими способами, и чувствую себя как дермо.

Она, однако, всё отрицает и продолжает защищать меня. Моя гордость надеется что это правда, но в глубине души знаю, что я был неправ.

Пенни...

У меня такой бардак внутри, с момента, когда ты пришла. Логические вещи переворачиваются с ног на голову, создавая пазлы полные безумия. Живу, как будто я хожу по канату, натянутому между двумя зданиями, над стометровой пустотой. Я не узнаю себя и мне страшно заглянуть в свою душу. Поэтому стараюсь так не делать, прячу голову под

слоями из песка и игнорирую слова, выкрикиваемые в своих мыслях. Я не хочу понимать в точности, что происходит. Просто мечтаю вернуться к тому, каким я был прежде.

А пока, я смотрю на неё. Мне нравится её ласкать. Моя, пока что только моя. Сегодня вечером никакой спешки, никакого желания с рычащим наслаждением. Сегодня вечером продвигаемся медленно.

Мы молчаливо касаемся, чтобы не быть услышанными за пределами комнаты. Мы делаем это в другой манере, менее голодной, хотя недостатка в голоде я не имею. Но оргазм такой же, оргазм меня сотрясает от пяток и до висков. Когда она ко мне прикасается и смотрит на меня с улыбкой, почти восхищённой, то удовольствие настолько во мне усиливается, и я не могу объяснить почему. Кончуя в её белую руку, на её девственной кровати.

В конце её обнимаю. Я хочу оставаться, и эта потребность ставит меня в тупик. Я хотел бы накрыться одеялом и спать с ней, а утром, едва проснувшись, всё повторить.

Но это слишком, это перебор. Я могу признать, что она мне нравится больше чем ожидалось, но я не могу изменить свою жизнь. Я не могу умереть и воскреснуть в один день. Я не могу так насилино, похоронить мою природу. Я не могу это сделать ни для кого и ни по какой причине.

Таким образом, даже если я и нуждаюсь в том чтобы оставаться, то буря путает всё внутри. Я одеваюсь и ухожу туда, откуда пришёл.

Глава 21

Она проснулась от оглушительного шума производимого градом. Казалось, что Бог сбрасывал на землю кучу маленьких карамелек. Пенни поёжилась от холода и открыла глаза, думая о Маркусе, о том, как было бы здорово наблюдать за этим ледяным штормом вместе с ним.

Но ожидать его было бы безумием. Какое бы подобие любви он ей не дарил, Пенни понимала, что эта любовь лишь имитировалась всеми возможными способами и исключала сокровенные сердцебиения. Оставаться твёрдо стоять на земле, не улетая в облака мечтаний, будет лучшим способом не оказаться через несколько дней с разбитым сердцем.

«Детка, твоё сердце уже разбито».

Поэтому она созерцала в одиночестве раскаты града.

В какой-то момент, бабушка попыталась войти в комнату и обнаружила запертую дверь.

— Пенни? Что происходит?

Она открыла дверь и успокаивающе ей улыбнулась.

— Ничего, вчера я так устала, что закрыла по ошибке.

Барби улыбнулась, наклоняя голову набок, как воробей.

— Ты сильно влюблена в этого парня, не так ли?

Пенни покраснела с той же скоростью, с какой ватный диск впитывает воду, и спросила саму себя: догадалась ли бабушка или, возможно, всё слышала.

Она посмотрела на неё и ответила просто:

— Да.

Бабушка Барбара послала ей громкий воздушный поцелуй. Затем она сменила тему, как поступала всегда, когда казалась зацикленной на одной мысли и старалась как можно быстрее от неё избавиться.

— Тогда приходи, я приготовила блинчики.

Пенелопа приготовилась притвориться пробующей сладкие блины, нафаршированные томатным соусом или, ещё того хуже, с добавлением зубной пасты. Вместо этого она оказалась перед тщательно накрытым столом и стопкой блинов, выглядящих аппетитно. Даже распространившийся по кухне запах, казался обычным ароматом сладостей.

Вдохновлённая этой презентацией, она попробовала кусочек. Было вкусно. Блин был самым настоящим, без каких-либо ненормальных дополнений.

— Ты молодчина, спасибо! — сказала она бабушке, обнимая её.

— Но нам нужен кленовый сироп, у нас закончился, — сказала Барби, немного разочарованная.

— Не волнуйся, я пойду и одолжу его у миссис Тавелла.

Пенни надела пальто поверх пижамы и вышла из дома. Она была счастлива от следующих один за другим сюрпризов. Вначале Маркус, дарящий мимолётное зёрнышко любви, а потом бабушка, которая не сотворила стихийное бедствие в кухне. Было определено, что праздновать.

Когда она вышла на лестничную площадку, то поддалась искушению подняться к нему в мансарду. Не для того, чтобы одолжить у Маркуса кленовый сироп, а для того, чтобы пригласить его позавтракать с ними. Вероятно, он бы отказался, сожалея о том, какую нежность проявил по отношению к ней накануне ночью, ненамеренно провоцируя её поверить в то, что он хочет разделить что-то большее, помимо просто чувственного

секса. Однажды, он сам себя пригласил к ним на обед, но завтрак имел другую ценность. Завтрак не разделяют с любым гостем.

Она пригладила руками волосы и потуже запахнула пальто.

«Как будто он уже не видел тебя в пижаме, и без пижамы, и всю вверх тормашками. Иногда в буквальном смысле вверх ногами».

Она постучала в его дверь. Пенни покраснела от воспоминания, как всего несколькими часами ранее они были близки, наполненные поцелуями, ласками и вздохами, приглушаемыми руками и губами. Её сердце забилось так сильно, что она испугалась потерять его, как падающий с лестницы спелый плод.

Но никто не ответил. Она исключила возможность того, что он мог так глубоко спать, чтобы не услышать её. Или, несмотря на град, он пошёл на пробежку?

Немного опечаленная, она пошла к миссис Тавелла. Соседка, в залатанной ночной рубашке фиолетового цвета, совершенно довольная поприветствовала Пенни и с радостью одолжила ей сироп

—Как дела с Маркусом? — подмигнув, полюбопытствовала она на прощанье.

Пенелопа спросила себя, а возможно в этом странном выводке стариков, многие из которых производили впечатление почти слепых и глухих, но на самом деле имели слишком внимательные глаза и слух более острый, чем тот, что казался на первый взгляд. Или если, сочившаяся из неё любовь была настолько очевидна — своего рода яркое клеймо, проявляемое в бесконечной грохочущей тахикардии, что все могли видеть и слышать, и понимать. Ничего не ответив соседке, поблагодарила её за сироп и быстро вернулась в квартиру.

В шаге от двери радость этого утра рассеялась как искра. Из квартиры раздался оглушительный грохот, похожий на падающие тарелки и столовые приборы.

Она быстро открыла дверь и ей предстала сцена, леденящая своим ужасом.

Барби лежала на полу, возможно, без сознания или, может быть, мёртвая. Падая, она потащила за собой скатерть и всё, что стояло сверху. Блинчики, тарелки, столовые приборы и даже баночка с искусственными цветами, которые она поставила в центре стола в качестве украшения, последовали за ней. Пенни закричала. Из рук упала и отскочила бутылка, разбрзгивая вокруг сироп, вытекающий как золотистая кровь и присоединяясь к общему разрушению.

Больница выглядела серой и вызывающей чувство тревоги. Пенни, всё ещё в пижаме и накинутом сверху пальто, в паре кроссовок одетых в спешке, бледная и напуганная ожидала, когда кто-нибудь расскажет ей о состоянии бабушки.

По-прежнему слышала у себя в голове свой собственный кричащий голос, и наблюдала, как прибежали многочисленные соседи, пытаясь понять, что же происходит. Она слышала сирену скорой помощи и вновь перед глазами вставала холодная рука Барби в её руке, бесцветные щёки бабушки и закрытые веки.

«Она не умерла, потеряла сознание, хотя и выглядит как мёртвая».

В больнице Барби увезли в отделение, оставив Пенни одну в коридоре, стены которого были выкрашены в ледяной белый цвет и стояло несколько пластиковых стульев. Она сидела в ожидании. Периодически проходили парамедики, а на заднем фоне размыто слышались голоса, которые Пенни не слушала. Все её мысли были аннулированы, а в голове разворачивалась одна и та же трагическая сцена.

После бесконечного ожидания появилась доктор, без преувеличения предстала напротив Пенни, которая изолировала свои ум и уши, погрузившись в какой-то криогенный сон.

—У неё был инсульт.

—Могу я её увидеть?

—Да, но она всё ещё находится без сознания.

—Она поправится?

—Произошла не очень сильная атака, но, учитывая, что она не новичок для таких событий, необходимо будет оценить масштаб последствий. У неё могут возникнуть трудности с речью и движением. Мы должны провести обследования, чтобы определить степень повреждения и назначить лечение. Следуйте за мной.

Доктор пошла вперёд и Пенни последовала следом. Вместе они вошли в тихую комнату, где царил полумрак, а единственный шум производили аппараты, которые отслеживали состояние пациентов. Бабушка лежала на кровати с закрытыми глазами и выглядела такой бледной, что создавалось впечатление — она уже умерла. О том что, возможно, она не умерла, Пенни догадывалась по медленным ударам её сердца, о которых свидетельствовал прибор, расположенный рядом с ней.

Пенни провела в больнице долгие часы, сидя на неудобном стуле и держа за руку единственного человека, оставшегося у неё на земле.

Она практически не двигалась, леденея от страха потерять её, как будто перемещение даже на один миллиметр могло позволить «костлявой» открыть портал в палате и войти в тело Барби. Затем, постепенно, слушая издаваемый оборудованием «бип» Пенни успокоилась. Сердце не переставало биться. Бабушка оставалась жива.

Через несколько часов она начала испытывать холод, и вспомнила, что всё ещё одета в пижаму и недостаточно тёплое пальто и даже без носков. Посмотрела на настенные часы и с удивлением поняла, что уже наступила вторая половина дня. В этой палате не было окон, но она была уверена, что снаружи солнце готовилось к закату.

Доктор предложила Пенни вернуться домой, и она согласилась, но только потому, что боялась сама заболеть. Кто бы стал ухаживать за бабушкой, если бы с ней что-нибудь случилось?

Снаружи до сих пор шёл град. Звон этих ледяных слез звучал пугающе и уже не казался изящным и гипнотическим, как и утром, когда она наблюдала, находясь в собственной комнате. В придачу, садясь в спешке в машину скорой помощи, Пенни не взяла с собой ни доллара.

«Как я вернусь домой? Мне придётся одолжить у доктора?»

Ноги замерзали всё сильнее, и она начала плакать. По крайней мере, слезы были горячими и согревали щёки.

Посреди этих ледяных выстрелов, внезапно, она почувствовала, что теряет равновесие. На мгновение она подумала, что поскользнулась на мокрой дороге и ожидала услышать стук своих костей о тротуар. Но потом поняла, что произошло совершенно другое.

Маркус, как по мановению волшебной палочки, поднимал её на руки. Отстранённо наблюдая, она почти испытала атаку головокружения. Пенни не привыкла взлетать так высоко. Она не привыкла летать вообще.

— Пойдём, — сказал он решительно.

— Но ты, как...

Он не ответил и, продолжая нести её на руках, прошёл около сотни метров среди плавающих под неустанным градом людей. Наконец он подошёл к старой красной

«Камаро», припаркованной у тротуара. Поставил Пенни на землю и открыл дверцу. Она посмотрела на него странно.

— Она не украдена, если это то о чём ты думаешь.

Немного сконфуженная Пенни не заставила повторять его дважды. Она села в машину, слегка задаваясь вопросом, чья она могла бы быть, пока Маркус садился с другой стороны и её заводил.

Он спросил Пенни о самочувствии бабушки.

Затем он спросил, как себя чувствует она.

Потом снова, пока вёл машину, взял её за руку.

—Боже, ты закоченела.

Хотя ему и нужно было переключать передачу, он не отпустил её руки до самого дома.

Все жильцы дома хотели узнать о Барби. Пенелопа рассказала вкратце всю информацию которой располагала, а взамен получила множество слов поддержки. Как только она переступила порог дома и увидела на полу гору из блинов, посуды и кленовый сироп, разбрзганный повсюду, то она вновь пережила ту же травму и ту же боль, и ей пришлось сдержать крик между пальцами.

Маркус закрыл за собой дверь, войдя с ней. Пенни почувствовала, как его силуэт надвигается позади неё, и сразу же услышала его голос.

— А теперь иди и прими горячий душ, — сказал он ей, или, вернее, приказал.

Она слабо кивнула и заперлась в ванной. Оставалась стоять под душем до тех пор, пока не закончилась горячая вода. Наконец она почувствовала, как расслабляются мышцы, и смогла вновь согнуть пальцы ног и рук. Тщательно высушила волосы полотенцем и надела толстые носки, брюки от старого спортивного костюма и жёлтую толстовку с изображением крокодила.

Когда Пенни пришла на кухню, то на мгновение замерла, потому что увидела небольшой сюрприз, ожидающий её там. Маркус убрал всё прежде рухнувшее на пол и выбросил всё то, что нужно было выбросить, а остальное вымыл. Он стоял у плиты и что-то готовил.

Пенни посмотрела на него, как будто что-то неправильно увидела и не так поняла.

— Что ты...

Он заметил её присутствие и обернулся.

— Сядь. Я не изысканный повар, но надеюсь, омлет со всем что имеется, тебе понравится.

Пенни механически села за стол, всё ещё не прияя в себя. Маркус подал ей обильную порцию омлета.

Несмотря на произошедшее сегодня утром, Пенни обнаружила, что голодна и с жадностью принялась за еду. Маркус налил в стакан шоколадного молока, и она выпила всё до последней капли. Всё это время он наблюдал за ней, прислонившись спиной к плите, со скрещёнными на груди руками.

Выпив последний глоток, она спросила его:

— Машину, ты взял сегодня?

— Да, пошёл автодилеру, которого мне посоветовал Малкович.

— Красивая.

— Прежде всего, полезная.

— Спасибо за всё это.

— Перестань. Терпеть не могу, когда ты благодаришь меня.

— Хорошо, тогда давай скажем так: уродливый мудак, ты не должен был забирать меня из больницы, убирать и готовить для меня.

Маркус улыбнулся.

— Так-то лучше.

— Как ты узнал, где я?

— Когда я вернулся, то об этом мне сказал каждый, кто живёт в доме.

— Они милые люди.

— Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Лучше. Я очень беспокоюсь о своей бабушке, но мне лучше.

— Она поправится.

— Я сильно на это надеюсь.

— Для начала, если ты не хочешь, чтобы по её возвращении ты заболела сильнее чем она, то ложись на диван и накрайся.

— Да, так лучше. Тем более через пару часов мне нужно идти на работу.

Маркус последовал за ней и сел рядом на диване. Он занимал почти целиком весь диван и одним своим коленом решительно её касался, как будто между ними возникла — и имелась в реальности — близость, которая не вызывала больше смущение от прикосновений.

— Ты же не думаешь вернуться к работе в этой дыре.

Пенелопа нахмурилась.

— Конечно, вернусь.

— Нет, ты найдёшь другую работу и не по ночам.

— Но послушайте его. Это моя работа, я вернусь и ещё как.

— Тебе нравится?

— В каком смысле?

— Это твоя страсть? Твоя тайная мечта?

— Нет, конечно, нет, но не всегда имеется возможность воплотить свои мечты!

Работать вышибалой это твоя заветная мечта?

— Нет, и в действительности я буду там работать ещё совсем не долго.

— Я не думала что ты тот, кто верит в мечты.

— Скажем так, меня достали тюрьмы всех видов. Включая и дермовую работу с мизерной оплатой.

— Окей, но твой случай другой. Через несколько дней ты уйдёшь. Ты будешь жить под звёздами, в конюшнях, где захочешь. Я должна оставаться и работать, нравится мне это или нет.

— Найди другую работу.

— Знаешь, ты просто ненормальный? Думаешь, если бы я нашла хорошую работу, то попала бы в «Well Purple»? У меня нет специальности, я не ходила в колледж, и не думаю, что все только и мечтают меня нанять, и хорошо мне платить.

— Что бы ты хотела делать?

— То, что я хотела бы делать в своей жизни не может быть сделано здесь.

— Что?

Пенни подтянула ноги, свернувшись калачиком на диване. Она на мгновение прикусила губы, а потом пожала плечами.

— Жить в сельской местности. Заботиться о животных, рубить дрова и продавать выращенные на земле продукты, чтобы жить.

На мгновение Маркус молчаливо рассматривал её, как будто пытался переварить это откровение. Наконец он сказал:

— Мне кажется это отличная мечта.

— Да, и как я могу воплотить её? Начну выращивать базилик на пожарной лестнице?

— Нет, найди другую работу, нечто среднее между дерьмом и мечтой.

— В этом районе ничего нет, Маркус. Я уже всё прочесала.

— Это означает, что ты изменишь район для поиска.

— Но послушайте, какой тон! Если я буду вынуждена работать в другом районе, то потрачу большую часть того что зарабатываю для оплаты транспорта, но, прежде всего, мне понадобится целая жизнь на дорогу. Я должна находиться как можно ближе к бабушке, тем более сейчас.

— Я буду отвозить тебя.

— Конечно! Ты меня отвезёшь! И до каких пор? До следующей недели. А потом? Пожалуйста, прекрати эти разговоры, у меня болит голова.

Включила телевизор на первую попавшуюся программу. У неё появилось безумное желание ударить его. Легко ему рассуждать, легко для того, кто через несколько дней уйдёт со своей потрясающей Франческой.

Несколько минут телевизор трещал в полной тишине. Пенни сидела в воинственной позе, согнув в одну сторону ноги и скрестив на груди руки. Внезапно она услышала рядом с собой шорох, и Маркус придвинулся к ней ближе, обняв её за плечи рукой.

— Пенни, я не хочу, чтобы ты вновь возвращалась в «Well Purple», — упрямо повторил он.

— У тебя нет никакого права на это.

— Напротив, я его имею.

Она уставилась на него яростным взглядом.

— Ах, да? С чего бы?

Маркус не ответил. Он исследовал её взглядом вместо того чтобы дать какое-либо объяснение; в тишине, полной кричащих откровений, которые должны быть сказаны. Он протянул другую руку к ней и положил её на щёку, едва задев губы большим пальцем. Он не делал ничего другого — только это лёгкое прикосновение, только этот палец, который одно прекрасное мгновение путешествовал по её надутым губам.

Пенни не поддалась убеждениям и вернулась к нападению:

— Ты выглядишь как засранец. Тебе когда-нибудь это говорили?

— Это фактически моё второе имя.

Она раздражённо выдохнула.

— Напомню, я должна тебе заплатить ещё за две недели. Думаешь, деньги падают с деревьев? Мне странно, что именно ты начинаешь такие разговоры.

Маркус сохранял молчание. Он оставался неподвижен, продолжая обнимать её одной рукой за плечи, а другую, той, что прежде ласкал, положил перед собой, плотно сжав кулак и устремив взгляд в телевизор, где шёл старый черно-белый фильм. Пенни почувствовала укол в сердце, когда поняла, что это вестерн с Джоном Уэйном. Она подумала о бабушке и таинственном Джоне, секрете в её жизни, который обогащался новыми подробностями при каждом рассказе. И она хотела бы позвать её, сказав: «Барби, иди, посмотри, кого показывают по телевизору!»

Неожиданно её озарило – как она будет жить без неё. Одиночество и тишина. Некого любить и никто не будет любить её. У неё не было ни братьев, ни сестёр, ни дядей, никого кроме Барби. Внезапно, она разрыдалась, спрятав лицо на своих коленях.

Она не заметила этого сразу, потому что её разрушила огромная боль от этой зловещей мысли, но только после того, когда икота становилась слабее, поняла что Маркус сжимал её обеими руками. Она оказалась прижатой к его груди, шмыгая носом и наблюдая, как Джон Уэйн держал в руках винтовку, в сдвинутой набок шляпе и с кривой ироничной улыбкой на лице.

— Мы поступим так, — предложил Маркус. — По крайней мере, сегодня вечером ты отдохнешь. И завтра мы поговорим об этом снова.

— Мы двое, не должны возвращаться, ни к какому разговору, — пробормотала Пенни, растягивая фразу из-за повторяющейся непроизвольной икоты. — Я не понимаю. Тебе вообще не всё равно?

— Я очень переживаю о тебе.

— Я понимаю, что ты хочешь утешить меня после того, что произошло сегодня. Но я ненавижу ложь и даже в такие моменты она невыносима.

— Это не ложь. Я очень беспокоюсь о тебе.

Пенни отстранилась на мгновение, чтобы внимательно на него посмотреть.

— Ты слишком любезен сегодня вечером, я вынуждена выдвинуть тебе абсурдное обвинение, — пробормотала она с грустью.

— Пользуйся моментом, это не будет длиться вечно.

— Маркус, я готова к тому, что всё скоро закончится, мне не нужны предупреждения. «Навсегда» не существует. Скорее возможно существование Санта-Клауса.

— А сейчас хватит думать и говорить. Закрой глаза и немного поспи.

— Я не могу, мне нужно бодрствовать, на случай если позвонят из больницы.

— Я подежурю.

Она осмотрела его в удивлении.

— Ты останешься здесь?

— Ты не хочешь?

— А работа?

— Ты сама заметила, что это не моя мечта работать вышибалой. Если меня уволят, то мне плевать.

— Какая у тебя мечта?

Она почувствовал руку Маркуса, которая нежно гладила прядь её волос.

— Быть свободным, — ответил он. — Но действительно свободным. Идти, делать, владеть, или не иметь ничего. Я устал от цепей. Жить пятнадцать лет в борделе, в прямом смысле, не имея ни минуты покоя. Жить три года в сиротском приюте, несмотря на то, что ты не сирота, просто потому, что твоя мать – шлюха. Жить четыре года в тюрьме и вполголоса огрызаться, чтобы выйти как можно скорее. Это клеймо. Приговор. Теперь я выгляжу свободным, но я не свободен. Я никогда не буду прощён, я навсегда останусь мальчиком, который ударил ножницами мудака и мужчиной, который убил парня. Правда в том, что это я, в конце концов, кровь не лжёт.

— Свобода начинается изнутри, Маркус. И прощение приходит от твоей совести. Дай себе время и прекрати смотреть на себя как на сына проститутки, осуждённого быть негодяем, потому что так запрограммировано в ДНК. Ты говоришь о своей матери только так, но... кем она была на самом деле?

Пенни подумала, что он не ответит ей. Этот вопрос был рискованным. На заднем плане, в наступившей тишине, Джон Уэйн резко вскинул ружье и выстрелил, вскочив на скаку в седло.

Но Маркус продолжил её удивлять.

— Она была простой женщиной. У неё была мечта — стать актрисой. Но не смогла.

— Она любила тебя?

— Думаю да.

— Она определённо любила тебя. Не думай о ней с ненавистью. Вспомни о чём-то хорошем, что вы сделали вместе. Помни только это.

Неожиданно Маркус засунул два пальца в вырез свитера и вытащил из него кожаный шнурок, на котором висело кольцо.

— Это принадлежало ей, — объяснил он, и сердце Пенни дико забилось. — Когда она умерла, у неё оставалось несколько небольших ценностей. Я ничего не взял, кроме кольца. Она носила его с восемнадцати лет, когда уехала из городка, в котором жила, чтобы добраться до большого города в поиске удачи. Кольцо не имеет ценности, но она была очень привязана к нему. Подумай только, но однажды, когда мне было десять лет, она сказала, что я должен буду преподнести его своей невесте. Она использовала эту смешную фразу: «Преподнеси его своей невесте». Она осталась абсурдно наивна.

Пенелопа попыталась представить Франческу с этим кольцом, внимательно глядя на которое, становилось понятно, что оно действительно представляло собой маленькую безделушку для девочек. Это была небольшая серебряная вещичка, что-то вроде изящно свёрнутого крокодильчика, с остатками зелёной эмали вокруг морды, и двумя осколками красного камня вместо глаз. У неё не получалось представить красивую брюнетку, которую она встретила в комнате свиданий в тюрьме с таким ободком на пальце. Скорее она, производила впечатление гигантского крокодила, предназначенного его поглотить.

Это ревность заставляет меня так думать, ревность, зависть, и миллион других плохих чувств.

— Спасибо, что рассказал мне, в конце концов, — сказала она ему. — В первый раз ты так разозлился.

«И ты собирался меня поцеловать.

И ты был красивым, высокомерным и хрупким.

И мне не было страшно.

И с тех пор я хотела заниматься с тобой любовью».

— Я не понимал, что...

— Что?

— То, что ты *действительно* хочешь узнать.

— Маркус, ты мне *по-настоящему* интересен.

Тишина, и Джон Уэйн, который спасал хороших парней от плохих. Пенни несколько минут следила за сценой из фильма. Громкость была низкой и звучала приглушённо. Она чувствовала, как рука Маркуса перебирала волосы. Другой рукой он крепко её прижимал. Его большое тело рядом, казалось ангелом, высеченным из камня. Он не выглядел ангелом, определённо нет, но его присутствие заставляло её чувствовать себя хорошо. Всё вместе — она была уверена, что Барби поправиться, что Маркус останется с ней, найдёт новую фантастическую работу, и жизнь будет прекрасной, полной «навсегда».

Она задремала с этими иллюзиями, детскими, как кольцо на шее Маркуса.

Глава 22

Маркус

Я не могу спать. Думаю о Пенни и не могу заснуть. Она доверяет мне, она мне доверяет. Обычно, женщины предлагают мне то малое, о чём прошу, и уходят, принимая то малое, что я даю. Франческа никогда не открывалась для меня полностью, всегда имелось что-то в запасе, какой-то секрет, своего рода враждебность, встающая на пути к её познанию. Это более чем естественно после того, что с ней произошло, и я никогда не просил о большем.

С Пенни происходит что-то, настолько удивительное, что я боюсь. Она отдаёт мне свою душу. Когда к ней прикасаюсь, то это похоже на то, словно я чувствую биение её сердца в каждом сантиметре кожи. Её глаза говорят со мной, даже если она молчит. Её улыбка как удар в живот. Я вхожу в неё, и мне кажется, что попадаю в незнакомый мир. И имею в виду не то что у неё между ног, а то, что я чувствую, когда я там. Мои желания усиливаются, и неожиданно всё то, что я имею уже недостаточно для меня, и то, что я собой представляю тоже не достаточно для меня. Я хочу больше, но я не понимаю, что означает – «больше». Или, возможно, я знаю, и отрицаю это, потому что признание будет поражением для моей гордости.

Одно можно сказать наверняка: я не позволю этому ублюдку причинить ей боль. При мысли, что он может, не говорю о том, чтобы тронуть её, а даже просто вульгарно подумать о ней, сразу начинаю чувствовать, как вылезает моя примитивная часть. Осознаю, что могу снова убить. Но без подстрекательства, без драки: по злому умыслу, как я хотел поступить с мужиком, который напал на мою мать. Заточить оружие, подготовиться, выследить и нанести удар. Другого пути нет. Мне придётся уйти, и я не могу оставить её наедине с этой опасностью.

Мне придётся уехать.

Я не могу оставить её одну.

Почему должен?

Я хочу отправиться в путь.

И что касается того, что она останется одна... почему без меня она должна оставаться одна?

Я, как обычно, самонадеян. Она не будет одна и я для неё никто.

Но если я никто, то почему она дарит себя таким образом, почему она открывает глаза и заставляет меня проникнуть в свои чувства. Почему, когда она получает наслаждение, кажется, что она делает это со мной, для меня, а не только для самой себя?

Мать вашу, может у меня опухоль мозга. Иначе не объяснить эти абсурдные мысли.

И это не объясняет, как такое случилось, что думая о Франческе, первая фраза приходящая мне в голову, такая: «Я должен рассказать ей, должен поговорить с ней».

О чём тут говорить?

Мы разговариваем только о нас или вообще не говорим. После четырёх лет изоляции друг от друга будем трахаться как отчаянные. Мы уйдём, и к чёрту Малковича и тех, кто хочет заковать кандалы на наших лодыжках.

Да, возможно, Франческа – это лекарство от неизвестного зла, которое меня мучает.

Рано утром выхожу из дома и отправляюсь к дилеру подержанных автомобилей. Покупаю старый «Камаро», договариваемся о выгодной для меня цене и рассрочке платежа. Парень доверяет, потому что моим гарантом выступил Малкович. Он не был бы

так доволен, если бы только знал, что осталось чуть больше недели, и я смоюсь отсюда подальше.

Затем я иду в «Maraja». Днём заведение закрыто для публики, но не для персонала. Я ищу Джейсона и нахожу его. Мне помогает тот факт, что у него интрижка с Грейс, и она плохо справилась с флиртом этого ублюдка Гранта. Когда у него спрашиваю: помнит ли он его, то сразу кивает и выдаёт цветистую матерную тираду. Да, он знаком с этим дерьмом, который иногда бывает в наших краях и оскорбляет официанток. Джейсон живёт в одном с ним районе, и когда хочет выглядеть крутым, то всегда хвастается этим, потому что это место для богатых.

Затем мы ещё немного болтаем, и я предупреждаю его о том, что несколько вечеров меня не будет. Я должен уладить свои дела, а он меня ни о чём не спрашивает.

Да, у меня есть дела, хочу проследить за этим куском дерьма, хочу понять, куда и когда он ходит, и какой момент самый подходящий для того, чтобы сделать всё безупречно.

А пока что посмотрим, где он живёт. С градом это даже легче. Вся эта ледяная вода способна многое скрыть, и поскольку я не тот парень, который остаётся незамеченным, то это помогает мне не выделяться как освещённое цветное пятно в середине насыщенного чёрного или белого.

На самом деле, он живёт в районе, от которого за милю пахнет деньгами. Я проезжаю туда и обратно несколько раз в течение часа, стараясь нарезать наиболее длинные круги, чтобы оставаться как можно более незаметным. И вдруг я убеждаюсь, что даже Юпитер, или кто-то там ещё, если вообще кто-то существует, хотят увидеть этого мудака порванным на куски, потому что именно он, буквально у меня под носом, выезжает из ворот, которые могут посостязаться с воротами на вилле нефтяного магната, на Мерседес-SL. Его нос всё ещё раздут, и кто знает, что он сказал своим в оправдание этого. Думаю не всю правду, и даже не полу-ложь, учитывая, что никто не пришёл ко мне домой и не обвинил в очередном проступке. Возможно, он понимает, что если откроет этот дерьмовый горшок, в котором живёт, то в конечном итоге будет там похоронен. Кто знает, сколько ещё девушек, до сих пор удерживаемых миллионами страхов, выйдет, чтобы обвинить его в нежелательном приставании или того хуже. Он не сумасшедший, он расчётливый подлец.

Я выбрасываю сигарету и следую за ним. Он отдаляется от своего района и достигает тех, в чём я уверен, представляют для него трущобы. Квартал похож на тот, где живём мы с Пенни. Он снова охотится. Ищет своих жертв среди девушек, которых считает ниже своего уровня, таких девушек как Пенни или Грейс, или как вот эта.

Продавщица комиссионного магазина, некий сорт антиквариата, впрочем, торгуют хламом. Ничего ценного, вся та фигня что «сделано в Китае», и если я правильно понимаю, хотя и не знаток, это должно быть именно дерьмом. Я не могу войти в магазин, не хочу, чтобы он заметил меня, но через витрину на лету улавливаю царящую там атмосферу. Девушка польщена его вниманием и не верит что такой как он, действительно её заметил. Думаю о Пенни. Догадываюсь, как себя чувствовала она, могу представить тот вечер, когда он привёл её, не знаю в какое место, где пытался лапать, пользуясь преимуществом своей силы. Я так понимаю её страх и сжимаю кулаки вокруг руля. Кусок дерьма, когда придёт время, ты заплатишь за всё. Ты заплатишь только за тот факт, что заставил её убежать. Превращу тебя в кровавое месиво.

Но я должен сделать это правильно. Никто не должен заподозрить меня, и, самое главное, никто не должен найти связь с Пенни. Она ничего не узнает. Я оставлю для неё этот подарок, прежде чем уехать.

Я убью эти отбросы общества, чтобы она больше не боялась.

Если бы я выглядел как все, то проследил бы за ним всё утро, но я рисковал быть узнанным. Поэтому спустя некоторое время вынужден оставить преследование. Я вернусь очень скоро, и найду подходящий момент, чтобы объяснить ему – что мужчина должен и чего не следует делать в жизни, прежде чем умереть.

Как только я добираюсь до дома, то нахожу полную неразбериху. Весь дом гудит, а жильцы выглядят как муравьи. Когда я понимаю что произошло, то сразу выясняю, в какую больницу отвезли бабушку Пенни.

«Сразу» – это только фигура речи, с пожилыми людьми всегда есть какое-то бесконечное вступление. В конце концов, я узнаю, что это не слишком далеко, и еду туда.

Пенни. Последнее время только и думаю что о ней по той или иной причине. Я думаю о ней, когда мы занимаемся любовью, думаю и когда один. Думаю о ней когда размышляю о том как убить тех, кто причиняет ей боль, я думаю о ней даже сейчас, после того как думал о ней весь день, с момента когда проснулся. На самом деле с момента как попытался заснуть, потому что я не сомкнул глаз. У меня долбаное ощущение, что я не делал ничего другого за последние два месяца, кроме как думал о ней. Промежуток времени практически бесконечный для того, кто обычно думает очень мало.

И пока я размышляю, я её вижу. В одиночестве стоит на мокром асфальте, всё ещё одетая пижаму с прошлой ночи, ту, что я снимал этими руками. На ногах пара совершенно промокших кроссовок. Она кутается в красное пальто и похожа на пятно крови, выделяющееся на фоне падающего града, который размывает дорогу. Её зубы стучат. Она замёрзла и потерянно смотрит вокруг.

Не жду ничего другого, выхожу из машины, ускоряю свой ход, беру её на руки, уношу прочь.

Пенни, ты должна перестать вынуждать меня думать о тебе всё время. Тебе пора прекратить. Я не могу так продолжать, не могу – что бы ты ни делала в моей жизни, прекрати это делать, или я в жопе.

Она плакала, ошеломлена и напугана. Пока принимает горячий душ, я пытаюсь привести в порядок то, что выглядит как последствия драки. Заглядываю в холодильник и нахожу яйца. Повар из меня не очень хороший, но омлет я способен приготовить. Когда она выходит после душа, то я говорю себе, что должно быть стал совсем плох, если одетая таким образом женщина – в огромных носках, спортивном костюме на три размера больше, никакая из частей которого не сочетается с другой или пусть мельком приоткрывая один миллиметр на любом участке кожи, – возбуждает меня настолько, что я всегда на взводе. Тем не менее, это так. Даже когда она выглядит как беженка, даже когда у неё усталое лицо и вымученная улыбка и влажные волосы и никакого намёка на макияж, я не могу перестать её желать. Она сидит и ест, и благодарит меня, и я думаю, как мне жаль видеть её такой, я сожалею о её бабушке, я прошу прощения за весь этот чёртов мир, но... если бы она просто кивнула мне, я бы трахнул её прямо на столе. Я болен, да, определённо болен.

Во всяком случае, я не делаю ей неуместных предложений. Держу это в себе. Но кое-что я просто не в силах удержать, – я больше не хочу, чтобы она работала в этом грязном заведении. Не знаю, в качестве кого я могу позволить себе не хотеть этого, у меня

нет права, если вообще кто-то может позволить иметь право на другого человека. Окей, у меня нет прав, но если она вернётся, я слечу с катушек. Хотя мне нравится, как она на меня наезжает, я всегда любил в ней эту сторону. Её хрупкость только кажущаяся, её гордость, способ, как она, не пряча себя, посыпает меня на три буквы. Её боевой взгляд, который бросает вызов, сила, с которой она сжимает кулаки, готовясь ко всем мировым войнам. Мне нравится, меня привлекает, пробуждает во мне ещё большее желание с ней спорить. Это не означает, что она туда не вернётся, и мне страшно представить, что Грант снова будет к ней приставать, меня достаёт, что кто-то посмотрит на неё таким образом, как будто представляет себе тысячу и один способ как проникнуть к ней в трусы. Я действительно не могу. Хотя мне и неясно, почему эта путаница превращает мой разум в дом, разрушенный торнадо, этот многолетний голод, который я испытываю к ней, и чувство необходимости её защитить.

И самое главное, от меня ускользает точная причина, по которой я рассказываю ей всё о себе. Пенни спрашивает, и я отвечаю. Мой язык напротив неё, больше не может усидеть на месте, во всех смыслах. Я рассказываю ей о кольце, об этом серебряном кусочке, что подвешен у меня на шее. Память о единственной невинной вещи, которую оставила мне моя мать, единственное, что не было куплено за деньги какого-то проходящего клиента шлюхи. В их число я также включаю и моего отца, того кто пришёл и исчез. Она слушает меня, всегда слушает меня с вниманием, кажущимся искренним. Она и говорит со мной так же, а её слова заставляют меня вспомнить о вещах, о моментах, запрятанных на дно ящика.

Она слушает меня и разговаривает со мной, а затем засыпает, и я беру её на руки и отношу на кровать, оставив телевизор включённым для шумового фона. Я должен уйти, я должен преодолеть порог дома или подоконник, так будет правильно и к этому кричит, призывая внутри мой разум.

«Проклятие, Маркус, вали отсюда. Ты сделал то, что мог сделать. Больше – это безумие. Больше – это для проигравших».

Будет так, но когда, несмотря на все голоса и размышления на миллион долларов, которые делаю в одиночестве, решаю остаться и ложусь рядом на кровать, и смотрю как она дышит, то не чувствую что я что-то теряю. Да, чувствую себя стоящим на краю глубокой пропасти, похожим на того, кому недостаёт малого, чтобы полностью свалиться внутрь. Но я парю над этим грёбаным краем и не отступаю, не возвращаюсь на безопасную землю, потому что у меня такое впечатление, что если я это сделаю, то действительно что-то потеряю.

А пока, как и обещал не ложусь спать, на случай, если позвонят по телефону. В моей голове крутятся вопросы: что произойдёт завтра, и на следующий день? Какие повороты сделает моя жизнь? Какой это будет иметь смысл? Какой выбор мне придётся сделать? Хочу ли я его делать, если я боюсь выбирать? Я не сплю, сейчас сплю очень мало, набираются короткие горсти часов и не каждую ночь. Остаюсь начеку до рассвета. Никто не звонит. Перед тем как она проснётся, ухожу с очень сильным предчувствием, что эта пропасть будет началом для чего-то и мой конец.

Глава 23

Рано утром на метро она отправилась в больницу. Маркус ушёл в какой-то момент между сном и пробуждением, и Пенни решила не звонить ему и не вмешивать. Она не хотела привыкать к тому, чтобы рассчитывать на него даже по мелочам, таким, как подбросить на автомобиле до места, куда спокойно можно добраться и на метро. Она должна была начать организовывать всё в одиночку – работу, визиты, уход за бабушкой. Он не имел никакого отношения к её жизни, это был утешительный подарок похожий на ослепляющее солнце, которое горит в течение ограниченного периода времени. Он скоро уйдёт вместе с той, кем она была на протяжении этих двух месяцев. С той Пенни, которая первый раз в жизни любит. С той Пенни, которая становится женщиной. С той Пенни, которая желает. С той Пенни, которая обладает телом, созданным также и для того, чтобы испытывать наслаждение, а не только для того, чтобы чувствовать себя гадким утёнком. С той Пенни, которая чувствует безграничную нежность в отношении кого-то, кто не должен её притягивать, того, кто выглядит как варвар, воин и укротитель драконов. Пенни немного принцессы, желанная, осыпанная лаской, прикосновениями, на кого смотрели, как смотрят на женщину. Эта Пенни вскоре должна открыть тяжёлый сундук и прыгнуть внутрь, засыпая там, как старое свадебное платье, которое оставляют с нафталином.

Она должна привыкнуть и поэтому упрямо вышла под дождь.

Бабушка пришла в сознание. Последовала ободряющая новость от доктора. К счастью или, возможно, произошло чудо, но никаких фатальных последствий не обнаружили. Её оставят в больнице ещё на несколько дней, и когда вернётся домой, должна будет принимать горы лекарств.

Когда Пенни её увидела, дорогую и такую бледную Барби, так похожую на неё, за исключением длинных волос, теперь немного запутанных, у неё пролилась небольшая река слёз.

— Спасибо, что осталась со мной, — прошептала ей, но Барби не услышала, потому что слышала только звук икоты.

— Я думаю, что я была немного больна, — сказала бабушка, улыбаясь как ребёнок.

— Возможно, я съела слишком большой кусочек торта на мой день рождения. Но восемнадцать лет исполняется только один раз.

— В следующий раз ты будешь есть меньше, согласна? — прошептала Пенни. — На несколько дней тебе придётся остаться здесь, чтобы отдохнуть и встать на ноги, а потом вернёмся домой.

— Хорошо, но на ночь ты хорошо закрой дверь на ключ и выключи газовый баллон, а так же скажи Маркусу составить тебе компанию.

— Ты помнишь Маркуса? — спросила её Пенелопа, немного растерянная от странного выбора, который сделал разум бабушки. Она считала себя большой сладкоежкой достигшей восемнадцати лет, которая пережила попойку на свой день рождения, однако Маркус всё ещё присутствовал в её мыслях.

— Конечно, милая, это тот красивый парень, который живёт наверху. Тот, кто в тебя влюбился.

— Эм... да... — невнятно пробубнила Пенни. Было бы лучше, чтобы бабушка забыла, и тогда в один из дней не пришлось бы ей объяснять, куда он исчез.

Она покинула больницу, проведя там пару часов, чувствуя себя спокойнее и с большей надеждой. Дождь падал и прекращался, а затем начинался вновь. Завернувшись в красный монтгомери и натянув на голову капюшон, из-под которого виднелась горящая зелёная прядь, Пенни вспомнила последние слова доктора. Нельзя оставлять бабушку

одну. Ей нужен постоянный уход. О возвращении в «Well Purple» не могло быть и речи, и она должна найти другую работу. Соседка могла составить компанию Барби днём, и она была уверена, что проживающие в доме дамы с радостью ей помогут, но совершенно нереально найти кого-то, кто присматривал бы за ней по ночам, если только не за дополнительную плату. В конце концов, выиграл Маркус.

(Прим. пер.: монтгомери – однобортное пальто прямого силуэта длиной три четверти из плотной шерстяной ткани с капюшоном).

Пенни не сразу поняла куда шла, пока не оказалась перед витриной, на которой золотом был нарисован кот с улыбкой под длинными усами. «Gold Cat» в этот час был полон посетителей. Характерный для заведения винтажный дух, который создавали обои жёлто-горчичного цвета, украшенные психodelическими цветами, большие люстры в виде прямоугольных коробок, облицованные пластиком полки и развешанные по стенам многочисленные плакаты, с изображением афиш к фильмам семидесятых годов, привлекали молодую и энергичную клиентуру. Шерри обслуживала столики, и в этом ей помогла дама лет сорока, одетая в такое же жёлтое платье и с похожей причёской. Многие клиенты были женщинами, и Пенни подумала, что они чувствуют себя комфортно в месте, которым управляют другие женщины, ни молодые и ни красивые, которые не создают атмосферу соперничества в красоте.

Как только она вошла, Шерри сразу её узнала и с улыбкой направилась навстречу.

— Присаживайся дорогая, у меня есть свободный столик. Я сейчас подойду.

Пенни устроилась за столиком внутри кафе, что стоял между прилавком и золотым музыкальным автоматом, возможно, не работающим и поставленным там для создания нужной атмосферы. Пролистала меню, хотя пришла сюда не для того чтобы поесть. Через некоторое время Шерри подошла к её столику, со свойственной двадцатилетним энергией, несмотря на кудри цвета яичной скорлупы.

Первое, что она сказала, — Маркус не с тобой?

Пенни покраснела как маленькая девочка, пойманная с поличным, когда собралась обниматься с фотографией своего любимого кумира.

— Эм... нет.

— Жалко. Я хотела попросить его об одолжении. Сегодня утром мне доставили очень симпатичный предмет, который я купила через интернет и хотела попросить Маркуса отвезти его ко мне домой. Для меня немного тяжело и я знаю, что у него теперь есть машина. Но почему вы не вместе?

Пенелопа пожала плечами: она чувствовала себя настолько усталой, что ей показалось внутри этого смехотворного движения, скрывается землетрясение. В нескольких словах она рассказала ей о своей бабушке, и добрая Шерри, которая, кто знает по какой таинственной причине, испытывала к ней слабость, присела рядом и сжала руку Пенни своей маленькой костлявой рукой.

— О, милая, вот увидишь, что скоро она поправится и вернётся домой. Худшее, безусловно, позади.

— Я знаю и надеюсь, ведь у меня осталась только она и я не могу не бояться её потерять.

— Маркус рядом. Вдвоём проще. Он тебе поможет. У него широкие плечи и огромное сердце. У тебя есть бабушка, но теперь у тебя есть и он. А также я, если ты согласишься.

Пенелопа посмотрела на неё как испуганная девочка, которая смотрит на фотографию матери, что живёт вдалеке. В одно мгновение, без малейшей предупреждающей мысли, она почувствовала обжигающее тепло на лице, а глаза наполнились искренними слезами. Эта женщина, бывшая проститутка, у которой имелось более миллиона причин развить в себе циничную личность, вместо этого была одним из самых милых людей, с которыми Пенни приходилось встречаться. То, что она предлагала ей свою любовь, показалось изумительным даром. Но самым замечательным было то, что она полагала как само собой разумеющееся, что Маркус хотел разделить с Пенелопой своё будущее. И она, и мистер Малкович демонстрировали, что абсолютно не понимали того, что Маркус намеревался сделать со своим будущим. Они серьезно думали, что он останется в этом городе, в заключении у жизни, состоящей из повторяющихся событий, только чтобы быть с ней? Она почти попыталась рассказать и объяснить Шерри, тем же тоном, каким взрослый рассказывает ребёнку правду о Зубной фее и том, что волшебные зеркала, принцессы с хрустальными туфельками и бобы из которых прорастают вьющиеся растения, способные прикоснуться к небу, перестают существовать после семи лет. Но Шерри выглядела настолько убеждённой и такой романтичной, что Пенни показалось жестоко её разочаровывать. Поэтому она замолчала и заказала порцию чизкейка.

Когда Шерри вернулась с гигантской порцией десерта молочно-белого цвета, украшенного черникой, Пенни собрала своё мужество и спросила её:

— Вам здесь не требуется ещё одна официантка?

Шерри сразу же ухватила смысл вопроса и ласково ей улыбнулась.

— Тебе нужна работа?

— Да, но не раньше чем через несколько дней. Когда моя бабушка станет немного стабильнее. Как думаешь, сможешь втиснуть меня в расписание?

— Я поговорю с Лорной и дам тебе знать. В любом случае, я бы сказала, что да. Там, где есть место для двоих, найдётся место и для троих. И потом, если ты особенная для Маркуса, ты также особенная и для меня, как я уже говорила.

Глядя широко распахнутыми кристально ясными глазами, Пенелопа её поблагодарила. Глаза были настолько полны признательности, что Шерри нежно погладила Пенни по волосам, а затем направилась к окликнувшим её клиентам.

Пока она с большим удовольствием ела чизкейк, успокоенная надеждой получить работу, Пенни услышала звонок мобильного телефона. Порылась в сумке, среди миллиона обычных вещей, которые её наполняли, и осталась немало удивлена, узнав на экране номер Игоря. После недолгого колебания Пенелопа ответила, и какое-то время они поговорили о том и этом. Вдруг Игорь выпалил, произнося на одном дыхании:

— Пойдешь со мной в театр?

— Что?

— Завтра вечером состоится премьера спектакля, для которого я делал декорации. Будешь моей спутницей?

— Эм... я... не могу. У меня бабушка в больнице и...

Игорь поинтересовался о состоянии здоровья Барби, задав ей несколько разумных вопросов, и, наконец, сказал:

— Возможно, тебе пойдёт на пользу немного отвлечься, ведь не нужно же идти в больницу ночью, правда? Вместо того чтобы оставаться дома одной, пойдём со мной, слегка расслабишься. Что думаешь?

— По правде говоря...

— Я понял, проблема не в твоей бабушке, а в Маркусе. Полагаю, что он уже составляет тебе компанию. Признаюсь, я надеялся, что вы расстались. Но видимо вы до сих пор вместе.

— Нет, он не связан с этим, но... — она остановилась. И словно только произнося его имя, она привела в движение механизм заклинания, потому что Маркус, мокрый от дождя, сидел перед ней за тем же столом. Выглядел угрюмо и рассматривал её даже не пытаясь смотреть куда-то ещё. На нём была одета водонепроницаемая темно-синяя куртка с длинной огненно-красной молнией. Держал в руке привычную пачку Честерфилда, которую перевернул, чтобы уронить на ладонь сигарету. Он взял её в рот, но не прикурил. На некоторое время Пенни осталась абсолютно безмолвной, а Игорь настойчиво её окликнул.

— Ты всё ещё там?

— Да, я здесь, только...

Она услышала вздох на другом конце телефона.

— Хорошо, я тебя понимаю. Но если передумаешь, ты знаешь как меня найти.

— Советую тебе пригласить другую девушку.

— Я не хочу приглашать другую девушку, хочу пригласить тебя.

— Но нет смысла ждать...

Игорь ответил ей тоном, кажущимся весёлым, но с навеянным оттенком твёрдой решительности:

— Пенни, я ждал тебя шесть лет и пять месяцев. Могу подождать ещё один день. Всегда может произойти чудо. Я не отчаиваюсь.

Когда она повесила трубку, то немного покраснела смущенная этим утверждением и заметила, что Маркус продолжал за ней наблюдать. Он облокотился локтем на стол, положил подбородок на руку, и нервно играл с сигаретой, резко постукивая ею о поверхность.

— Привет, — просто сказала ему. Она сидела, прислонившись спиной к стене и повернувшись лицом в зал, и не могла не заметить, что взгляды других клиенток, всех без исключения, были направлены в его сторону. Улыбочки, подталкивания локтями, произнесённые низким тоном слова, конечно же, непристойные комментарии. Какая-то девица с символической медлительностью облизала ложку, которой ела йогурт. Пенни спросила себя, заметил ли всё это Маркус когда вошёл, и что обычно об этом думала Франческа. Она могла не обращать внимание на желание, что сочилось из направленных на него посторонних взглядов? Казалось, они хотели раздеть его мысленно в начале, и с зубами, после. Но сразу же Пенни осознала, что, несомненно, Франческа привлекала равноценные мужские взгляды. Эти двое стоили друг друга. Они были потрясающей парой.

— Ты была в больнице? — нарушая молчание, спросил Маркус. Его голос звучал как-то странно, как будто за этой попыткой доброты пряталось рычание волка. — Всё в порядке?

— Да, в общем, всё хорошо.

— Я мог бы отвезти тебя, достаточно просто спросить.

— Хотела бы я сказать, что ты любезен, но твой тон пугает.

Маркус закурил сигарету, не обращая внимание на запрет, который был написан огромными буквами и светился как красный светофор на металлической табличке, висевшей на стене прямо над его головой.

— Ты разговаривала с Игорем? — спросил её между двумя затяжками, пока Пенни ковырялась в остатках торта.

— Именно так.

— Я пытался дозвониться до тебя всё утро, но ты мне так и не ответила.

— Ох...прости. Я убавила громкость звонка в больнице и не слышала.

— Игоря же напротив, ты услышала.

Маркус наклонился через стол вперёд. Он что-то собирался ей сказать и, судя по взгляду, это не прозвучало бы приятно, но именно в этот момент подошла Шерри и прервала его.

— Мой мальчик! — воскликнула она. — Как я счастлива видеть вас вместе! Но ты должен потушить эту сигарету, здесь не курят. Пенни, скажи ему и ты, курить вредно.

— Я боюсь, что если это скажу, то он начнёт курить больше вдвойне, только чтобы досадить мне, — сказала Пенни. — Сколько я должна за торт?

— Ничего, детка. Напротив, мальчик мой, можешь оказать мне огромное одолжение? У меня есть подарочек, который я себе купила на «eBay». Не мог бы ты загрузить его в машину и отвезти ко мне домой? Я дам тебе ключи. Но будь осторожен, он хрупкий, сделан из зеркал, и если его сломаешь, то будешь несчастным семь лет!

Маркус медленно кивнул, всё ещё держа губами зажжённую сигарету. Пока он разговаривал с Шерри, то удерживал Пенни за руку, не давая ей уйти. Только от этого контакта и, несмотря на холодный дождь, который шёл снаружи, солнце взошло в крови у Пенни и захватило её.

Шерри жила рядом с морем. На «eBay» она заказала один из этих огромных шаров диско, приземлившийся прямо из семидесятых, вместе со своим багажом из блестящих блесток и зеркал. Дав им наставления, чтобы его не сломали, Шерри бросила очень тревожный взгляд. Так смотрит мать, которая не уверена что её ребенок будет в безопасности.

Во время поездки на автомобиле продолжал лить непрерывный дождь. Через какое-то время, словно этот вопрос давно вертелся у него на языке, и он больше не мог его удерживать, Маркус без обиняков спросил:

— Что он хотел?

— Кто?

— Ты знаешь, кто. Игорь.

Пенни неопределённо покачала головой, глядя в окно.

— Почему тебя зациклило на нём?

Маркус пропустил её вопрос мимо ушей и, наоборот, бросил в её сторону резкий взгляд, сверкающий гневом.

— Он пригласил тебя на свидание? — продолжал настаивать.

— Да.

— Когда? Где?

— Я не спрашиваю тебя, когда и куда ты идёшь.

— А я спрашиваю. Что ты собираешься делать?

— Я ничего не думаю делать. Он хотел встретиться завтра вечером. Я ответила — нет.

Маркус сильно сжал руль. Пенни украдкой на него посмотрела. Он выглядел усталым, с глубокими синяками под глазами, которые она никогда не замечала. Было похоже, что он мало и плохо спал и не только одну ночь. Она обуздала импульсивный порыв прикоснуться к его руке, которой он переключал передачи.

— Прежде чем ты уйдешь, я могу тебя сфотографировать? — спросила его.

Он повернулся и выглядел растерянным, как будто не понимал, что Пенни имела в виду. Затем, когда вновь вернул своё внимание на дорогу, его взгляд стал ещё более мрачным.

— Мне это необходимо, — объяснила Пенни. — Я сохраню фото только для себя, и обещаю, что не украду твою душу.

Даже не глядя на неё, Маркус сурохо пробормотал:

— Возможно, ты её уже у меня украла.

— Я не колдунья. Мне хочется просто на память...

Как бы она не была уверена, что никогда его не забудет, она не хотела рисковать и закончить как бабушка, которая полагалась только на свою непредсказуемую память. Ей нужно было доказательство, что-то, что даже через пятьдесят лет, продемонстрировало бы ей, что Маркус существовал, а не являлся плодом её романтической фантазии.

В это время они доехали до пляжа. Дом Шерри стоял на деревянных сваях, вбитых прямо в песок, которые практически облизывали морские волны. Дождь предоставил короткое зтишье, а небо блеснуло чахлым солнечным лучом. Пенни задавалась вопросом: что чувствует Шерри, когда каждый день просыпается и видит всю эту красоту? Возможно, после многих лет компромиссов между нуждой и ужасом, она хотела даровать себе совершенную невинность природы.

Маркус перенёс в дом огромную коробку. Жилище Шерри было маленьким и приятным, окрашено в яркие цвета — оранжевый, красный, голубой тон Персии — с многочисленными деталями, вдохновлёнными семидесятыми. На диване в разноцветную полоску сидел рыже-жёлтый кот, который напоминал нарисованного кота на витрине «Gold Cat», он посмотрел на них отсутствующим взглядом и принял неспешно облизывать лапы.

Когда они вышли на улицу и собирались вернуться в машину, Пенни взяла Маркуса за руку и попросила умоляющим тоном:

— Давай прогуляемся?

Он окинул её взглядом, как смотрел до этого момента, с тем же взглядом, который казалось что кровоточит.

— Хорошо, — сказал он. При естественном и прямом освещении его лицо выглядело ещё более усталым.

Они направились вдоль влажного пляжа. Штормовой океан шумел береговой галькой. Пенни натянула капюшон. Её волосы извивались вокруг лица, а изумрудно-зелёная прядь попадала ей в рот. Она сжала руку Маркуса, который шёл рядом, не говоря ни слова, засунув руки в карманы. Он опустил глаза, устремив взгляд к собственной обуви, которая погружалась в песок.

Не осознавая этого, она начала с ним разговаривать. Если бы она задумывалась о своей жизни, о большой бабушке, о его предстоящем отъезде, о том, что бы у неё осталось от этих двух умопомрачительных месяцев, то она бы плакала, действительно проливала не только слезы и рыдания, но и что-то ещё — что-то страшнее. Может быть, она бы упала на этот береговой песок и сказала ему: «Я люблю тебя», «Не уходи!», «Как я буду жить без сердца?».

Таким образом, чтобы не иметь искушения, Пенни произносила другие слова, комментируя красоту океана, неба, виднеющейся вдали пристани, рыбакских лодок, чаек и ракушек, которые в её воображении выбрасывали на берег русалки.

Неожиданно, посреди этой мешанины из напрасной болтовни, опять пошёл дождь и Маркус резко остановился. Пенелопа вздрогнула, испугавшись, что сказала что-то

неприятное, хотя болтала только о всякой ерунде. Он стоял перед ней, такой высокий, массивный и защищал её от ветра, который ударял ему в спину. Всё ещё держа руки в карманах, Маркус смотрел на Пенни, как будто хотел и должен был сказать что-то очень важное.

— Ты в порядке? — спросила его, всё больше и больше беспокоясь из-за тёмных кругов под глазами, из-за бороды, ставшей теперь достаточно длинной, что говорило больше о пренебрежении, чем о расчёте, из-за этих плотно сжатых губ.

Какое-то время он ничего не говорил и не двигался. Маркус продолжал на неё смотреть, и Пенни увидела в его серебристых глазах отражение бурного океана. Затем, внезапно, Маркус вытащил руки из карманов, и так сильно её обнял, что она превратилась в часть его, а потом поцеловал в губы.

Пенни ему подчинилась, связанная его языком и душой, ощущая его очень близко, как будто он находился внутри неё. Как будто в этот момент они, обнажённые, соединились.

В конце концов, Пенни не могла не спросить его, когда он всё ещё крепко прижал её к груди, положив одну руку на затылок:

— Что с тобой?

— Я не знаю, — это единственный ответ, который она получила.

— Ты выглядишь странно. Что-то случилось?

— Пенни, у меня ад в голове.

— Хочешь поговорить об этом?

— Нет. Мне нужно найти способ так или иначе разобраться с этим, иначе я задохнусь.

— Я в чём-то ошиблась?

— Это я ошибся.

— В каком смысле?

— Приехал в этот город. Поселился в этом чёртовом доме. Позволил тебе трахнуть мой мозг.

Пенелопа вздрогнула, как будто он её ударили.

— Что ты имеешь в виду?

Маркус прервал её, прижав палец к губам. У него был вид далеко не романтичный, несмотря на поцелуй, который он только что ей даровал. Выглядел взбешённым и несчастным. Не позволяя ей ответить, он сказал:

— Поехали отсюда, прежде чем демон заставит меня сказать то, о чём я буду сожалеть всю жизнь.

В машине он не произнес ни слова, несмотря на повторяемые молитвы, и как только они подъехали к дому, Маркус скрылся у себя на мансарде, как будто сбежал от неё. Пенни не могла перестать думать об этом. Даже когда она работала в библиотеке, она размышляла о его последних словах. На что он намекал? Что он имел в виду?

Это произошло, когда она ставила на полку одну из копий «Джейн Эйр», и размышления о характере Рочестера высветили в её голове совершенно безумную идею. Он вспомнила о резких манерах Эдварда по отношению к Джейн. Его поддельный интерес к красивой Бланш. Она вспомнила о его мучениях и его тайной боли. Его ревности из-за Сент-Джона.

У неё в сердце начала расти розовая и опасная эмоция.

Он влюблен в меня?

«Возможно, Маркус влюбился в меня?»

Она работала витая в облаках, возбуждённая, взволнованная, с появившейся надеждой. Сердце внутри стучало как отбойный молоток. Невезение подкинуло ей дополнительную работу, но она была так счастлива, поэтому она не была ей в тягость. Бабушке уже лучше и в скором времени она вернётся домой. И, возможно, Маркус её любил.

«Маркус, Маркус, Маркус».

Времени ужина она достигла с улыбкой на губах, застывшей настолько, что она выглядела вытатуированной и опьяняющей. Как только вернулась, она не пошла к себе в квартиру, а достигла мансарды, перепрыгивая по ступенькам винтовой лестницы с волнением подростка.

Переполненная энергией она постучала в дверь.

«Как только он откроет, я брошусь ему на шею, поцелую и скажу, что я его люблю!»

И там, на лестничной площадке перед дверью, её счастье развеялось, как заплетённые в косичку волосы раздувает ветер. Ей открыл не Маркус.

Ей открыла Франческа.

Она вернулась. Злая темноволосая красавица.

Одетая в ту же самую футболку Маркуса, которая была надета на нём под свитером сегодня утром на пляже. И ничего больше. Между пальцами держала зажжённую сигарету, и выдыхала дым алыми губами без следов помады.

За её спиной на полу, следовал длинный след из одежды. Джинсы, свитер, носки, ботинки. Разбросанное в разные стороны нижнее белье, валялось в хаотичном порядке по поверхностям.

В комнате кроме неё, на краю кровати сидел Маркус. Он выглядел измощдённым, как тот, кто только что занимался любовью в первый раз за четыре года и два месяца. Голый, не считая татуировок и белых бинтов, которыми он перевязывал кисти рук, чтобы ударять по мешку.

Франческа уставилась на неё взглядом, в котором даже не пыталась скрыть выражение молчаливого триумфа. Пенни приоткрыла губы, внезапно почувствовав себя слабой и задыхающейся от стыда.

— Я... эмм... простите меня... я не... хотела... беспокоить. Отлично... с возвращением, — пробормотала она.

На мгновение ей показалось, что Маркус на неё посмотрел. Сделал это в манере, как будто просунул ей между рёбрами руку и вырвал сердце. Она его почти увидела сжимаемое в кулаке — раненое и разрываемое на куски. А затем бросилась вниз по лестнице.

И так, безмолвная и проигравшая, повернулась к ним спиной и спустилась по железной лестнице. Её ум был похож на картину, в своё время красочную и яркую, а теперь разъедаемую кислотой. Всю дорогу она повторяла: «Берегись, чтобы не упасть, будь осторожна, чтобы не упасть», но как только вошла в квартиру, то сразу же упала на пол, как марионетка, у которой одним ударом лезвия срезали все нити.

Глава 24

Маркус

Теперь больше вообще не сплю. Я устал и на взводе. Испытываю такое, чего раньше никогда не ощущал и не хочу, твою мать, не желаю. Не выносимо, что надо мной доминирует чувство, которое не могу контролировать. Любовь к Франческе никогда не превращала меня в добычу, никогда не заставляла ощущать стоящим на грани разрушения или задыхающимся. Нам нужно было делать себя сильнее и поддерживать друг друга, образуя стаю. Мы смотрели друг на друга и из-за такого схожего прошлого, каждый видел себя отражённым в глазах другого.

Так вот, чтобы выжить, я не нуждаюсь в Пенни. Она мне не нужна, и не даёт ничего, что я не мог бы найти в другом месте. Пенни на меня непохожа – её прошлое отличается от моего, нас не объединяет абсолютно ничего. Мы говорим на разных языках, мы разные во всём, знакомы только два месяца, так что даже время нас не связывает.

Тем не менее, мне её не хватает. Должен снова её увидеть и прикоснуться к ней, должен услышать, как она говорит и должен ею обладать.

Это ненормально, так не хорошо. Я хочу чувствовать себя свободным, есть, пить, курить, спать, трахаться. Отправиться в любой угол мира. Перестать думать о вещах, разрушающих меня. Например, таких, как: «Если я останусь?»

Остаться где? Здесь? Ни за что.

«*Ни. За. Что. Даже. Если. Меня. Повесят*».

Даже мертвым я хочу смыться из этого места и никогда больше сюда не возвращаться. Через несколько дней я это сделаю, и никакой Иисус меня не удержит.

Тем не менее, всё же ищу её повсюду. В доме, в больнице, в библиотеке. Я звоню на мобильный, но Пенни не отвечает. В конце концов, иду в закусочную к Шерри и случайно её там встречаю.

Она сидит за столом, с прижатым к уху телефоном. Я понимаю, что она разговаривает с этим придурком Игорем. Мои звонки игнорирует, а на его отвечает. Животная ярость заполняет меня изнутри. И это ещё одно из тех необъяснимых чувств, которые делают меня слабее. Я ревную? Это бессмысленно. Я никогда не ревновал Франческу, от одного взгляда на которую захватывает дух. Ей просто достаточно пройти, чтобы превратить мужчин в заряженное оружие, и я ревную вот эту? Какую-то обычную девчонку, невысокую, худую как гвоздь, с дурацкой стрижкой и глазами, как у оленёнка-сироты?

Это не годится, нет, и определенно никак не вписывается. Я хочу убить Игоря своими собственными руками.

Соглашаюсь прогуляться по пляжу. Слушаю, как она болтает и улыбается, и указывает мне на воду и ракушки. Меня переполняет желание её поцеловать. Я хотел бы бросить Пенни вниз на влажный песок, стянуть штаны и, рыча кончить в её тело, только моё. Но я должен остановиться. Продолжать дальше не могу, уже и так слишком. Я должен найти какой угодно способ, чтобы выдернуть её изнутри моей души и вернуться к самому себе. В противном случае рискую сойти с ума.

Мне не остаётся ничего другого как уничтожать мешок. Физическая нагрузка меня немного успокаивает, смещает мою кровь, перемещает ход течения мыслей. Вдруг кто-то

стучит в дверь. Это может быть только Пенни. Я скажу ей больше не подниматься, скажу ей, что завтра уезжаю, скажу ей убраться отсюда к чёртовой матери. И пока размышляю, просто хочу добраться до двери, впустить её, поставить в угол и целовать.

Затем я открываю дверь.

Но это не Пенни.

Это Франческа.

Я рассматриваю её в течении нескольких секунд, как будто это привидение. Она смотрит на меня и улыбается, наклоняя голову набок, а затем с силой бросает на пол тряпичный мешок, который несла на плече. Её красота разрушительна. Черные и жёсткие глаза, изящный нос, красные губы, похожие на огонь, тело дикой кобылицы. Одним прыжком набрасывается на меня, крепко обхватывая ногами мои бёдра. Она ничего не говорит, ничего не просит, целует меня, как будто испытывала жажду на протяжении столетия. Я забыл вкус её языка, безумие рта и царапающие спину ногти.

Мы оказываемся на полу. Она снимает свитер, джинсы, обувь, и полностью обнажённая нависает надо мной, облизывает и поглощает меня. Затем она раскрывается и берёт меня, и движется в дерзком танце, как делает только она.

В конце концов, потная и неистовая смотрит на меня, ещё более красивая, чем я помню.

— Скучал по мне? — спрашивает она.

— Ты вышла раньше? — спрашиваю в свою очередь.

Франческа хмурит лоб и принимает боевую стойку, которая мне хорошо знакома. Смотрит исподлобья как наёмный убийца, который собирается в кого-то стрелять.

— Я задала тебе вопрос, *Любовь моя*, — говорит, направляя на моё лицо свои великолепные глаза убийцы. — Скучал по мне?

— Я скучал по тебе, — отвечаю, но пока я это делаю, понимаю, что в первый раз ей лгу. Честно говоря, за последние несколько недель я перестал думать о ней. Но увидев, внезапно вспоминаю всё что нас объединяет, и понимаю что это она моя женщина, только она. У нас неисчислимое множество вселенных, которые связывают друг с другом. Она — мое спасение, лекарство от зла, которое на меня обрушилось за последнее время. Спасение от Пенни.

— Я — это ты, а ты — это я, — добавляю, поглаживая её бёдра. Мы часто говорили эту фразу раньше, как наш особый способ сказать: «Я люблю тебя». Произнося это, я думаю что свободен, что для меня существует только Франческа. Вот, теперь я знаю.

Франческа улыбается и вскакивает на ноги. Она ходит голая по комнате; такая гибкая, мускулистая, крепкая, возбуждающая. Берёт одну из моих сигарет из пачки, лежащей на столе, подносит к губам, зажигает её и курит.

— Ты сногшибательен, *Любовь моя*, — наконец комментирует, разглядывая меня.

— И да, я вышла раньше, но решила ничего не говорить и сделать тебе сюрприз. К счастью, что ты не сделал его для меня. Я думала, что найду ту маленькую *цыпочку* в твоих трусах.

Я смеюсь, но делаю это с трудом, поскольку мне кажется что мышцы щёк не сокращаются.

— Ты её трахал? — это следующий вопрос, пока она внимательно следит за мной, с сигаретой между двумя пальцами и выдувая дым из угла губ.

Тогда я беру сигарету из той же пачки и прикуриваю от её сигареты. Потом сажусь на край кровати и слышу, каким резким становится мой голос при ответе.

— Я просто согревал свой член. Но теперь завязывай с допросами, или мне кажется, что я всё ещё в этой чёртовой тюрьме.

Франческа смеётся забавляясь. Сразу после этого кто-то стучит в дверь.

У меня нет времени на размышление, так быстро она одевает мою футболку, брошенную на диван, и открывает с почти насильственной срочностью.

За дверью стоит Пенни. На её губах сияет лучезарная улыбка, которая сразу умирает. Смотрит на Франческу, смотрит на меня, а потом вновь на Франческу. Она понимает за три секунды, что всё кончено. Признавая – если что-то начиналось. Заикается, путает некоторые слова, а потом, извиняясь, уходит.

И когда она уходит, я чувствую, как кричит мой разум: «Пенни!» С дьявольской силой сжимаю кулак, убивая инстинктивное желание последовать за ней, остановить её на лестнице. Это было бы бессмысленно. Мне не нужно с ней объясняться. Моя женщина – Франческа, эта статная длинноногая воительница, а не та маленькая и хрупкая, которая только что ушла. Мы просто повеселились, это было очевидно с самого начала. Я ей ничего не должен, тем более выяснение отношений. Я больше никогда её не увижу, игра окончена навсегда.

Глава 25

На протяжении бесконечности Пенни оставалась там, где упала, прислонившись к входной двери и свернувшись калачиком. Всё это время ей казалось, что она ни о чём не думала, возможно, даже и не дышала. Её разум потонул во мраке боли и паники. Всё кончено, всё кончено. Она никогда с ним больше не встретится, никогда больше не поцелует, никогда больше не дотронется. Маркус и Франческа уедут в ближайшее время. Вместе они были идеальной парой. Проклятая идеальная пара.

И она была настоящей идиоткой. Только такая идиотка как она, могла поверить, хотя бы и на несколько ослепляющих часов, что такой мужчина как Маркус, может испытывать в отношении неё что-то большее, чем смутное вожделение, имеющее срок действия. Почему она позволила себя обмануть? Из-за тайных мучений Эдварда Рочестера? Какая-то ужасная глупость...

Всё это бесконечное время она сидела и вздрагивала от каждого маленького хруста по вине обычной неунывающей надежды. Надежды на то, что Маркус спуститься и скажет ей, что он её любил, её любил, любил только её, несмотря на Франческу, вопреки Франческе, наперекор всему грёбаному миру. Потом встала и заперлась в ванной.

Она стояла под душем пока вода не превратилась в водопад ледяного дождя. Затем Пенни вытерлась медленными и механическими жестами и забралась к бабушке в кровать. Она не хотела оставаться в своей комнате, где в заточении между пожарной лестницей и стенами было слишком много воспоминаний.

Спряталась под одеялом в кровати Барби и выплакала все созданные Богом слёзы. Она вспомнила каждый прошедший момент: их встреча, первые скандалы, первый поцелуй, первый раз.

Несмотря что причиняла себе боль, она задалась вопросом – что они делали в этот момент? Они снова занимались любовью? Спали обнявшись? Вместе ужинали, смеясь и говоря об их четырехлетней разлуке? Когда они уедут?

«Маркус когда-нибудь подумает обо мне?»

«Рано или поздно я перестану плакать?»

Чтобы съездить в больницу она вышла из дома очень рано. Пенни удалось поспать около часа, разбитого на сотни минут неглубокого и взволнованного сна.

С Барби она провела весь день. Ничего не ела, только выпила чрезмерное количество кофе, купленного в автомате больницы. У бабушки чередовалась моменты долгого сна и запутанной болтовни. Во время одного из пробуждений она отчаянно плакала и кричала, что её сын умер, как будто это произошло всего мгновением раньше, а не почти двадцать лет тому назад. Пенни её обняла и плакала вместе с ней.

Когда она вернулась домой, то почувствовала себя слабой как ребёнок, которого всю ночь рвало и держалась высокая температура. Она медленно поднялась по лестнице, опасаясь встретиться с Маркусом, надеясь встретиться с Маркусом. Однако когда достигла своей лестничной площадки, вместо того, чтобы войти в квартиру и закрыться внутри, оставляя всё снаружи, она поддалась бредовому искушению.

Бесшумно поднялась по винтовой лестнице и приложила ухо к двери мансарды. То, что она услышала, было абсолютным концом любой слабой надежды. Маркус и Франческа занимались сексом, доносившиеся звуки были недвусмысленны. Она не

сомневалась, что они занимаются этим часами, посвящая время воссоединению, после многих лет принудительной разлуки.

Пенни положила руку на рот, чтобы не закричать. Он хотела произнести его имя, хотя и не понимала почему. Возможно потому, что произнося его, она могла почувствовать, что Маркус всё ещё существовал, и не являлся только маленькой частью прошлого, мёртвого и похороненного за одну ночь.

Но она промолчала и вся, дрожа, вернулась в дом. Её тошило. Вырвало кофе и целым морем кислоты. Затем она посмотрела в зеркало и там увидела свои глаза, избитые печалью. Опухшие и бескровные губы. Нос, который выглядел как фиолетовая слива. Изумрудно-зеленая прядь начала исчезать и менять свой цвет на серо-голубой ближе к серому, чем к голубому. И она подумала, что не заслуживала такого. Слишком многое всей боли вместе – она не заслужила.

И в итоге, она сделала одну вещь, которую в другое время даже не подумала бы делать.

Позвонила Игорю. Они договорились встретиться в тот же вечер. Казалось, он очень рад звонку и воспевал гимны произошедшему чуду.

За оставшиеся часы Пенни тщательно подготовилась к встрече. Она даже нанесла макияж и одела единственное провокационное платье из своего гардероба. То, что Маркус подвергнул критике, обтягивающее платье из тёмно-зелёного бархата, которое она так неуместно одела на свидание с Франческой в тюрьме. Глядя в зеркало оно ей понравилось, выглядело достаточно узким и коротким, слегка намекая на определённые намерения. Пенни переспала бы с Игорем, из отчаяния, из-за мести, из-за забвения, и она не вернётся назад.

Игорь приехал вовремя, с приклеенной к губам лиющейся улыбкой. Он как джентльмен – вышел из машины, подал ей руку, и открыл дверь со стороны пассажирского сидения. Был одет в плащ, джинсы и фетровую шляпу.

Когда она собиралась сесть в машину, сердце Пенни подскочило, достигая горла. Рука Игоря помешала ей упасть, не понимая, почему она падает или, возможно, предполагая, что это из-за высоких каблуков. В действительности, на расстоянии в несколько метров, по тротуару шли Маркус и Франческа. Они шли рядом и обнимали руками пакеты, как будто только что ходили за покупками. Такая семейная деталь кричала: « Мы вместе не просто занимаемся сексом, но и едим вместе, дышим вместе, мы единое целое», и причинила ей больше вреда, чем их стоны, подслушанные через дверь.

Тем не менее, Пенни притворилась, что их не заметила. Она притворилась счастливой девушкой, которая выходит на первое настоящее свидание со своей шестнадцатилетней любовью и кроме него ничего не видит. Сделала вид, что она легкомысленная двадцативосьмилетняя, одетая в зелёное платье, с выцветшей зелёной прядью, в розовом пальто и сочетающейся по оттенку шляпой, которая всеми этими цветами выражает своё счастье. Она даже наклонилась и поцеловала Игоря в щёку, опасно рядом с губами. Автомобиль быстро отъехал, удаляя её от соблазна подсмотреть за ним в зеркало заднего вида.

— Кто знает, когда они уедут, — спросила саму себя в ностальгическом порыве.

Но потом сказала себе, что не хочет этого знать, она не должна знать. Она просто должна жить и на этом всё. Весело провести время с Игорем в эту ночь, развлекаться до конца, и начать всё заново.

Глава 26

Маркус

Франческа спит, но я не могу. Почти наступил рассвет, а я кружу по квартире и чувствую себя как зверь в узкой клетке. Я курю и курю, и вновь курю, и пару раз останавливаюсь перед дверью с намерением открыть и спуститься на этаж ниже. Нет. Я не должен этого делать. Моя женщина здесь, а не в другом месте. Я ждал её четыре года и не могу просрать всё к чёту из-за какой-то маленькой стервочки. Иногда мне хочется врезать самому себе по черепу, чтобы вытащить её из мыслей. Всё это не имеет никакого смысла, действительно, это полное безумие, это болезнь. Я здесь, с самой сексуальной женщиной в мире, и не могу перестать думать об этой кретинке. Достаточно ли двух месяцев, чтобы превратиться из мужчины в того, кто страдает бредовыми расстройствами и потерял себя? Нет их недостаточно, не может быть достаточно, и поскольку этого недостаточно, то тогда и не может быть тем, чем, по моему мнению, является и не может длиться долго. Это кратковременное безумие, если удержу его на коротком поводке, то всё пройдёт.

В холодильнике у меня стоят бутылки пива. Открываю одну и пью. Франческа встает с постели и присоединяется ко мне. Курим и пьём, и смеёмся, и трахаемся. Это жизнь, которую я хочу. Завтра мы уезжаем никого не предупредив. Завтра нас здесь уже не будет. Мы не должны этого сделать, я временно освобождён, но нам плевать на правила. Окей, я надрался после четырех бутылок пива и немного доброго старого «Джонни Уокера», но если что-то истинно для трезвого, то это верно и для пьяного – лучше умереть в бегах, чем жить в тюрьме.

Наконец, оглушённый алкоголем и сексом я заснул. Когда просыпаюсь вокруг темно. Либо это ещё ночь, либо это снова ночь. Мне кажется, что мы проспали сутки. Я встаю и чувствую головокружение: когда-то лучше переносил виски, но теперь, после четырёх с небольшим лет трезвости, признаю, что чувствую себя дерьямово. Лучшее сейчас – холодный душ. И придётся выйти, чтобы купить что-нибудь поесть.

Когда я одеваюсь, просыпается также и Франческа.

— Подожди меня, приму душ и пойду с тобой.

Мы спускаемся по лестнице, и, спустившись на этаж, сознательно игнорирую дверь в квартиру Пенни. Держу между пальцами сигарету и просто ухожу, и пошло на хер всё то, что произошло за этой дверью. К счастью мы никого не встречаем, у меня нет желания пересечься с каким-нибудь дряхлым маразматиком, когда, твою мать, настроен решать свои дела.

Снаружи дождь перестал лить, но воздух ледяной. Магазин находится рядом, и мы идём пешком. Странно проходить этот путь с Франческой, необычно вновь видеть её рядом.

Я благодарю «Джонни» за одолжение, что он для меня сделал – оставил с довольно смутным сознанием, чтобы я вновь не зацикливался на ненужных вещах, таких, которые включают Пенни.

К тому времени как мы возвращаемся и каждый из нас держит бумажный пакет наполненный гамбургерами, сделанными из мяса бизона, чипсов, помидоров, крекеров и сыра, обойти тему «думать о Пенни», становится невозможно.

Потому что я вижу её прямо перед домом. И она не одна. Они садятся в машину, и Игорь открывает дверцу, чтобы ей помочь. Она улыбается, он улыбается, и я перестаю улыбаться. Сучка одета как в тот день, когда мы поехали в тюрьму, и накрасилась, и поцеловала его в щёку, и села в машину, а он выглядит как спортсмен, который выиграл гонку. Затем они уезжают, и я хочу знать, куда они едут, я хочу знать это прямо сейчас, и что они собираются делать, и если он её тронет, то я оторву ему руки. Быстро, в течении полминуты, прокручиваю эти мысли стоя на тротуаре и наблюдая, как удаляется автомобиль. Виски больше недостаточно, неожиданно я чувствую, как прочищаются мозги, как если бы я выпил декалитр кофе, и в один и тот же адский момент, внезапно чувствую себя как в тумане. Но этот туман совершенно другой, и не имеет никакого отношения к алкоголю. Он связан с убийственной ревностью, которая вторгается в меня как мировая война.

Я возвращаюсь домой, поднимаюсь по лестнице и не замечаю Франческу, пока не возвращаюсь в мансарду и не бросаю пакет на стол и не начинаю ощущать себя в тисках непонятной лихорадки. Тогда замечаю её рядом, и она внимательно смотрит на меня.

— Ты влюблён в эту девушку? — спрашивает прямо, без полумер.

Я начинаю смеяться, взрыв смеха, который падает как соль и месть.

— Что, твою мать, ты несёшь? — кричу я, и ищу сигарету.

«Куда я положил пачку? Куда я положил эту грёбаную пачку?»

Нахожу её и вытаскиваю одну, прикуриваю, и курю, и смеюсь, пока Франческа вообще не думает улыбаться.

— В эту? Ты её видела?

— Я её видела, да, а также видела, как ты на неё смотрел.

— Как я на неё смотрел? — спрашиваю развязанным тоном. Между ней и Шерри можно провести соревнование — кто ляпнет самую большую хрень.

— Как ты должен был смотреть на меня, когда я вернулась.

— Не говори ерунды, Фран.

— И тогда можно узнать, что происходит?

— Ничего, у меня ничего не происходит, окей?

— Ты трахался с кем-то другим, кроме неё?

Этот вопрос заставляет меня вздрогнуть.

— Что...

— Я не думаю, что так сложно ответить. С тех пор, как ты её поимел, ты трахался с другими или только с ней?

— Только с ней, — признаю я, — но это ничего не значит.

— Ты целовал её во времяекса?

— Фран, а сейчас хватит, ты начинаешь трахать мой мозг в этом допросе с пристрастием.

— Нет, если здесь и есть кто-то, кому трахнули мозг, так это я. И это не допрос с пристрастием, я просто хочу понять, что с тобой происходит. Я тебя таким никогда не видела.

— Каким таким?

— Словно после катастрофы. У тебя трясутся руки. У тебя глаза не горели так даже тогда, когда мы убили этого парня. Ты целовал её, когда трахал?

— Да, но что ты хочешь этим сказать?

— Я не знаю, но хочу знать, есть ли у меня место в твоей жизни.

— Конечно, есть! Ладно, я трахался только с Пенни и целовал её. Но из-за этого спрашивать меня, если...

— Итак, например, если бы я тебе сказала — давай немедленно уедем, забудь её, ты никогда не узнаешь, куда она сегодня вечером ушла, и что она делала с этим парнем, и ты больше её не увидишь. Что бы ты мне ответил?

Смеюсь, нервно гася сигарету в пустой пивной банке.

— Я бы тебе ответил окий! Рванём прямо сейчас. Я соберу сумку, и мы валим! Но ты, правда, думаешь, что я... мне не плевать на... ту, что там? Ты спятила, Фран, ты ужасно ошибаешься. Мы встречались только потому, что она мне платила! И я сделал это по ходу дела. В чём проблема? Я не думал, что тебе важно, где я припарковываю член, когда тебя нет.

— Где член, нет. Но для меня имеет значение, где ты припарковываешь сердце.

Смеюсь еще сильнее, и меня самого пугает, как остро звучит голос. Кажется, что этот смех способен распилить алмаз и так смеётся дьявол, лишённый какой-либо надежды.

— Я собираюсь, и мы уедем, хорошо? Так что хватит болтать ерунду, — говорю я решительно.

Беру сумку и начинаю заполнять яростными и показными движениями. И пока это делаю, повернувшись спиной к Фрасческе, которая сохраняет молчание, я не могу выбросить из головы образ этих двух, рядом с домом. Она смеялась, смеялась! Выглядела счастливой и поцеловала его рядом с губами, и я дам руку на отсечение, но вечером он попытается её трахнуть. И поскольку он не дурак, то не будет жестоким как Грант и она скажет ему — да, она скажет ему — да. Она откроется для него, как открывалась для меня.

Я останавливаюсь и с животной яростью бросаю мешок о стену. Дьявольское богохульство выходит из моего рта, когда я начинаю ударять мешок об пол с такой силой, что тот вибрирует и скрипит как разрушающееся дерево.

Франческа неподвижно стоит посередине комнаты: высокая, гордая, блестящая как скальпель. Как всегда безжалостная она возвращается к атаке.

— Маркус, ты в неё влюблен?

И тогда бесполезно, бесполезно ходить вокруг да около. Напрасно поднимать пыль, туман, держать оборону и придавать другой смысл для вещи, которая имеет один единственный смысл. Никогда ей не лгал и я не хотел начинать сегодня, только я не понял. Чёрт, я не понял.

С этого момента, наконец, я слышу мой хриплый и отчаянный голос, который говорит просто.

— Да, — а затем добавляет, — прости меня.

Так что, не оборачиваясь, я схватил куртку и ключи от машины и вышел из дома бегом, как тот, кто, если не побежит то умрёт.

Глава 27

Спектакль, для которого Игорь создал декорации, Пенни показался скорее плохим, чем хорошим. Это была история женщины, которая отправляется на поиски истинной любви. И прежде чем её найти, она испытывает длинный список неудач, которые состоят иногда из трагических, иногда из смешных любовных похождений. Всё действие украшала музыка, в исполнении играющего на сцене оркестра, а также нарисованные декорации, выполненные в стиле, который имитировал богатые и живые мазки Ван Гога.

Сидя во втором ряду рядом с Игорем, в небольшом и уютном театре, оформленном в синих тонах, Пенни заставляла себя улыбаться. Она отключила звук в телефоне, чтобы не беспокоить зрителей. Время от времени смотрела на экран, в страхе получить звонок из больницы, и была немало удивлена, когда увидела номер Маркуса. Искушение перезвонить ему было велико, но она не уступила в этой маленькой внутренней битве. Может, он просто хотел узнать как дела, может, он хотел извиниться, может, он хотел попрощаться, потому что уезжал.

«По-своему он меня любил. Он не виноват, что я не Франческа. Но я больше не хочу его слышать».

Какой бы ни была причина этих звонков, ей было наплевать. Им больше нечего сказать друг другу.

По окончании спектакля, Игорь представил ей театральную труппу, и Пенни пожимала руки и натянуто улыбалась, с грустью понимая, что представление продолжается и теперь она исполняла главную роль. Она притворялась весёлой и милой, в этом проклятом, слишком коротком платье, которое только от малейшего шага задиралось до пояса, с накрашенными губами и чёрно-белым сердцем. К счастью, Игорь казалось, ничего не заметил. Это было преимуществом того, что она никогда не была особенно энергичной девушкой, одной из тех, кто всегда находится в центре внимания людей, и если такие вдруг замолкают, то их молчание становится грохочущим. После всех этих любезностей, похлопывания по плечам и взаимных комплиментов и улыбок, вытягиваемых верёвками, они ушли.

— Хочешь поужинать у меня дома? — спросил её Игорь. — Я прекрасно готовлю, только попробуй.

Пенни сразу согласилась, думая, что судьба была подлизывающейся сволочью, которая поддерживала её в решении заняться с Игорем сексом. Или, возможно, просто с учётом платья, которое с трудом прикрывало трусы, это она сама посыпала ему недвусмысленное сообщение, пойманное им на лету.

Таким образом, они добрались до его квартиры, и Пенни сразу обратила внимание на то, какой она была маленькой, но красочной и причудливой. Абстрактные картины, конечно, нарисованные им, выполненные теми же плотными мазками, как и декорации к спектаклю, низкий стол, сделанный из двери сарайя, полная надписей стена. Фразы были взяты из известных стихотворений и написаны вручную по всей поверхности стены, представляющей собой мозаику из рельефных кирпичей. Даже бокалы были экстравагантными, некоторые казались дистилляторами, другие выглядели как огромные кубики льда полые внутри, и ещё некоторые имели форму извилистых женских тел без головы.

Пенни расположилась на диване, и Игорь протянул ей открытую бутылку пива. Затем он сел рядом с ней и спросил напрямую:

— Итак, ты хочешь мне рассказать, что произошло?

— В каком смысле?

— Почему ты здесь со мной, а не с Маркусом? Вчера ты выглядела такой категоричной, и твой сегодняшний звонок меня поразил.

— В положительном смысле, надеюсь.

— Очень позитивно, но... почему произошло такое резкое изменение?

— Мы... эм... мы расстались.

— Могу я спросить, что случилось, или буду выглядеть слишком любопытным?

Пенни проглотила глоток пива и попыталась беспечно улыбнуться.

— Ничего особенного. Мы не ужились вместе.

— Так внезапно? Напротив, мне показалось, что вы очень ладили.

— Я уже... на самом деле, уже давно об этом размышляла. Между нами было просто физическое влечение, не более того. А я хочу большее.

Неожиданно Игорь протянул руку и переплел их пальцы.

— В общем, чудеса случаются. Знай, что я парень, который может дать большее. Понимаю, что это рано, но...

— Это никогда не слишком рано, — ответила она, немного волнуясь и, задаваясь вопросом: чёрт возьми, мог ли этот комментарий, брошенный чтобы заполнить пустоту и скрыть сердцебиение означать что-то большее?

— Ну, если, например, я тебя поцелую, ты не подумаешь что я мудак, который пытается воспользоваться твоей уязвимостью?

— Я совершенно не уязвима, — твердо возразила она, чувствуя себя хрупкой, как замок построенный из мокрого песка.

Игорь улыбнулся, продолжая держать её за руку.

— Я честно стараюсь, послушай, но я хочу не *только этого*. Ты мне действительно нравишься и всегда нравилась, с тех пор, как я впервые тебя увидел, когда тебе было шестнадцать. Ты носила косу на одно плечо, была одета в пальто небесно-голубого цвета, с большими кнопками по краю.

— Ты до сих пор помнишь? Мне сшила его моя бабушка. Увидев, как на него смотрела Ребекка, я больше не одевала это пальто. Она заставила меня почувствовать, как будто я несчастная беженка.

— Напротив, ты была восхитительна, и такой оригинальной, сильно отличалась от других. Настолько другая, что я купился на ложь Ребекки. Я был ещё ребенком и поступил глупо. Должен был всё равно с тобой слизиться.

Пенни посмотрела на него и выдавила из себя лучшую улыбку, на какую сейчас была способна.

— Стань ближе сейчас, — попросила его.

Игорь не заставил повторять дважды. Он наклонился к ней и поцеловал в губы.

Пенни ожидала, что мир вокруг перевернётся вверх дном, что сердце подскочит в горло, убежит в руки и ноги, но ничего подобного не произошло. Несмотря ни на что, она не позволила победить своему желанию сбежать. Она должна была остаться и дойти до конца. Поэтому поставила на пол бутылку пива и ещё ближе приблизилась к этому ангелу с белокурыми кудрями и глазами василькового цвета. Пенни смотрела на него, как будто умоляя бросить ей веревку пока падала в пропасть. Игорь, несмотря на свой внешний вид принца на белом коне, прежде всего, был лишь мужчиной. Таким мужчиной, кто в придачу всегда был к ней неравнодушен и поэтому не остановился, чтобы задуматься о смысле той спешной импульсивности с какой она оказалась в его объятьях. Он просто её принял.

Они оказались лежащими друг на друге на диване, абсолютно отличном от того, что стоит в квартире у Маркуса, залатанный в двух просиженных местах, а скорее на своего рода комфортной *кушетке*, в полоску цвета индиго и жёлтого кедра. Игорь сжимал её с

вежливой пылкостью, а Пенни напряжённо сосредоточилась, стараясь заменить свои воспоминания на доску без единой записи. Этот длинный поцелуй был неплохой, но это был просто поцелуй. От этой глобальной осведомленности в том, что не сумела потерять память и том, что постоянно помнит Маркуса, она задавалась вопросами: почему, чёрт возьми, она так сильно его любила и как вообще возможно любить его так сильно? Почему хватило только двух месяцев, чтобы так сильно кого-то полюбить. Пенни начала плакать, как дура без надежды. Игорь не мог не заметить её состояния и отстранился обеспокоенный.

— Что происходит? — спросил её.

Она лежала прижатая его весом и вырывалась как мотылек внутри перевернутого бокала. Он откинулся, и Пенелопа встала, с глазами наполненными горькими слезами, и только повторяла:

— Прости меня, прости меня, прости меня.

Она повторяла это пока надевала пальто, и подходила к двери, и выходила из его дома, и навсегда уходила из жизни Игоря.

Бегом спустилась по лестнице, продолжая мысленно повторять одни и те же слова. Игорь ни в чём не виноват. Ей принадлежала вся вина и её удушающему способу любви, её исключительной потребности в Маркусе, несмотря на то, что он этого не заслуживал, даже если бы был последним мужчиной на Земле, который мог бы подарить ей надежду домашнего гнезда, и облегчение, и будущее.

Она вернулась домой расстроенная. Войдя в квартиру, незамедлительно сняла туфли и швырнула прочь, как будто они обжигали. В этот момент она услышала отчётливый стук в дверь. С надеждой, что это пришёл Маркус, она бросилась открывать как импульсивный ребёнок, хотя и не имела какой-либо причины надеяться.

Но это оказался не он.

На пороге стояла Франческа, и она была одна. Увидев её, Пенни не смогла подавить самопроизвольно возникший душевный ступор. Приоткрыв губы и прищурившись, она смотрела на неё немного с тупым выражением.

— Можно войти? — спросила Франческа, и вошла не дожидаясь её разрешения.

Пенелопа приняла оборонительную позицию.

— Чего ты хочешь?

— Я должна спросить то же самое, *детка*. Что ты хочешь от Маркуса?

— Я ничего не хочу.

Это было неправдой, она хотела всё, но для той, кто хочет заточить радугу в коробку, всё означает ничего.

Франческа села на диван, подтянув наверх гибкие ноги, обтянутые узкими джинсами, которые подчёркивали её идеальное тело. Пенни испытала чувство досады из-за такой фамильярности, и в то же время облегчение. Естественно, Франческа выглядела угрожающе, такой сильной и цельной, какой она и была в жизни. С волевой челюстью и глазами темнее, чем эбеновое дерево, и на мгновение Пенни испугалась, что она хочет напасть. Вместо этого оказалось, что её странная гостья пришла, чтобы поговорить. Говорить о чём?

— У нас с Маркусом особая связь, — продолжила Франческа. Она расположилась на диване, как будто является в доме хозяйкой, в то время как Пенни стояла босая.

Несмотря на свою позицию кажущегося превосходства, она чувствовала себя ниже и беззащитнее.

— Я в курсе. Почему ты так стремишься напомнить мне?

Франческа не ответила на её вопрос, лишь продолжила двигаться по этому непростому пути.

— Он должен чувствовать себя свободным, а не угнетённым ни от чего и ни от кого. Он жил в клетке с тех пор, как родился. Есть много типов клеток, ты понимаешь?

— В действительности я не понимаю что...

Франческа вновь проигнорировала попытку Пенни перебить её.

— Мы любим друг друга по-своему. Мы не душим, мы не запугиваем, мы не принуждаем быть вместе.

— Я продолжаю...

— ...не понимаешь, я знаю. И теперь я тебе объясню.

Франческа подтянула рукав свитера и показала ей шрам, который Пенни уже заметила в тюрьме.

— Это я сделала, пытаясь себя убить, когда мне было двенадцать. Мой отчим насиловал меня такими способами, о которых я хотела бы не помнить. Он был паршивым человеком, но после смерти моей матери меня удочерил. К сожалению, я выжила, но его заставила заплатить. Я подожгла дом вместе с ним. Он не умер, но, по крайней мере, меня забрали оттуда. Детский дом стал моим спасением. Маркус был единственным, кому я когда-либо рассказывала свою грязную историю. Все остальные считали, что я просто неблагодарный и мятахный подросток. Я думала, что никогда не смогу заниматься сексом с мужчиной. Но он... ты его видишь — он похож на убийцу, производит впечатление быка-производителя, но он терпеливо вылечил мои раны. В обмен на его особую любовь я даровала ему свою особую любовь. Очень сильную, но секретную любовь, никогда не ревновала, никогда не заявляла свои права. Потому что понимала — если бы я кричала о своей любви, если бы я пыталась его задержать, сказать ему, что хочу его только для себя, он убежал бы. Он имеет эту слабость — со всей душой остаётся рядом, пока видит открытую дверь, возможность сбежать, воздух, ветер, дорогу. У него были и другие женщины, я никогда не требовала эксклюзивности. Если бы я это сделала, то возможно, он бы немного прислушался ко мне, но вскоре сделал бы ноги. Чтобы удержать его, я должна была избежать стремления его удержать.

Несмотря на то, что она не понимала смысла этого долгого рассказа, Пенни не могла не прочувствовать всё до самой глубокой части своего сердца. Она наблюдала, как Франческа подавляет искушение заплакать. На секунду она не увидела перед собой девушку, имеющую двойное превосходство (из-за её внешнего вида и поступков), а ей предстала маленькая девочка, попавшая в руки жестокого мужчины. Девочка, которая пытается совершить самоубийство, чтобы спасти себя. Она представила, как Маркус заботился о ней. Мысль о том насколько она любима, вызвала в ней слабость. Ей показалось, что её тело состоит из воды, разбрзганной по этому дешёвому керамическому полу. Вода и пыль. Они любили друг друга, и любят до сих пор. По-своему, это был их особый способ, и отличающийся от миллиона других. Просто она почувствовала, словно её раздели догола.

— Я сожалею о случившемся с тобой, — сказала она шёпотом. — Я сожалею о произошедшем с вами. И, возможно, мне также стоит сожалеть и обо мне, потому что не понимаю, чего ты хочешь, и уверена, что я не слишком проницательна.

Тогда Франческа поднялась, становясь вновь высокой, спесивой и воинственной, и сказала ей:

— Я хочу, чтобы ты заставила его уйти, когда он скажет, что хочет остаться здесь с тобой.

Пенни зашатало, и она вынуждена была ухватиться за стул, чтобы не упасть. Чувствовала, как горят щёки, а в области сердца — судороги. Она уставилась на Франческу как на сумасшедшую или пьяную, спрашивая себя: делает ли она это из-за мести и хочет наказать за то, что желала её мужчину?

— Что это? Шутка?

Франческа покачала головой, она выглядела очень угрюмой и в этих глазах цвета ночи, отражалось многое, но только не шутка.

— Нисколечко. Маркус считает, что влюблён в тебя. Возможно, это так, а возможно и нет. Я не знаю, но самое главное, что мне нужно знать — ты влюблена в него?

Пенни не ответила ей сразу. Она была слишком сосредоточена на том, что сказала ей Франческа.

«Маркус в меня влюблён?

Может, она пьяна?

О чём она говорит?

Маркус в меня влюблён?»

Не успев притормозить, она позволила надежде заключить сделку со своими мыслями. Сердце забилось на бешеною скорости, отдаваясь звоном в ушах.

— Ты любишь его? — спросила ещё раз Франческа.

— Да, — был её уверенный ответ.

Франческа, как ни парадоксально, улыбнулась.

— Хорошо. Поэтому ты заставишь его уйти. Если ты его любишь, то ты не позволишь ему оставаться в этой дыре, в этом мерзком доме, делать мерзкую работу и вести мерзкую жизнь. Если ты его любишь, ты не сделаешь из него заключенного. Самой большой его мечтой всегда было быть свободным. Хочешь убить его мечту? У него подошвы горят. После четырех лет в тюрьме ты хочешь погрузить его в более худшую тюрьму? Что он будет здесь делать? Станет хорошим парнем, который подчиняется приказам своего инспектора и делает дерзкую работу, рано вечером возвращается домой и смотрит по телевизору какую-то глупую программу для стариков? Но даже если ты поступишь эгоистично, ты понимаешь, что придётся заплатить с процентами? Потому что я его знаю, рано или поздно он разорвёт твои цепи и всё равно уйдет. Потому что Маркус всегда хочет видеть окно нараспашку, путь готовый к побегу, и в подготовленной тобой жизни, какой побег сможет совершить? Это, скорее всего, стала бы его внутренняя смерть, он был бы волком на цепи, тигром в клетке для хомяков. Реши ты что делать. Удерживать и рисковать убить его и саму себя когда он тебя всё равно бросит, или отпустить его и доказать что действительно тебе важен. И что ты не глупее, чем кажешься.

С этими словами, ничего не добавляя больше, Франческа направилась к двери, чтобы выйти. Пенни окликнула её сдавленным шепотом.

— Какая ты лживая, — сказала она.

Франческа покачала головой.

— Я ни в чём тебе не лгала.

— О да. Ты сказала, что никогда не заставляла его оставаться с тобой. Разве не это ты сейчас делаешь? Просто не хочешь пачкать руки.

Франческа уставилась на неё пылающими от гнева глазами. На мгновение Пенни подумала, что она собирается заменить этот вид размеренного насилия, чтобы совершенно явным образом избить её не словами а действиями. Вместо этого Франческа продолжила скользкий путь шантажа, используя эту Соломонову проблему.

— Если ты его любишь, как говоришь, ты знаешь что делать. Я предоставляю решать тебе.

Потом она навсегда покинула её дом и жизнь.

Глава 28

Не вполне понимаю, что собираюсь делать, но знаю, что я хочу Пенни. Я должен её найти, мне нужно с ней поговорить. Пытаюсь дозвониться на мобильный, но она не отвечает. Не слышит или игнорирует меня?

Катаюсь на машине бесцельно, как сумасшедший, который теперь понял, что он сумасшедший, и больше никак не пытается это скрыть. На минуту останавливаюсь около «Well Purple» и «Maraja», но безрезультатно.

Пенни здесь нет, и я не имею ни малейшего понятия, где она. Может находиться где угодно, вместе с тем мудаком, который последние шесть лет её хочет, и надеется заполучить сегодня. Если я найду его то подправлю физиономию.

Не хочу возвращаться домой к Франческе, она смотрит на меня, как будто я чужой. И поскольку я зол и не знаю куда идти, а мне необходимо сбросить этот болезненный гнев, который заставляет меня чувствовать себя пьянее, чем выпитое пиво и виски, я решую проехать мимо магазина той неудачницы, которая продает всяческую всячину.

Мне повезло или нет – это зависит, с какой стороны посмотреть. Тем не менее, магазин закрывается, и Грант ждёт девушку снаружи. Он притворяется джентльменом, хотя думает лишь о том, как трахнуть её с применением насилия. Вижу, как они вместе уезжают на его машине, и испытываю такой гнев в адрес этих типов, которые кичатся своими трансатлантическими размерами, чтобы компенсировать тот факт, что у них малосенький, что я следую за ними без размышлений.

На окраине автомобиль внезапно останавливается на склоне холма. Какое-то подобие парка, куда пары наверняка приходят трахаться, если не могут сделать это в другом месте. Я сразу вспоминаю историю Пенни. Думаю, что это то же самое место, куда Грант привозил и её. Моя ярость становится огненной.

На мгновение теряю их из виду, вокруг темно, а он выключил фары. Наверное, забился в какую-нибудь щель, и проходит минут десять, прежде чем удаётся снова его отловить. Но вот и они. Разве его не предупреждали, что если хочешь кому-то навредить, то нужно использовать менее заметную машину?

Припарковываю машину и выхожу. Замечаю какое-то движение внутри салона и голоса. На первый взгляд, кажется, что они просто занялись делом, но я знаю, что это не так. Тогда я слышу, как кричит девушка и это не крик удовольствия. Я думаю о Пенни, которая, возможно, также кричала и распахиваю дверь. Придурак даже не заблокировал дверь со своей стороны. Но я абсолютно уверен, что с её стороны сбежать невозможно.

Когда открываю, то меня ожидает предсказуемая сцена. Девушка в ужасе, растрёпанная, потная и смотрит широко распахнутыми глазами, наполненными ужасом. Ублюдок вытащил наружу член, мягкий как червяк, и производит впечатление извращенца. Окей, теперь я позабочусь о нём.

Я схватил его за воротник рубашки и вытащил одной рукой. Не думаю, не рассуждаю и не просчитываю последствия. Если я убью его, то снова сяду, и если изобью, не убивая, всё равно окажусь за решёткой. Но сейчас мне пофиг. Я просто хочу заставить их заплатить. За Пенни. Ради этой девушки, которую я даже не знаю. Для моей мамы. Для всех женщин, которых принуждают принять внимание, которого они не хотят.

Припечатываю в машину и начинаю выбивать из него всю дурь. Он даже не пытается защищаться, как максимум пинается, вылупил в ужасе глаза, и не исключено, что описался в штаны. Девушка выходит из машины вся в слезах. Тушь размазалась, а глаза наполнены паникой. Она молчащим на меня смотрит, и на мгновение я вижу Пенни.

Пенни, которая как в клубе, умоляет меня остановиться, Пенни, которая берёт и удерживает меня за руку.

Тогда, неожиданно, я останавливаюсь. Гнев, подобно газу испаряется из моего тела. Как только я ослабляю хватку, Грант падает на землю. Он похож на пустой мешок, который пахнет мочой и потом. Выглядит скорее не как принц, а фальшивка и похож на кусок деръма. Я оставляю его там, как мерзость, на которую он и похож, а затем обращаюсь к девушке.

— Хочешь, чтобы я отвез тебя в больницу?

В ответ она тихо шепчет:

— Нет. — И добавляет. — Домой, я хочу домой.

Когда девушка добровольно и без подозрений садится в мою машину, у меня возникает огромное желание рассказать ей пару вещей о том, что никому нельзя доверять, даже тому, кто, возможно, спас твою жизнь. Но я ничего ей не говорю. Она бы испугалась и подумала, что я тоже хочу её обидеть. Такое легче подумать обо мне, чем о Гранте. Всю дорогу она молчит и оттягивает вниз дешёвую юбочонку. Держит на коленях руки, а взгляд устремлён вперёд на дорогу. Она указывает на дверь, перед которой я должен остановиться, и когда выходит из машины, то мгновение пошатывается, как кукла с отпиленной ногой.

— Ты уверена, что в порядке? — спрашиваю её ещё раз.

— Да, всё окей.

— Дома кто-нибудь есть?

— Моя мама.

— Тогда иди, я подожду, пока ты не войдешь.

Она кивает и собирается направиться к двери. Но сделав два шага останавливается, наклоняется и спрашивает меня через опущенное окно.

— Ты ангел?

Даже Пенни спросила об этом, когда мы впервые встретились на тёмной лестнице. Нет, я не ангел. Никогда им не был. В моей жизни нет ничего ангельского. Я скорее похож на облажавшегося дьявола. Но я ничего не говорю, натягиваю подобие улыбки, пока она не уходит. Я оставлю её с иллюзией, что она встретила хорошего парня с душой защитника, даже если внутри меня живут только ненависть и месть.

И тогда я понимаю — что нет, не только они. Живёт и любовь. Любовь, для которой я не был готов, неожиданная и абсурдно насильтственная. Совершенно отличающаяся от той, что я испытываю к Франческе. Новая и опасная, потому что заставляет меня чувствовать себя без защиты, как солдата, который остался без оружия и без щитов. Я впустил её внутрь, в мою испорченную жизнь; впустил её и теперь не могу выгнать вон.

Бегом поднимаюсь по лестнице. Стучу в её дверь, как тот, кто был заживо похоронен и сейчас пытается выбить у гроба крышку. Взволнован, нервничаю, злюсь. Вот она мне открывает. Я вижу её, и мне кажется, что не встречался с ней на протяжении веков. На ней до сих пор одето то короткое платье, стоит босая и заплаканная. Понимаю сразу же, что она плакала. И это не две слезинки, не просто прослезилась — вокруг глаз у неё полностью размазался весь макияж, следы дорожек слёз на коже, опухшие губы. Я вхожу, закрываю дверь и сразу же спрашиваю.

— Что случилось?

Пенни качает головой, и в свою очередь с тревогой смотрит на меня.

— Что случилось с твоими руками? — восклицает она, сильно встревоженная.
С руками? Я смотрю на себя и только сейчас замечаю, что они запятнаны кровью.
Кровь Гранта — грязная кровь, которая брызгала от его лица.

— Ничего серьезного, — пробормотал я, не обращая внимания на свои руки. Мне необходимо понять, почему она плачет или сойду с ума.

— Это не может быть «ничего страшного». У тебя испачкана кровью и куртка.
Пожалуйста, расскажи мне, что случилось?

— У меня был обмен мнениями с Грантом.

— Что?

— Я думаю, что он не будет таким же красивым.

— Ты его...

— Я его не убивал. К сожалению, он всё ещё жив, но ему придется использовать все деньги папочки, чтобы восстановить своё лицо. А теперь расскажи мне, что с тобой случилось. Игорь тебя обидел? Мои руки уже в крови, одним больше одним меньше... Она снова трясёт головой, но решительнее чем раньше. Я приближаюсь и хочу прикоснуться к ней, заключить в объятия, хочу чтобы она сказала, что с Игорем ничего не произошло — абсолютно ничего. Но чем ближе я подхожу, тем дальше она отступает назад.

«Что ты со мной сделала? Что ты хочешь от меня? Почему ты держишь меня в подвешенном состоянии этими заплаканными глазами? Почему ты двигаешься с такой же паникой что и бабочка, которая боится сокола? Чёрт, Пенни, тысячу раз твою мать, я никогда тебя не обижусь».

Тем не менее, она отступает, пока буквально не упирается спиной в стену.

— Ты должен уйти, — говорит она мне, пока стоит как заключённая.

И всё же я не прикасаюсь к ней. Если она боится меня, хотя и не знаю почему напугана, я её не трогаю. Просто смотрю на неё, смотрю и понимаю, что я тоже боюсь. Чёрт возьми, она маленькая и вся в слезах, и я, который мог бы свалить стену, испытываю грёбаный страх перед ней. Тогда понизив голос, я ей говорю.

— Если я скажу тебе... если я скажу тебе, что хочу остаться здесь?

Вижу движение у неё в горле, словно она проглотила, не пережёвывая огромный кусок. Она сжала губы, и на мгновение у меня создалось ощущение, что сквозь неё проходит вся боль мира. Наконец она шепчет:

— Что за херня.

И моё сердце останавливается.

— Чушь собачья, — продолжает сразу, — По какой причине?

Я понимаю, что сжимаю кулаки, когда ей открываюсь.

— Чтобы быть с тобой.

Пенни открывает широко глаза, задерживает дыхание и опускает лицо, убегая от моего взгляда.

— Бред, Маркус, — повторяет она.

Чувствую, как у меня в груди объединяются буря, ярость и отчаяние. Я протягишаю руку и почти вбиваю в стену за её спиной. Другой рукой поднимаю её подбородок, и моё прикосновение заставляет Пенни трепетать. Она изучает меня с пренебрежительным взглядом.

— И когда ты это понял? До или после того, как трахнул Франческу?

Я держу её лицо поднятым, несмотря на все попытки вырваться и убежать. Маленькая, маленькая Пенни. Могут ли жалкие шестьдесят дней, плевок времени, один щелчок пальцев, изменить мир, которым жил в течение двадцати пяти лет?

— После, — отвечаю ей, и понимаю, насколько нелепо будет звучать для неё мой ответ. Но это так. Ясность у меня появилась после. Раньше это был червь, предположение, рана. После этого она стала наполненной кровью истиной.

— Но я хочу тебя сейчас, я хочу только тебя.

Дрожит, дрожит, дрожит. Я пытаюсь обнять её, но она протестует. Делаю ей больно? Обижаю её? В чём дело? Чёрт возьми, что такое?

— Я же напротив, поняла обратное после того, как переспала с Игорем,— отвечает она.

Испытываю немедленную, инстинктивную реакцию. Костяшки моих пальцев ударяются в стену, прямо как баран. Сразу отхожу от неё, я ухожу, потому что внутри меня бушует землетрясение, я удаляюсь, потому что землетрясение это я сам. Я ударяю по первому попавшемуся стулу и с силой бросаю его в воздух. Я чувствую, как горит в руках. Мысль о них вместе невыносима. На несколько минут мой рассудок отключается. Кружу по квартире как медведь со стрелой, засаженной прямо в сердце. Она мне что-то говорит, но я не слушаю. Я оглох от звуков моего тела: качающих кровь артерии, сердцебиения в груди, а так же скрежета зубов, звуков сокращающихся мышц и хруста костей.

Однако через некоторое время я заставляю себя найти потерянный свет. Нет смысла так злиться. Чья бы корова мычала? Несколько часов тому назад я занимался этим с Франческой и не один только раз. Но как я могу ей объяснить, что сделал это только потому, что я мужчина, и она запрыгнула на меня, и я любил её, и как должен был понять? Я любил Франческу, хотя и по-другому. Я буду любить её вечно, совершенно отличающимся образом.

Внезапно я понимаю, — самым худшим из только что услышанного было не откровение Пенни об её сексе с Игорем. Хуже всего то, что она сказала позже. *Она поняла обратное*. Что такое это другое?

— *Обратное* чему? — рычу вопрос.

Пенни делает гримасу, которую я не могу интерпретировать, которую не собираюсь интерпретировать. Она заявляет решительно, громко, с тоном, в котором слышится истерика.

— Я не люблю тебя.

Я останавливаюсь посреди комнаты. Прищуриваюсь, словно хочу лучше сфокусировать размытую сцену. Смотрю на неё, а она смотрит на меня и кивает, и затем добавляет.

— Маркус, мы трахались и это было здорово, но мне нужен кто-то как Игорь. Он заставляет меня чувствовать себя уверенной. Ты хороши в постели и, несомненно, крут, но, давай посмотрим правде в глаза — ты был в тюрьме, у тебя дерымовая работа, дерёшься со всеми, и у нас нет ничего общего. Игоря я знаю много лет, а тебя сколько? Два месяца? Этого времени достаточно для захватывающего приключения, конечно, но не для большой любви.

Пенни даже не закончила говорить, а я оказываюсь прижат к ней. Я пригвоздил её в угол. В моей голове мигает только одно слово. «Сука. Сука. Сука». А потом... «Чёрт возьми, я люблю тебя, сучка». Я ненавижу тебя, но я люблю тебя. Я сжимаю ей шею пальцами одной руки. Чувствую, как движется её горло. Мы так близки, что наше дыхание перемешивается.

Хотел бы я сделать что-нибудь, что угодно — целовать её, трахнуть её, оскорбить её. Но я ничего не делаю. Я чувствую себя точно так же, как дерево, в которое ударила молния. У меня пожар в груди и сталкивающиеся друг с другом мысли из-за которых не в силах больше ничего понять.

Я просто знаю, что она меня не любит.

Тогда взрываюсь лживым смехом, потому что желания смеяться у меня нет. Отпрыгиваю назад, отпускаю её тонкое горло и мгновение, которое мне кажется столетием, внимательно на неё смотрю. Я разглядываю её и думаю, что это последний раз, когда вижу Пенни. Её яркие волосы, губы, персикового цвета, глаза, наполненные нежностью и штормом. В данный момент они полны бури и её тело, которое больше не принадлежит только мне. Это последний раз когда я её вижу, и понимаю, что если бы мир был колодцем, то ровно через минуту, после того как выйду отсюда, я в него упаду. Выхожу из квартиры, хлопнув дверью. Я больше никогда её не увижу.

Задерживая дыхание поднимаюсь в мансарду. Франческа ждёт меня. Я смотрю на неё и говорю:

— Мы уезжаем, немедленно.

Думаю, что время умереть у меня есть завтра.

Глава 29

Франческа

Как только я её увидела, то сразу же возненавидела. Толком, не понимая почему. Или, может быть, я знала. Меня раздражало то, что Маркус рассказал ей о себе, о нас. Но я не могла показать свою ревность. Я никогда этого не делала. Поэтому в действительности, когда ему написала, то не отобразила огонь, бушующий у меня внутри. Я потушила пожар. Написала в общем о нас, рассказала ему о моей жизни в клетке, поделилась тем, что собираюсь сделать с ним, как только выйду. Всего, я бы съела его всего.

Получив от него ответ, я хотела сломать решётки, которыми меня держали внутри, и выйти прямо сейчас. Потому что его письмо представляло собой концентрированные потуги ненужного дерьяма. Всякая чушь о его жизни, фигня о его квартире, всякая ерунда о том, как меня ждёт. Даже ни одного слова в сторону лика этого грёбаного ангела. Страница полного дерьяма, на первый взгляд горячего, но приторможенного. Как будто он боялся, что написав свободнее, он может заставить меня догадаться слишком о многом. Что я должна была не понять? Что он влюбился в неё?

Не думаю, что он сделал это специально. Не верю. Но невозможно прожить в течение двадцати четырёх лет в дерьямовом мире, в котором ты учишься быть осторожной вплоть до запятых, потому что иначе заплатишь своей кожей, и не понимать на лету, то, что нужно понять. Ты становишься хитрой. И когда ты любишь так сильно, то становишься сообразительнее в два раза.

Я не смеюсь больше тринадцати лет.

Маркус – единственный мужчина, который коснулся моего тела, не загрязняя его.

Не выношу ничьих прикосновений, даже сделанных случайно. Не говоря уже о тех, кто прикасается намеренно. Если бы он не убил того ублюдка из клуба, то это сделала бы я сама.

Я ненавижу даже людей, которые пялятся на меня на улице.

Ненавижу фотографироваться.

Я ненавижу любого человека, который хочет меня похитить, украсть, остановить, обыскать.

У меня есть только он.

Но теперь у него есть не только я.

Выхожу на несколько дней раньше, чем ожидалось, и приезжаю к нему, надеясь сделать сюрприз. Но сюрприз делает для меня он. Ошеломлён – да, но не в том смысле, каком я хочу. В его глазах скрываются миллионы ребусов. Занимается любовью, как будто выполняет свою обязанность.

По ночам я смотрю на него, притворяясь спящей. Он курит, погружённый в адское пламя. Затем берёт холодное пиво из холодильника. Мы пьём, как в старые времена, и, наконец, он свободен. Но это не утешает меня. То, что он меня по-настоящему трахает только по пьяни, совершенно не утешает.

Выходим купить что-нибудь перекусить, и вот тут, на тротуаре, картина становится настолько понятной, что меня чуть не вырвало. В нескольких метрах от нас вижу лицо грёбаного ангела. Она вместе с парнем. Оба садятся в машину и уезжают.

Маркус смотрит взглядом убийцы, который хочет пролить кровь, как другие сеют семена пшеницы. Я замечаю, как смотрит на них, вижу, как смотрит на неё. У меня трясутся ноги, и внезапно чувствую себя опустошённой, пустой-пустой и в ярости. Ощущаю себя более одинокой, чем изнасилованная маленькая девочка, которая бритвой режет вены. Когда мы поднимаемся, то спрашиваю его об этом. Бесполезно ходить вокруг да около и делать вид, что не прошли четыре года и два месяца. В особенности эти два долбаных месяца. Сначала он продолжает двигаться по этой проклятой зеркальной стене. Но потом соскальзывает. Когда признаётся что любит её, то я чувствую, что у меня нет завтрашнего дня. Я всё ещё в тюрьме. Нет, хуже. Я до сих пор в своей спальне с насилиющим меня отчимом.

Она любит его. Чёртов ангел, его любит. Я смотрю на неё, и мне не остается ничего другого, как только использовать эту любовь против неё. Я не вру ей в том, что говорю, но преувеличиваю. И не собираюсь открывать ей самую болезненную тайну, я не рассказываю ей то, что прочитала в его глазах – жаждущую любовь, ревность, неожиданную и ужасающую хрупкость. Она слушает меня и верит, чему позднее появляются доказательства.

Через несколько часов Маркус, наконец, возвращается домой. Лед и сталь вернулись в его взгляд. Он собирает свои вещи в тот же мешок, который прежде бросал в стену. Я собираю свои и мы уходим.

Глава 30

На мгновение Пенни повернула лицо к витрине, чтобы посмотреть на грозу, бушующую с бешеною горячностью, и спросила саму себя – куда пропало солнце. Она совершенно позабыла об ощущении тепла на щеках и красоте мира, который озаряет солнечный свет. В течение нескольких дней, Пенни не видела ничего кроме дождя. Этот город без солнца становился одним серым переулком.

— Мисс, я жду своего жареного цыпленка, — окликнула её женщина крепкого телосложения. Пенелопа перед ней извинилась и поставила ей под нос тарелку с блюдом, которое та заказала.

В этот момент, перед входом она увидела его, неуклюже сражающегося с капризами зонтика, захваченного ветром. Насквозь промокший, его длинного непромокаемого плаща цвета хаки было недостаточно, чтобы защитить от ненастной погоды. Ему удалось закрыть зонтик только после нескольких изворотливых движений. И, наконец, он вошёл в помещение, оставляя зонт сушиться в углу.

Он сразу узнал её. Пенни стояла посреди зала, одетая в жёлтое, с ободком официантки на голове и с прядью, зелёный цвет которой превратился в порошково-серый. Мужчина посмотрел на неё с улыбкой на промокшем и усталом лице. Пенелопа поприветствовала его как хозяйка дома, хотя это и не был её дом, а мистер Малкович не пришёл в гости. Он точно появился по работе. Если бы она ожидала что он придёт, то наоборот, была бы удивлена, почему так долго тянул. Пенни устроила его за столиком рядом с музыкальным автоматом и спросила – не хочет ли он кофе.

— Вероятно, да, очень горячий, спасибо. Боюсь, что поймаю простуду. Однако… я здесь по другой причине.

— Знаю, — ответила Пенни.

— Я хотел бы увидеть миссис Грей. До сих пор я просто держал её под контролем. Всегда знал, что Маркус приходил её проводить. Но сейчас мне необходимо поговорить с ней.

— Я подумала и об этом тоже, пойду ей позвоню.

— Подожди, сначала я предпочитаю поговорить с тобой. Можешь присесть на минутку? Почему ты работаешь здесь?

— Я оставила ночную работу, чтобы позаботиться о моей бабушке, которая заболела. Шерри практически спасла мою жизнь, нанимая меня. Она потрясающий человек.

— Я знаю и не осуждаю людей за их прошлое, важнее их настоящее.

— Возможно, было бы лучше не судить её вообще.

Пенни взяла кофейник, и умело наполнила чашку. Затем она присела на стул напротив Малковича, осознавая, что произойдет. Маркус уехал более недели тому назад. Он ушёл ночью, по-кошачьи тихо. Но даже если бы и шумел, то Пенни не смогла его услышать, потому что когда он сбежал вместе с Франческой, она лежала на своей кровати и навзрыд рыдала. В тот вечер, едва он вошёл, Пенелопа поняла, что Франческа права. Заточить его было бы похоже на убийство, медленную смерть, похожую на смерть от множества порезов. Обречь на изнуряющее течение совершенно идентичных дней, что вскоре наполнили бы его ненавистью к ней. Львы должны жить свободными, даже жить в жестокой саванне, даже погибать, пока это дикая смерть, смерть, достойная их жизни. Для Пенни последней каплей стали раны, которые она увидела на его руках после драки с Грантом. Если Грант заявит на него? Он снова окажется в тюрьме? И тогда он сбежал, погнался за ветром. Это было нелегко. Она плакала несколько дней. Она плакала вновь

каждый раз, когда возвращалась домой, и её глаза останавливались на винтовой лестнице, ведущей на мансарду. Она плакала из-за жестокой лжи, которую должна была выплеснуть на него, плакала из-за его грустных глаз – потому что за щитом гнева они действительно были грустны.

— Где Маркус? — спросил её мистер Малкович, сделав глоток горячего кофе.

Пенни с искренностью ему ответила.

— Я не знаю.

На что он покачал головой, выглядя печальным.

— Я надеялся, что он не совершил такой глупости, и боялся возвращения этой девушки, Франчески Лопес. Она всегда подбивала его на самые глупые поступки.

— Она... она любит его.

— Если бы она его любила, то не позволила бы ему так сбежать. Для того, кто условно-досрочно освободился, исчезновение без предупреждения своего инспектора приравнивается к побегу из тюрьмы. Если его поймают, то Маркус сядет вновь.

— Может, их не поймают. Они не террористы или серийные убийцы. Я не думаю, что у них на хвосте будет полиция, ФБР и ЦРУ. Они маленькие пешки. Если будут осторожны, то их никогда не найдут.

— Но что за жизнь их ожидает, вечно в бегах?

— Возбуждающая жизнь.

У мистера Малковича появилось ошеломлённое и немного печальное выражение.

— Мне показалось, что он дорог тебе. Я надеялся, что вы...

— Сказать, что он мне дорог – это ничего не сказать, — поправила его Пенни. — Но никто не может навязать другому образ жизни.

В этот момент их прервал голос.

— Девочка моя, за пятым столом нужен луковый суп, — сказала Шерри. — Ты принесешь ей? Доброе утро, мистер Малкович. Мне показалось странным, что вы ещё не пришли допросить нас. Мы не знаем, где Маркус, и даже если бы знали, то не сказали бы вам. И больше не беспокойте эту девушку, которая уже и так достаточно расстроена. Она почти ничего не ест, видите, как похудела?

Монти Малкович кивнул, словно только сейчас заметил, как плохо выглядела девушка. На самом деле она похудела, была бледной и медленной в движениях. Пенни покачала головой, а инспектор выглядел опечаленным.

— Я в порядке. И теперь собираюсь подать луковый суп за пятый стол, прежде чем у клиентов закончится терпение.

Но прежде чем она отошла, мужчина остановил её.

— Пожалуйста. Если он объявится, скажи ему, чтобы мне позвонил. Я до сих пор ничего не сообщал судье, подставляя самого себя под дисциплинарное взыскание. Я люблю этого парня, но если он не поможет мне, то не смогу долго его прикрывать.

Пенни кивнула, издав хрупкий вздох.

— Если он объявится, то скажу ему, но этого не произойдет. Послушайте меня. Маркус исчез из нашей жизни навсегда.

Волосы Барби снова были шелковистыми и благоухали розами. Пенни каждый день подолгу их расчёсывала. Наступил вечер и темнота окутывала улицы. Они сидели на диване, вернувшись из библиотеки во второй половине дня.

Бабушка нуждалась в постоянной помощи, и её пробелы с памятью становились пропастями. Однажды уродливым утром, она проснулась и, увидев Пенни спросила:

— Ты кто?

Сердце Пенни упало на землю и разбилось. К счастью, через несколько часов бабушка снова её узнала, но с тех пор Пенни жила с постоянной тревогой потерять Барби. Не физически, доктор заверила её, что с определенной терапией бабушка сможет прожить ещё долго, но умственно. Воспоминания Барби были частью Пенни, это была её семья. Они давали уверенность, что у них есть прошлое, они даже были уверены, что существуют сейчас, что были теми, кто имеет значение для кого-то другого. Но если бабушка решила уйти, что ей останется? Гигантская и разрушающая чёрная дыра.

Поэтому она общалась с ней каждый раз, когда было время, даже спала с ней. Днём работала, и затем бежала домой со спешкой матери, у которой есть маленькие дети, о которых необходимо заботиться. Она устала. Но усталая и хрупкая Пенни не сдавалась.

Два месяца прошло после отъезда Маркуса. В эти два месяца ей исполнилось двадцать три года, пришло Рождество, прошло Рождество, наступил новый год, и выпал снег. Грант больше не показывался и даже Игорь. И Маркус тоже. Монти Малкович дал ей свой номер телефона, и иногда, Пенни звонила ему и вздыхала с облегчением, когда он говорил ей, что Маркус всё ещё свободен, никто его не поймал и не вернул в тюрьму. Она надеялась, что он останется свободен навсегда. Живой и свободный.

Однако ей его не хватало. Не хватало, как не хватает света тем, кто живет за Полярным кругом и испытывает шесть месяцев абсолютную тьму, даже без единственного рассвета в течение ста восьмидесяти дней.

Внезапно, когда она продолжала расчесывать длинные локоны Барби, бабушка сказала ей:

— Сегодня для меня пришло письмо. Может быть, это любовное послание от Джона?

— Для тебя? Ты можешь мне показать? — воскликнула Пенни.

Старинным жестом дамы, которая хранила деньги в вырезе платья, считая его самым безопасным местом на земле, сейфом, который ни один порядочный мужчина не посмеет нарушить без разрешения, Барби вытащила прямоугольный конверт. Письмо не выглядело романтическим посланием. На самом деле, оно было адресовано ей, Барбаре Роджерс, но несло на себе оттенок официального общения. Может быть, требование оплаты? Какой? Пенни его открыла, опасаясь плохих новостей. Это было письмо от адвоката, который призывал её обратиться в свою юридическую фирму, в определенный день и время, для важных сообщений, касающихся её. Пенни не знала этого имени. Она спросила у бабушки, надеясь что она что-то ей пояснит, полагаясь на память, которая сохранила не повреждённым прошлое и некоторые странные детали, но Барби покачала головой, искренне ничего не подозревая.

— Жаль, что это не Джон, — добавила она с сожалением.

Пенни взяла сотовый телефон, чтобы позвонить по номеру, указанному на качественной бумаге для писем. Ей ответила чопорная секретарша.

Когда узнала о чём шла речь, то посмотрела на бабушку, которая наносила душистую пудру на щёки и смеялась своему отражению в зеркале. Пенни подумала, что любовь может проявляться различными образами, слишком многими. Раной, которая не перестаёт кровоточить. Тяжёлым багажом воспоминаний. Сожалением о том, что ты сделал, и сожалением о том, что ты хотел сделать. Но также и, прежде всего, хорошо пахнущим носовым платком, который вытирает твои слёзы, когда память теряет цвет и жизнь укорачивается.

Любовь – это золотой четырёхлистный клевер, это тёплое одеяло, та далёкая музыка и чудо, которое однажды вечером возвращается на закате, когда всё кажется навсегда потерянным, и заставляет ощущать себя бесконечностью для тех, кто никогда тебя не забывал.

Глава 31

Франческа

Какой дерзкий февраль. Но я не думаю, что это зависит только от месяца. Это не вина холода и дождя. Это вина Маркуса. Мы всё ещё вместе, но мы больше не вместе. Мы пересекли семь штатов. Выполнили много мелких работ. Мили прошли пешком и на автобусе. На машине легче быть пойманными. Мы трахались в десятках мотелей. Никто нас не искал. Но он больше не мой.

Всё же, мне и этого достаточно. Я не хочу его потерять. Я довольствуюсь тем, что достаётся – его тенью. Мне хватает его взглядов с туманом внутри, секса с ним, рычащим и отстранённым, после которого он сразу встаёт и идет курить вдали, а затем возвращается спать и рассыпается на части в полном молчании. Одной из ночей я не выдерживаю и подхожу к нему. Маркус стоит перед окном с полуоткрытым жалюзи, которое выходит на унылую панораму парковки. Я забираю зажатую между его губ сигарету и, сделав пару затяжек, спрашиваю:

— Ты всё ещё продолжаешь думать о Пенни?

Неосторожное любопытство. Самоубийственное любопытство. Глупый способ, нехарактерный для Франчески Лопес – унизить себя и напомнить его трогательное признание в любви два месяца назад. Но сейчас я другая. Мы оба изменились.

Он смотрит на меня, глазами, узкими как щели.

— Что за бред ты несёшь? — Бросает в ответ, и внезапно у него появляется бешеное выражение, которое пугает даже меня.

Я должна отступить – зачем это делаю – но я не сдаюсь.

— Ты сказал, что...

Он смеётся, забирает у меня сигарету и затягивается в свою очередь. Его окутывает дым, который затем убегает в невидимую щель в окне.

— Я сказал херню. Слuchaется, не так ли? — продолжает он. — Я даже не помню, как она выглядит. Трахаться – это просто трахать. Поддерживал упражнения два месяца, и на этом всё. — Он уставился на меня зло улыбаясь, а пальцами сжимает моё запястье.

О подоконник давит сигарету, оставляя скомканый окурок, и полностью опускает жалюзи. Мы снова оказываемся в постели. Заниматься сексом с Маркусом – это как оказаться внутри урагана.

Для меня он это всё. Этот лишающий дыхания и потный секс – это всё. Он мой ангел и мой демон.

Но когда он входит в меня, я боюсь. Я хочу плакать, и хочу побить его кулаками. Не из-за безумства, с которым он это делает, а из-за взгляда. Его глаза смотрят на меня, не видя меня. Из-за этих стальных глаз, которые не понимают, кто они. Он трахается с Пенни или ей назло, чтобы отомстить, и сам этого не знает.

Льёт как из ведра, когда мы идём по главной улице городка, название которого я даже не помню. Мы вышли из паба, где пили пиво, смотрели вокруг, избегали неприятностей. Маркус шёл впереди меня, широко и твёрдо шагая, не так далеко, чтобы забыть обо мне, но достаточно далеко, чтобы игнорировать меня. Несмотря на потоп, он настойчиво пытается прикурить сигарету.

— Эй, — говорю ему, — хрена с два, у тебя получится.

Он смотрит на небо, как будто только сейчас понимает, что Бог посыпает ненастье. Он закрывает глаза, и вода скользит по его телу, по ресницам, по носу, по бородке, длиннее, чем обычно, на кожаное пальто.

— Правда, промокла насеквоздь, — отвечает и далеко откидывает сигарету, в реку, которая течёт посередине дороги.

Затем опускает взгляд, и выражение на его лице меняется. Похоже, что он увидел призрак. Я смотрю по направлению, куда смотрит он, и тоже останавливаюсь как парализованная.

На дороге, посреди воды, стоит девушка. Это она? Нет, не она, но, к сожалению очень похожа. Маленького роста, худая, неуклюжая, с нелепыми волосами каштанового цвета, окрашенными в красный, фиолетовый, и кто знает какой ещё цвет. Она что-то уронила на дорогу и, погрузившись в лужу, двигается как неуклюжий лебедь. Книги? Возможно ли что это книги? Что делает тут эта идиотка с книгами в разгар бури? Но неважно, кто она и что делает, важно то, что демонстрирует Маркус — он прекрасно о ней помнит, так как ему достаточно заблуждения, чтобы сойти с ума. Он бросается и пересекает улицу, пробирается по грязи, не обращая никакого внимания на бьющий дождь. Выглядит как лошадь, бегущая по морским волнам.

Смотрю, как он наклоняется и помогает ей. Его спина — это барабан в руках грозы, и пока думаю, что ничего нельзя изменить — его сердце осталось там, его тело осталось там, и что она сделала с ним, что же эта невинная шлюха с ним сделала, из-за угла улицы появляется автомобиль. Тот, кто за рулём должно быть пьян, или сумасшедший. Резко сворачивает, поднимая воду, визжат шины, а затем направляется прямо на них. Один миг. Я кричу. Девушка кричит. Маркус не кричит и с силой отталкивает её ближе к тротуару. Автомобиль наезжает на него. Книги падают на землю. Маркус падает как книги, между книгами, в окровавленную воду. Автомобиль вылетает на противоположную сторону и врезается в стену, под долгое истеричное эхо гудка, и я кричу в голос до хрипоты о конце любой надежды.

Глава 32

Весна, в Вермонте, застыла между снегом и цветами. Природа пыталась победить холод. Выйдя из магазина, с полным пакетом продуктов в руках, Пенни осторожно шагала, чтобы не поскользнуться на обледенелой дороге.

Когда она собиралась открыть автомобильную дверь, её окликнул Джейкоб, выглядывая из дверей магазина.

— Пенни, ты забыла шоколад!

Она с благодарностью ему улыбнулась. Джейкоб был высоким здоровяком, с очень светлыми волосами, глазами цвета примула и руками, сильными как у дровосека. Он был немного в неё влюблен, и несколько раз они даже вместе гуляли, но эта любящая дружба никогда неправляла свои крылья, устремляясь к чувствам романтическим или страстным.

Пенни это устраивало.

Два года и три месяца как её сердце превратилось в бонбоньерку (Прим.: коробочка для конфеток) наполненную льдом. С левой стороны между её рёбер поселилась зима, и Пенни была не в состоянии испытать что-то, хотя бы навскидку напоминающее любовь. Единственная любовь, присутствующая в её жизни — была любовь к Барби.

Но теперь ушла и Барби. Шесть месяцев она жила одна, без связей, за исключением своих воспоминаний.

Пенни забралась в пикап с обычным еженедельным запасом продовольствия. Она устроилась на сидении, перекинула назад длинную косу, которая влезала из-под розовой шерстяной шляпы.

Она жила в Вермонте уже более двух лет. Пенни осталась без слов после того, как отвезла свою бабушку к тому адвокату и узнала суть новостей, о которых ей пересказали по телефону. Барби напротив, их высказала много — наполненных сладкой благодарностью, но без слишком большого удивления, без недоверия, которое, как правило, появлялось при сообщениях подобно этому. Возможно потому, что она всегда знала, что Джон вернее Томас действительно существовал. Или потому, что её ум продолжал жить в прошлом, в те романтические годы. Таким образом, она не пережила то удивление, что и Пенни, узнав, что мистер Томас Макрудер, недавно умерший, никогда не состоявший в браке и бездетный, оставил ей, своей любимой и никогда не забываемой Барби, всё своё имущество, каждую мечту, которую он выращивал в своей одинокой жизни. Ферма в Вермонте. Белый деревянный дом. Красный сарай. Клёны и яблони. Зелёные и золотые луга. Пространство, воздух, лес в горах и необъятность, которая утешала душу.

Таким образом, они спешно переехали. Пенни отцепила свой кулон, и они переместились как дикие гуси. Там они жили в полной изоляции — только они и природа, даже без компьютера, только телефон для чрезвычайных ситуаций.

До своего последнего дня Барби считала, что ей шестнадцать лет.

Пенни никогда не узнала — были ли реальными откровения бабушки о прошлом, что Томас, возможно, её настоящий дедушка. Хотя у него были густые медные волосы, а не светлые, как у Барби, и не каштановые, как у её родителей. Ненаучное доказательство, но достаточный повод для фантазии.

Она знала только, что благодаря этому мужчине её тайная мечта сбылась. Может быть, где-то между горами и снегом действительно существовал Бог, который слышит молитвы смертных и завязывает узелки на своём платке, чтобы рано или поздно

вспомнить и реализовать их. Возможно, это была магия, судьба, умысел ангелов. Возможно. В любом случае надеяться всегда лучше, чем умирать от тоски.

И она продолжала делать это в течение двух лет и трёх месяцев, без перерыва.

Пенни проехала под деревянной аркой, которую собственноручно расписала красными буквами. Под стилизованным силуэтом, казавшимся весёлой русалкой, выделялась надпись: «*Дом Барби и Томаса*».

Она проехала по подъездной дорожке в окружении яблонь. Припарковалась рядом с домом на участке, который самостоятельно расчистила этим утром, перекидывая снег на одну сторону и превращая его в порыве безумия в маленького снеговика межсезонья, как будто об этом её попросила бабушка, когда Барби хотела поиграть. Взяв пакет, она вышла из машины. На милях вокруг неё, простирались участки земли: кое-где пытались пробиться побеги, но многие были ещё укрыты снегом. Работы предстояло много. Пенни очень бы хотелось завести лошадей. Пока она радовалась рыхлому коту. Она сеяла овёс, кукурузу, картофель, ячмень и пшеницу. И собирала яблоки. То, в чём она не нуждалась для себя, она продавала. Во время жатвы к ней приезжали и помогали несколько человек из города. Она платила за их помощьическими килограммами зерновых. Пенни планировала переделать старый заброшенный амбар в небольшую квартиру для сдачи в аренду туристам, кто любил природу и покой.

Она вошла в дом и Тигр, её кот, бросился ластиться вокруг ног в извивающемся танце. Пенни мимоходом его приласкала и положила пакет на массивный кухонный стол. Когда она расставляла припасы, то взглянула на своё отражение на поверхности старого стального холодильника.

В Коннектикуте никто из соседей не узнал бы её. Физическая работа сделала её телосложение крепче. Щёки стали малиновыми от холода. Пенни больше не подстригала волосы. Они отросли до талии – гладкие, с бликами каштанового и медного цветов, без локонов с причудливыми оттенками. Пенни часто, как сейчас, заплетала их в неаккуратную косу, которая лежала на плече и груди. Она носила только джинсы, толстовки и перчатки из флиса, рубашки в клетку и резиновые сапоги. Не то чтобы раньше она была элегантной дамой, но теперь полностью выглядела как крестьянка, без грамма макияжа и даже без своего странного маникюра. Её ногти были короткие и без лака.

В этот момент она заметила, что дрова для камина почти закончились. Быстрым шагом вышла из дома и пошла на задний двор. Тигр последовал за ней, как поступал всегда, если погода была тёплой. Он избегал наступать на снег, прыгал на всё более широкие участки земли с зеленью, в поиске солнечных лучей, где растягивался то ли как ленивая кошка то ли как собака, и начинал вылизывать себя, мирно мурлыкая. Пенни взяла поленья и с немыслимой энергией разбила их топором на две части. Звук раскалывающегося дерева был расслабляющим.

Внезапно кошка-собака прервал своё мирное занятие и на спине у него встала дыбом шерсть. Он всегда так делал, когда лиса или белка пересекали эти местности, даже на расстоянии. Пенни не придала этому слишком большого значения. Она взяла в руки максимальное количество поленьев, которые могла отнести, улыбнулась глядя на котёнка, который продолжал изображать льва в саванне, и повернулась, чтобы вернуться в дом.

Именно в этот момент она инстинктивно ослабила хватку, и куски древесины упали вокруг, как лавина из камней. Тогда она приоткрыла губы, широко раскрыла глаза и сдерживала безжалостное желание упасть в обморок и расплакаться.

Глава 33

Было здорово жить рядом с морем. После гор в её детстве и городского ада юности, дом на пляже стал новым пристанищем. Она больше никогда не вернётся в Монтану. И хотела помнить те места такими, какими видела их глазами, когда была ребенком.

Шерри сидела на ступеньках перед входом и наслаждалась солнечным воскресеньем, даже если солнце кусалось. На пляже какой-то смельчак бежал, бросая холоду вызов. Океанские волны были сильными и высокими, и накладывались на самих себя, как голубые когти ястреба. Ветер дул, приятно лаская, и заставлял танцевать её волосы цвета сахара.

Вдруг послышались шаги по песку.

Она беспечно повернулась, думая, что идёт обычный прохожий, который вместо того, чтобы совершить долгую прогулку, срезал с этой стороны, чтобы добраться быстрее до пляжа. Но это не был обычный прохожий.

Улыбка Шерри превратилась в абсолютно счастливый смех.

— Мальчик мой! — воскликнула, вскакивая на ноги. Она обняла его, взволнованная так сильно, что по щекам покатились слёзы. Маркус улыбнулся, поправляя ей мягкую и белую прядь.

— Когда ты вышел?

— Несколько дней назад.

— Покажись! Как ты себя чувствуешь? Выглядишь хорошо. Физически, по крайней мере.

— Я в порядке.

— Садись, я собираюсь приготовить кофе, хочешь?

Короче говоря, они оказались сидящими на этих ступенях, согревая руки о большие чашки с крепким кипящим кофе. Ветер гонял повсюду солёную воду и мелкий песок. Время от времени, когда облака перемещались, и небо темнело — всё становилось похожим на серебро, а затем вновь начинало переливаться на свету.

Шерри, внимательно разглядывала Маркуса, отклонившись в сторону. Её мальчик всегда был красивым, даже если он уже и не был ребёнком, Маркусу исполнилось двадцать семь лет, он стал мужчиной. Выглядел устало, с глубокими тёмными кругами вокруг век, что делало мрачнее его удивительные глаза. Они выпили кофе, Шерри наблюдала, как из кармана он достал сигарету, прикурил и стал медленно курить. Сделал затяжку и задумался. Затяжка и взгляд на море.

— Расскажи мне немного о себе, — попросила она.

Маркус пожал плечами.

— Мне нечего сказать. Я же сидел. У меня не было активной социальной жизни.

— Как я испугалась, милый мой, когда мне позвонил этот тип...

— Ты имеешь в виду Малковича? Что он сказал?

— Что ты попал в ДТП со смертельным исходом. У меня чуть не случился сердечный приступ!

— Из-за одного столкновения с машиной, управляемой идиотом, пьяным в стельку? Ничего серьёзного. Черепно-мозговая травма, растяжение связок запястья и несколько поверхностных ран. Однако в отделении неотложной помощи меня сразу же вычислили, и после того, как меня подлечили в течение нескольких дней, вернули обратно в тюрьму. Но знаешь... всё случилось к лучшему.

— Лучшему?

— Да, беготня и скитание бродягой по миру меня сломало.

— Я думала, тебе нравится.

Маркус глубоко затянулся.

— Когда-то, может быть. Но потом... я не знаю... превратилось в бесполезную вещь. Скуку. По крайней мере, тот, кто сидит в тюрьме ждёт чего-то. Я больше ничего не ожидал. Я себе казался пустой пивной банкой, которую пинают с тротуара на тротуар. Если бы не произошла эта авария, то сам бы принял решение вместо судьбы. Сам хотел сдаться.

— Нет ничего лучше свободы, любовь моя.

— Так думал и я. Но свобода переоценена, если тебе некуда идти и не с кем пойти.

Шерри про себя улыбнулась, но Маркус этого не заметил. Он продолжал смотреть на океан.

— Как она сейчас? — спросила его Шерри.

Маркус резко обернулся и, нахмурившись, посмотрел на неё.

— Я не знаю. Пришёл спросить тебя.

— Откуда мне знать, как дела у Франчески?

Он сжал губы, и сигарету между пальцами, а дым, выходил из носа, как из ноздрей дракона.

— Я думал, что ты говоришь о...

— Пенни? И почему ты так думаешь, малыш? Я имела в виду Франческу. Знаю, что она некоторое время жила у Малковичей.

Маркус на мгновение опустил веки, как будто солнце ослепило его. Наконец он пробормотал:

— Она до сих пор у них. Когда он приехал в больницу, ожидая найти меня полумёртвым, Франческа была там, одна и в отчаянии, выглядела мертвее меня. Поэтому, посоветовавшись с женой, они пригласили её остаться с ними. Я не знаю, какое чудо произошло: дело в том, что сначала он ругал её, на чём свет стоит, теперь они её обожают. Я заезжал её проводать. Она работает и учится и выглядит как совсем другой человек. Не знаю, счастлива ли Франческа, но она держится подальше от неприятностей.

— Это хорошо. В любом случае, я знала, что Малкович приходил к тебе. Он сообщил мне о том, как ты себя чувствовал, и о том, что снова попал в тюрьму. Я хотела навестить тебя или написать, но он сказал, что нам всем лучше оставить тебя в покое на какое-то время. Он сказал, что об этом попросил его ты.

— Правда. Слишком много людей вокруг, слишком много давления. Франческа, полиция, которая меня заблокировала, как будто я серийный убийца, Малкович и его жена... агония. Я сломался.

— Сломался из-за тех, кто присутствовал или из-за того кого не было?

Маркус внимательно посмотрел ей в глаза, долго не отрывая взгляда.

— Из-за тех, кого не было, — признался он. — Где она? Я приходил к ней в квартиру, но нашёл там другую семью.

Шерри уныло покачала головой.

— Я хотела бы помочь тебе, но не знаю. Несколько недель Пенни работала у меня. Однажды, неожиданно пришла, чтобы сказать, что она и её бабушка собираются переехать, целует меня в щёку и оставляет для тебя конверт с деньгами.

— Что?

— Пенни сказала, что эти сто долларов должна тебе за определённую работу. И добавила: если Маркус вернётся и спросит меня, отдай ему. Если не вернётся, отдай их на благотворительность тем, кому ты захочешь.

Маркус вскочил на ноги, отбрасывая сигарету далеко в песок. А его лицо, до сих пор казавшееся вырезанным из белого мрамора, теперь искажала ярость.

— Зачем мне её грёбаные деньги? — воскликнул он. — Я надеялся, чёрт возьми, я надеялся что, по крайней мере, ты знаешь, куда она делась! Как мне её найти?

Шерри посмотрела на него с нежностью и волнением. Её ребёнок. Её бессердечный мальчик. Её влюблённый мальчик. Она вспомнила Пенни, когда та уезжала. Она плакала на её материнских руках. Кто знает – где она сейчас, кто знает – как она.

— Пойду, принесу тебе эти деньги. Потом, если хочешь, порви их на тысячу частей, но я должна тебе их отдать. Я ей обещала. Доставлю как заказное письмо.

Когда она вернулась с маленьким конвертом, который ей оставила Пенни, и всё ещё запечатанным, Маркус ждал. Все эти годы Шерри хранила послание в копии своей любимой детской сказки «Спящая красавица». Он схватил конверт и широкими шагами направился к берегу.

Шерри не раскрыла ему секрет, что несколько раз разглядывала его на свет, в попытке выяснить – не содержит ли оно вместо денег письмо. Она не рассказала, как расстроилась, когда, без сомнения, обнаружила лицо Бенджамина Франклина и множество других деталей сто долларовой банкноты, цвета чайного листа. И ничего другого.

Она смотрела, как Маркус удалялся, и молилась, чтобы он нашёл свой путь. Даже Франческа справлялась с этим. Однако молила не о выматывающей дороге, которая как песчаная тропа, вела к морю злобы. Её мальчик уже достаточно пострадал и заслужил всё самое лучшее от единственной жизни, которая имеется у людей.

Глава 34

Маркус

Я не могу сказать, что не пробовал. Но могу признаться, что не смог. Я думал о Пенни без остановки с тех пор как ушёл той ночью. Хорошо, что случилась авария.

Я вернулся в тюрьму – самое подходящее место, так как на улице мне не понравилось. Если ты хочешь чего-то, чего не можешь иметь, если ты хочешь его с животным отчаянием, если внезапно мир для тебя становится слишком маленьким, поэтому душит тебя, и слишком большим, потому что нет места достаточно далёкого, чтобы помочь позабыть, тюрьма становится хорошим компромиссом.

Франческа какое-то время мне писала, и на этот раз Малкович ей не запрещал. Я ответил ей один или два раза, а потом всё. Пенни мне никогда не писала. Представлял её счастливой и довольной с Игорем, и благодарил небо за то, что был там, где я был. Поскольку не подвергался риску отметелить его, как сделал Гранта. Не из-за страха перед тюрьмой, а из-за страха, что она начнёт меня ненавидеть.

Я продолжал спрашивать себя, что такое испытываю. Хотел бы быть умнее, чтобы найти ответ в какой-нибудь книге, но я не смышлённый. Я ублюдок, который думал что сделан только из мышц и искушений, и вдруг обнаружил себя умирающим от любви. К той, кто даже не хочет этого. Это было бы смешно, не будь так трагично.

..*

Первое, что я делаю после освобождения – возвращаюсь в тот дом, в ту квартиру. Знаю, это полная хрень, и она мне прямо так и сказала более двух лет назад – мы разные планеты, и предпочитает Игоря и таких, как он, но это сильнее меня. Пенни здесь больше не живёт, и даже нет её бабушки: соседи только говорят, что они переехали через несколько месяцев после моего отъезда, но никто не знает куда именно.

Тогда я отправляюсь к Малковичу. Его нет, а его жена тащит меня внутрь и изливает длинный список похвал в адрес Франчески. Сначала она была дьяволом во плоти, а теперь – земной ангел. Она рассказывает мне, что Фран поступила на курсы, много учится, выполняет очень порядочную работу в одном, очень шикарном кафе (её слова), и она с мужем её обожают. Она даже спит в комнате Кэмерона.

Пока она со мной говорит, Франческа спускается по лестнице. Моя Фран. Красивая, как драгоценный камень. Алмаз и базальт вместе. Она улыбается, и это заставляет меня чувствовать себя хорошо. Последний раз, когда я её видел – она плакала, потому как думала, что я умираю.

Обнимает меня, и я её обнимаю. Моё сердце не разбивается. Желание не переполняет меня. Просто испытываю глубокую нежность.

— Малышка, — говорю ей, даже если она совсем не маленькая, — ты великолепна.

— Ты тоже. Как дела?

— Я в порядке.

— Представляешь, я тоже! Это странно, и иногда даже немножко жутко, но... это похоже на то, как будто я снова стала маленькой девочкой. Они относятся ко мне как к двенадцатилетнему ребёнку с простудой. Не знаю, сколько это продлится, может быть, через месяц убегу в ночь, унося всё столовое серебро, но на данный момент... я хочу иметь двенадцать лет. У меня их никогда не было.

Итак, без каких-либо других комментариев я выпаливаю прямо свой вопрос:

— Прежде чем уйти, Пенни сюда заезжала? Ты знаешь, где она?

Франческа наклоняет голову набок и смотрит на меня.

— Ты всё ещё влюблён в неё, — говорит она. Это звучит не как вопрос, а как утверждение.

В мгновение ока её взгляд теряет открытость и наполняется тенями. Я не знаю, что она ко мне испытывает, после двух лет утекло много воды и кто знает как далеко. Я не позволил ей писать мне, отверг её без слов.

Я бросил её, но никогда не переставал считать особенной: она это я, она моя сестра, она моя мать. Опора моих разбитых дней. Одеяло моих холодных ночей. В шестнадцать лет без неё я бы умер. Он спасла мне жизнь, когда я был голоден, и когда моё сердце было более хрупким, чем яичная скорлупа. Она предложила мне своё израненное тело. И теперь у неё такие грустные глаза, как будто они сделаны из пролитых чернил, кажется, что она собирается плакать чёрными слезами. И, тем не менее — не могу и не хочу ей врать. Хватит нести чушь, достаточно слов, которые говорят «нет», когда мысли и кровь кричат обратное. Так что, я просто кивнул, глядя ей в глаза. Это только, правда: правда, из-за которой я живу в аду два года и три месяца.

Франческа опускает веки, медленнокусает губы и, похоже, ищет тайную идею. На мгновение возвращается девочка-воин из прошлого, которое мы оба с этого момента хотим превратить в легенду. Наконец, она новая, признаётся тоскливым голосом.

— Я не знаю, поверь мне. Насколько я знаю, она уехала нездолго до того, как ты вернулся назад в тюрьму. Однако...

— Однако?

— Просто, ну, она любила тебя.

Франческа ведёт меня к дивану, садится и рассказывает историю. Я невозмутимо слушаю. Выгляжу как фотография самого себя, несмотря, что чувствую так, словно проглотил семь глотков огня. Вспоминаю ту ночь, её слова, лицо и дрожащее тело. Мне жизненно необходимо вернуть её. На мгновение я закрываю глаза, мои кулаки становятся камнями, и чувствую себя более одиноким, чем потерпевший крушение на необитаемом острове. Между тем, Франческа наблюдает за мной практически с подозрением, возможно, она ожидает мою ярость. Напротив, я погладил ей щёку. Не могу обижаться на неё, хотя то, что она сделала, вероятно, разрушило мою жизнь. Но я не могу злиться на неё, видя печаль в её глазах как у богини с разбитым сердцем.

Когда ухожу я размышляю:

— Я люблю тебя, моя маленькая Фран, свет моей юности. Ты помогла мне не умереть, когда я был парнем. И, тем не менее, не понимаю, как это произошло и не знаю, почему... но без Пенни, став мужчиной, я не могу жить.

Исчезла, растворилась. У Шерри тоже нет новостей. Я попытался позвонить на номер мобильного телефона, который у меня был, но он больше не активен. Мне от неё осталась только одна купюра, сложенная в помятый конверт. Я бы хотел поджечь море. Я бы хотел разбить небо.

Вытаскиваю из конверта купюру и держу её на ветру за краешек, между двумя пальцами. Она хлопает и трепещет, как раненая птица. Я собираюсь отпустить банкноту улететь, когда между ударами ветра замечаю, что на обратной стороне у неё есть надпись. Нахмурил лоб. Переворачиваю банкноту, которая крутится и корчится так же как птица,

которая хочет вырваться. Мой взгляд пригвождает несколько букв, написанных розовыми чернилами: «Я люблю тебя. Если ты всё ещё меня хочешь, я здесь, П.».

Рядом написано название города, вместе с инициалами штата Вермонт. Сжимаю в кулаке бумажку. Подношу ко лбу руку и с трудом сглатываю. Я собирался выбросить её. Собирался избавиться от неё. Только эта мысль врезается в меня, как я всем своим весом оседаю на песок. Именно сейчас солнце вырывается из-за облаков. Я смеюсь и выгляжу как безумный на берегу моря. Я смеюсь и снова начинаю надеяться.

Найти её несложно. Городок маленький. После миллиона дерьма судьба мне подмигивает. Пенни выходит из магазина, именно в этот самый момент, ни мгновением до или после. Я сразу её узнаю. Она направляется к старому пикапу, цвета зеленого яблока. Я смотрю на неё и не дышу, серьёзно – я не могу дышать. Она изменилась, но это всё равно она. Я хотел бы пальцами распустить эту косу, сжать в кулак волосы, целовать и ласкать её часами. Я хотел бы обнять её, засыпать с ней, просыпаться с ней, и делать так на протяжении всей этой жизни и последующей. Каждой каплей своей крови желаю её.

Потом парень из магазина окликает её назад, и вижу, как он на неё смотрит, и я боюсь. Если она меня забыла? Если у неё есть кто-то другой? Она даже не замечает меня, её взгляд прикован к каким-то своим мыслям, и я застываю позади автобуса, который остановился на конечной остановке.

Прошло более двух лет. Имеют ли смысл те слова, которые она написала на банкноте?

Глава 35

«Это именно он? Это Маркус?»

Пенни смотрела на него в недоумении, захваченная видением в плен. Два года назад уезжая прочь, она захотела бросить вызов судьбе. Вероятнее всего, Маркус больше никогда не вернётся, и если всё же когда-нибудь вернётся (бог знает как и зачем), то, скорее всего он потратил бы ту банкноту на спиртное. Или он будет её искать.

Он её искал.

Маркус стоял напротив, одетый в чёрное кожаное пальто, на плече держал рюкзак из ткани, зелёного армейского цвета, и в свою очередь смотрел на неё, как будто и он не был уверен – встретил реального человека или увидел галлюцинацию. Но Пенни была уверена. Это был он, именно Маркус. Его глаза, губы, горло, где виднелись границы татуировок, которые охватывали его грудь, внушительные плечи, мощные ноги, спрятанные под джинсами. Настолько высокий, что заставлял почувствовать её маленькой, словно тень от воробья.

Сердце Пенни больше не было одним сердцем – в нём собирались все сердца мира. Был риск, что его могут услышать и в Канаде. Инстинктивно, она заправила за уши прядь волос, как будто хотела привести себя в порядок. И подумала, как ужасно выглядит: не причёсана, плохо одета, после рубки дров вспотела, без макияжа, именно в этот проклятый и прекрасный день, прямо тогда, когда она хотела бы выглядеть лучше. Несмотря на то, что прошло много времени, и Пенни была двадцатипятилетней женщиной, которая противостояла жестоким испытаниям, она ощущала себя слабой и неуверенной и склонной разреветься как пятнадцатилетний подросток, который расстроился из-за дуновения ветра.

Пенни стояла, словно у неё завязали языки. Она не могла сказать ничего толкового. На самом деле, после бесконечного молчания она услышала свой собственный голос, как будто он был наделён собственной волей, произносивший глупость.

— Ты поможешь мне донести дрова в дом?

«Ты поможешь мне донести дрова в дом?»

Маркус колебался с секунду или, возможно, меньше, но потом кивнул.

По мере того, как они продвигались вокруг дома – Пенни шла впереди и несла в руках несколько поленьев, он позади, с остальной частью ноши и кот, который следовал за ними, избегая снежных пятен, Пенни в миллионный раз проклинала эту чёртову фразу. Она должна была обнять его, запрыгнуть на него, целовать его!

Они вошли в дом, Тигр запрыгнул на диван и устроился в месте, где солнце рисовало идеальный багровый клин света. Они положили поленья в корзину, и потом Пенни повернулась спиной к Маркусу, задерживаясь у камина. Некоторое время она провозилась с дровами и спичками, пока разжигала огонь. Вот тогда она сказала ещё одну бессмысленную фразу.

— Ты был неподалеку?

Что случилось с её мозгом? Решил закончить в каталепсии? Она чувствовала свою черепную коробку почти пустой, наполненной только сожжённым фундуком, мраморными камнями и какой-то смутной суициdalной мыслью. С двух разных фотографий, но стоявших близко на деревянной полке, как две части одного пазла, бабушка и Томас улыбались ей подбадривая. Она не могла двигаться, не могла пикнуть, за исключением этих идиотских слов.

— Нет, — решительно ответил Маркус. — Я нашел твоё послание и пришёл. Ты рада меня видеть? Хочу узнать – могу ли я остаться или мне нужно уйти.

Вместе со своим ртом он также говорил и телом. В смысле, сделал. Несколькошагами приблизился к ней, туда, где она замерла, наполненная сдерживающими слезами, с этой длинной косой на груди. Щёки Пенни имели тот же цвет, что и солнце, а в груди царило смятение любви. Маркус обнял её сзади, полностью оборачивая Пенни руками вокруг плеч, наклонился, чтобы произнести ей в самое ухо.

— Я люблю тебя, — прошептал ей, и ноги Пенни задрожали. Бабушка с фото сказала, чтобы она не боялась. Она снова ей повторила, что любовь — это чудо.

Тогда она повернулась, чтобы посмотреть на него и сказать в лицо.

— Не так сильно как я.

Мгновение он её рассматривал, отдавшись торжественности момента и пробегая глазами, миллиметр за миллиметром по лицу Пенелопы. Он положил руку ей на затылок, медленно провёл большим пальцем по губам, как если бы раскрашивал подушечкой пальца. Затем стянул резинку, которая удерживала волосы, освободив водопад жидкой меди. Потом её поцеловал. Сердце Пенни пролетело над вершинами клёнов, которые стояли вокруг в ожидании весны. Поцелуи Маркуса были настолько глубокими и плотскими, что проникали по всему телу. Его руки были нежными и наглыми. Она ощущала его тело, и желала ощутить всё остальное.

Они опустились на пол, на ковёр в стиле пэчворк, выполненный из больших лоскутов ярких расцветок, под ленивым взглядом Тигра, который наслаждался своим кусочком солнца. Маркус снял куртку, свитер, и его огромная грудь взволновала Пенни так же, как это произошло в первый раз. Она очень хорошо помнила его шелковистую кожу, твёрдые мышцы, агрессивные татуировки, кожаный шнурок, на котором висел серебряный крокодил, но её околдовало, как будто видела всё в первый раз. Она прикоснулась к нему, как прикасаются к картине, чувствуя под пальцами мягкие неровности окрашенной кожи. Племенные знаки, морского ската, сердце, то самое сердце пронзённое шипами...

— Что это символизирует? — спросила его.

— Меня самого, — ответил он. — Когда-то. Когда я ничего не знал, до встречи с тобой. А сейчас хватит болтать.

Он почти с яростью снял с неё толстовку. Добравшись до полностью застегнутой рубашки, пробормотал, — Есть что-нибудь ещё? Ну не знаю, скафандр? Чёрт возьми, Пенни, если я тебя не трахну, то умру.

— Ты утончённый как всегда, — пошутила она.

Оказавшись перед его взглядом обнажённой, она почувствовала себя хрупкой, но это длилось только мгновение. Видеть обнажённым и его, зажгло в ней чистое и животное желание. В глазах Маркуса сверкал ощущимый голод. И всё же она увидела, как он останавливается, лицо искачет гримаса, как будто внезапно вспомнил фундаментальную деталь. Маркус пробормотал с досадой и болью, — Клянусь, если я не окажусь внутри тебя, у меня случится сердечный приступ. Но у меня нет презерватива.

Она прижала его к себе и соприкоснулась животами.

— Давай, сделай всё равно.

Маркус зажал в кулак её волосы и языком вторгся в рот Пенни. Затем сказал.

— Ты серьёзно?

— Да. Не переживай. Несколько дней назад у меня были месячные, и после тебя у меня никого не было.

Маркус продолжал держать одной рукой её волосы, как пучок срезанных стеблей, когда издал хриплый вздох прямо ей в рот.

— Правда? — повторил он. — Ты всё ещё только моя? Твою мать, Пенни, ты меня делаешь ещё жёстче.

— Я ждала тебя, дорогой мой поэт.

— Ты знаешь, что я не поэт. Я возбуждён и без ума от тебя. В течение двух лет и трёх месяцев я не делал ничего другого, как думал о твоих глазах, о твоих губах и твоих бёдрах, каждый чёртов день.

— Тогда иди сюда. Давай.

Он ничего ей не сказал, а просто наблюдал за ней. Пенни, придав этому молчанию скрытный смысл, почувствовала налёт грусти. Маркус был прав, такое отношение было мудрым и осторожным, но делало ей больно. Она чувствовала, как будто у неё украли будущее.

— Хорошо, тогда я не... — прошептала она.

Вместо ответа Маркус проник в неё стремительным толчком, и начал иступлено двигаться в её теле со стонами и поцелуями. Там, на ковре-радуге, в плenу удовольствия, которое проникало под кожу и плоть и вплеталось в её душу, опустошая разум, у Пенни пролились слезы искреннего счастья, пока Маркус находился внутри неё, плоть к плоти, и дарил ей ту часть себя, даровал как залог бесконечности. Она задрожала от оргазма, почти поднимаясь над землёй, почувствовала себя лёгкой как дух небесный, а затем приземлилась в его объятья.

Обнявшись, они сидели перед камином, который начал нагревать воздух. Пенни прижалась к его груди, а Маркус продолжал целовать её лоб, волосы и прикасался повсюду.

— Ошибаюсь или твои сиськи тоже выросли? — спросил у неё внезапно.

— Пожалуйста, Маркус, ты слишком галантен, я хочу, чтобы ты был более грубым, — взразила она, смеясь. — Тем не менее, нет, у меня ничего не выросло, я просто подкачала некоторые мышцы.

— Прежде ты рубила поленья как дровосек. В следующий раз я это сделаю. Если останусь, мне придётся найти работу. Ты наймёшь меня как своего работника? Я могу вставать на рассвете и валить стволы, носить воду из колодца, чистить лошадей и конюшни и тащить плуг. И я обещаю, что ночью, несмотря на усталость, буду тебя трахать, пока ты не заплачешь.

Пенни сильнее прижалась к его телу.

— Ты действительно хочешь остаться?

— Ты действительно спрашиваешь? Пенелопа, я хочу остаться здесь, помочь тебе осуществить твою мечту и прикасаться к тебе до конца моих дней. Тем временем...

— Тем временем?

— Тем временем я хочу дать тебе две вещи.

Не оставляя ей времени спросить что, Маркус потянулся к брошенному на пол рюкзаку и вытащил конверт. Протянул его, и Пенни вопросительно на него посмотрела. Она открыла конверт и осталась озадаченная, глядя на неопределенное количество банкнот. Примерно там лежало более пятисот долларов. Она уставилась на Маркуса всё более озадаченная.

— Вещь...

— Это деньги, которые ты мне платила больше двух лет тому назад, когда я тебя охранял, — объяснил Маркус. — Это именно те самые, в том числе и последние сто долларов, которые ты дала Шерри.

— Ты никогда их не тратил?

— Нет, ни цента. Я чувствовал себя дерьяном соглашаясь на них, но я не хотел, чтобы ты знала, что буду тебя провожать даже бесплатно. Я не хотел, чтобы ты знала, как трахнула мою голову только тем, что просто дышала. Пенни, я запутался и внутри меня

царил ад. Не понимал, почему ты заставляешь меня чувствовать себя так, как я себя чувствовал. Я снова попал в тюрьму, и их у меня реквизировали, но на выходе вернули. В конверте именно твои деньги, а не другие банкноты того же значения. Они твои и всё. Ты никогда мне не платила, малышка, никогда. Я делал всегда всё только потому, что хотел сделать.

Пенни улыбнулась и вспомнила то время, полное страхов и вранья, порождённого этим страхом. Прошептала тихое:

— Спасибо,— и сразу после этого, — И второе?

Не говоря ни слова, Маркус снял с шеи кожаный шнурок с кольцом в форме крокодила. Он отсоединил его, и мгновение удерживал между пальцами. Затем одел кольцо на безымянный палец левой руки Пенни. Оно было идеально, казалось, сделано для неё.

Лёгким поцелуем Пенни прикоснулась к дешёвому кольцу, которое казалось самым драгоценным сокровищем в мире.

— Спасибо,— повторила и нежно погладила его грудь.

— И теперь, когда все формальности соблюдены, предлагаю вернуться к нам. Мне нужно наверстать два года и три месяца. Я изголодавшийся сукин сын.

Пенни подумала, что она тоже хочет наверстать упущенное время. А потом подумала, что не существует потерянного времени, когда ты узнаёшь саму себя и готовишься душой, сердцем и телом, к тому, кто однажды придёт и наполнит их во всех отношениях.

У неё оставалось ещё много вопросов, о чём хотела расспросить его, но могла и повременить.

В этот момент Маркус поцеловал её вновь, таким глубоким поцелуем, как небо в колодце, и Пенни подумала – да, она *должна* абсолютно точно подождать.